

Викки Латта

**Я - ХРАНИТЕЛЬ
СВЕТА!**

Академия Высшей магии

Annotation

Что сильнее: разум или чувства?

Одно столкновение – и я получила возможность стать стражем.

Одно сражение – и надменный аристократ потерял память.

Одно деловое предложение – единственное, что отныне нас связывает.

Сможем ли мы вместе найти живой ту, кого считают мертвой почти четверть века? А сиятельный – вспомнить все или... снова полюбить? Ведь все чувства забыты, и им отныне правит лишь холодный расчет...

- [Викки Латта](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Эпилог](#)
-

Викки Латта

Я – хранитель света!

Глава 1

До этого момента я не могла себе представить, что бывают такие вопросы, которые с размаху ударяют тебя под дых, и ты стоишь с открытым ртом, пытаясь вдохнуть воздух и... не можешь. А мозг сдавливает от осознания того, что ты слышишь. Вся правда этой реальности обрушивается на тебя лавиной, грозя погresti под собой.

Дэн действительно не помнил меня. Это я видела в его глазах. Они смотрели холодно и отстраненно. Пусть этот взгляд длился всего лишь мгновение, после которого комнату заполнили спешившие на помощь маги. Они ворвались в полуразрушенное помещение, принеся с собой шум и гвалт.

Послышался приказ:

– Разойдитесь! Не топчите улики! – И я увидела, как мужчина, очень похожий на Мора, подходит к куче пепла – всему, что осталось от демона, – и накрывает это место куполом.

Меня почти сразу же оттеснили от Дэна. Над ним склонился какой-то пожилой джентльмен, тут же начав водить руками вдоль лежавшего на полу тела руками, и спустя томительно долгую минуту произнес:

– С органами все в порядке, критических повреждений нет. Но что-то не так с энергетическими каналами. Я сейчас погрузил пострадавшего в стазис. Нужно вызвать бригаду целителей. Необходима более тщательная диагностика, чтобы...

Целитель еще что-то говорил, но я не слышала, потому как в спину словно с размаху вошла раскаленная спица. Прямо меж лопаток. Обернулась. Леди Стилл смотрела на меня, прожигая взглядом. Может, кроме него еще и проклятье какое добавила. Но мне это было безразлично. Я ощущала себя выжатой до последней капли.

Подтвердил это и целитель, который, посмотрев Дэна, принялся за меня.

– Вы чудом не выгорели, – отзывался он после беглого осмотра. – Но нет ничего непоправимого. Пока же я вам не рекомендую обращаться к дару. А ожог на груди сейчас залечу. Но все же советую поехать в целительскую.

Слова мага жизни не расходились с делом, он тут же положил руки чуть ниже моей шеи. Ровно на то место, где еще недавно был родовой артефакт Стиллов, принявший на себе основной удар протуберанца. Я почувствовала, как из ладоней пожилого джентльмена струится приятное тепло, а моя обожженная кожа под его пальцами начинает зудеть.

Промелькнула отстраненная мысль, что в каждой глобальной гадости может быть и маленькая радость, а то и вовсе весомая выгода. Так напрочь опустошенный резерв не позволил моему организму сопротивляться чужому лечению. Хотя я бы все сейчас отдала за другую возможность. Дэн...

Но над его телом сейчас склонялась леди Стилл. И я понимала: меня пока к нему просто не подпустят. Да и вообще смогу ли я его увидеть? Хотя бы потом? Не знаю, откуда появилась эта мысль. Но она словно просверлила мой мозг насквозь, неся с собой предчувствие беды.

И та не заставила себя долго ждать. Она появилась с девичьим восклицанием. То было ровно таким, чтобы показать и волнение юной леди, и ее хорошее воспитание, предписывавшее сдержанность, – все по правилам хорошего тона.

– Дэнни... Как же... Пропустите, пожалуйста. Я его невеста! – при этих словах перед девушкой расступились, и она присела рядом с госпожой Стилл, положив свою ладонь поверх материнской и тем выражая сочувствие и поддержку.

А во мне словно что-то оборвалось. Сломалась и замерла, недвижимая. Вне времени и реальности. Единственное, что я могла в этот момент, – рассматривать точеный изящный профиль аристократической невесты Дэна. И мозг наполняло отчетливое понимание того, что леди Стилл, как только узнает, что ее сын меня не помнит, приложит все усилия, чтобы свадьба с этой девицей, которая сейчас, изображая трепет, держит ее за руку, состоялась как можно скорее. И я ничем, абсолютно ничем не могу ей помешать.

Прикосновение Мора к моей руке заставило очнуться. Как оказалось, он не просто дотронулся до моих пальцев, он усиленно тормозил меня, как некромант, пытавшийся воскресить зомби не ритуалами и заклинаниями, а банальной тряской. Зато последняя была от души! Аж зубы клацнули так, что едва язык не прикусила.

– Ники! – звал меня приятель. – Пошли, нужно подойти к отцу...

– Оставь меня, – отозвалась безжизненным голосом.

– Ну уж нет! Если Толье решили кого-то отблагодарить, то сопротивление бесполезно! – с воодушевлением заявил друг и буксиром потащил меня вперед.

– Ты о чем? – не поняла я, по инерции переставляя ноги по направлению к мужчине, что накрыл куполом кучу демонического пепла.

– Как о чем? Моя тетя жива! – воскликнул приятель. Вот только как бы он ни был взволнован, но перед этой фразой полог тишины успел набросить. И оказалось, что не только на нас двоих, но и на герцога Толье.

– Сын, ты в этом уверен? – одобрительно глянув на защиту от чужих любопытных ушей, спросил отец Мора, с интересом рассматривая меня. И вот странность: в его цепком взгляде не было презрения или надменности. Скорее сдержанное любопытство и холодный расчет. Куда же без него? Кажется, у аристократов последний идет встроенной функцией природы сразу при рождении. А манеры благородные лорды и леди впитывают с молоком преподавателя.

– Практически абсолютно. И в этом огромная заслуга Ники. – Мор словно невзначай тряхнул нашими сцепленными руками. Точнее, своей, в которой держал мою ладонь, но кто со стороны разберет? – Помнишь, отец, я тебе о ней рассказывал?

– Это о той целеустремленной девушке с невероятным потенциалом? – уточнил Толье-старший.

Мозг, работавший словно вне зависимости от моего сомнамбулично-заторможенного тела, отметил, что герцог не сказал уничижительного «из провинции», как было при первой встрече с леди Стилл, или нейтрального «твоя однокурсница».

– На языке отца это означает «я тебя уважаю», – вдруг отчего-то просиял улыбкой Мор.

Только мне было не до светских знакомств. Я хотела ответить, что устала и хочу побыть пусть не рядом с любимым, но хотя бы постоять в отдалении, но не успела. В кабинет прибыл сначала отряд законников, а за ним и бригада целителей. И если вторые споро погрузили Дэна на носилки, то первые взяли в оборот меня и Мора, а

также быстро разогнали толпу зевак. И едва те ушли, как начался допрос.

Вот только перед тем, как офицеры начали задавать мне свои вопросы, леди Стилл, провожавшая носилки с телом, находившимся в стазисе, оказалась на секунду рядом со мной, успев прошептать:

– Быстро ты переключилась с моего сына на Толье. Далекое пойдешь. Только мимо нашей семьи. Я об этом позабочусь!

И, не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла прочь уверенной походкой человека, который покинул собеседника, но обещ... угрожал вернуться.

А я смотрела ей вслед, понимая: если эта леди решила о чем-то или ком-то позаботиться, то это что-то или кто-то скоро исчезнет. А с ее пути или вовсе из этого мира – это уже зависит от обстоятельств.

Испугалась ли я? Ни капли. После того как меня едва не убили в ритуальном круге, чуть не сожрал демон, обещания госпожи Стилл не впечатляли. Единственное, за что я сейчас переживала, – это жизнь Дэна. И его память.

Но вместо того, чтобы быть с тем, кого люблю, я отвечала на вопросы офицеров. Причем страж задавал их, казалось, по нескольку раз. Менялись формулировки, очередность... Я отвечала, даже не особо вдумываясь в то, что говорю. Голова была занята другими мыслями. Их было в ней – что овса в зернохранилище по осени. И ладно бы они были зернышко к зернышку. Так нет же... каша.

Не знаю, сколько бы меня и Мора еще так промариновали, но вмешался Толье-старший, заявив, что он, конечно, уважает рвение молодого офицера и то, что последний неукоснительно следует не только букве закона, но и параграфу учебника по допросному делу, но мы с напарником все же свидетели, а не подозреваемые. А время уже позднее...

Блюстителю закона хотел было возразить, что еще только десять вечера, но более опытный коллега тактично поправил его, пихнув локтем в ребра, и заверил господина канцлера, что следствие больше вопросов к нам с Мором не имеет.

Молодой лейтенант, только разогнувшийся от тычка, хотел было что-то возразить, но грузный сослуживец уже схватил его за локоть и отбуксировал в сторону. А затем весьма эмоционально начал что-то объяснять. И как он при этом ни старался понижать голос, но до меня

долетели басовитые «молокосос», «куда лезешь» и «в своих академиях»... И ответы тенорка «да как ты смеешь», «остолоп», «мозгов не хватает». Ну и от обоих пара крепких выражений из тех, какими могут обмениваться лишь равные по званию.

Я же слушала эту перебранку в тональности полусшепота и прикидывала, успею ли я в общежитие. И судя по тому, что показывали стрелки на циферблате, я успевала, но только через дыру в заборе академии. Центральные ворота были уже закрыты.

Хотя сил добираться до общежития не было.

Возникла малодушная мысль позвонить Силь и попроситься к ней. Пришла бы, прилегла тихонечко на диванчик в гостиной. Даже бурной ночи любви бы не помешала, честно.

Сегодня по расписанию у Силь была именно такая, полная пылких признаний, касаний, поцелуев... Возможно, еще небольшой истерики, угроз, попыток давить на жалость... – всего того, что составляет обязательный ритуал женщины на пути к бриллиантовому колье.

Да подруга с ее воздыхателем меня бы даже не заметили. А если бы и да... Прикинулась бы ветошью и заверила, что все в абсолютном порядке и они могут спокойно продолжать разврат. Представила себе эту картину, помотала головой, прогоняя видение, и уже было приготовилась собрать последние силы, чтобы добраться через полгорода до забора академии, как помощь пришла откуда не ждали – в лице мрачного Мора.

Приятель без обиняков даже не предложил, а поставил в известность, что я ночую у него в особняке. Потому как в общежитие уже не попаду. Про дыру в заборе я напоминать не стала и врать насчёт того, что Силь будет рада, если я завалюсь к ней сегодня, тоже.

Лишь благодарно кивнула, и уже через полчаса я клевала носом над куриным бульоном, который специально для нас с приятелем приготовил повар семейства Толье.

За столом, помимо меня с приятелем, был и сам канцлер с супругой. Они поддерживали ни к чему не обязывающую беседу, не пытаясь расспрашивать о том, как я узнала, что тетя Мора жива. За что я была им отдельно благодарна, но не обманывалась: завтра с лордом Толье у нас обязательно состоится обстоятельный разговор по этому поводу.

Вот только произошел он гораздо раньше, чем я могла предположить. Ровно в час ночи, когда я, ворочаясь в постели гостевой комнаты в бесплодных попытках уснуть, все же сдалась и отправилась вниз, туда, где в полночь еда становится и полезней, и вкусней, – на кухню. Там-то за нарезанием бутерброда меня и застук... кхм, застал канцлер.

Я стояла рядом со столом, когда услышала:

– Ты всегда режешь колбасу скальпелем? – поинтересовался канцлер.

И я, вздрогнув, увидела второго человека в империи. Он стоял в полосатой пижаме, пушистых тапочках и ночном колпаке, острый конус которого украшал помпон.

Как оказалось, он был тем еще ночным жрецом. Истинным адептом культа кефиропоклонников. И следы его жратв... жертвоприношения красовались в виде молочных усов. Пустую тару с подтеками от «молебна» он держал в руках.

– Только если они лежат на кухонном столе.

– Хм... Значит, Меридит уже спускалась... – глубокомысленно изрек Толье.

Видя недоуменный взгляд, канцлер просветил меня. Выяснилось, что мама Мора была множко целителем и немножко лунатиком. А еще – сидела на диете. Днем. А ночью, спящая, отправлялась добывать недополученные при свете солнца калории. Ну, порой и пользовалась при промысле привычным оружием лекарей – скальпелем.

Вот я нечаянно и схватила его.

– Хочу тебя предупредить, что им, возможно, утром фурункулы вскрывали.

– Если вы думали, что это испортит мне аппетит и я откажусь от бутерброда, то напрасно. Я нож... скальпель помыла, остальное меня мало волнует. – И в подтверждение собственных слов вгрызлась в бутерброд.

– Жаль, что ты такая бесстрашная, – вдохнул канцлер и потянулся к злополучному скальпелю, а потом к хлебу и колбасе – соорудить себе подобие моего ужино-завтрака.

А я убедилась: точно хотел мою добычу отнять!

Так, в молчаливом жевании, прошло несколько минут, а когда бутербродная прелюдия закончилась, Толье перешел к сгоревшему

телу демона и к делу о похищении собственной сестры. Вопросы он задавал совершенно иные. Отличные от тех, которыми обстреливал меня офицер.

Канцлер не повторялся, но многие детали уточнял, интересовался ходом моих мыслей, логикой. Я рассказывала ему все, что знала, не таясь. Он кивал. Когда я закончила, задумчиво уставился в темноту, а спустя какое-то время произнес:

– Знаешь, Ники... Ты пока первокурсница и наверняка не думала о распределении... Так вот, я хотел бы предложить тебе место в моем специальном отделе. Стажера.

Я открыла было рот. Не чтобы ответить. Нет. Исключительно зевнуть, потому как внезапно захотелось спать.

Но канцлер решил, что я хочу ему ответить, и опередил возможные возражения фразой:

– Ты только не отвечай сразу, у тебя будет четыре года, чтобы подумать...

– Да-а-а я по-оо-ка ничего и не хотела-а-а отвеча-а-ать, – через зевоту отозвалась я.

– Кхм, – кашлянул в кулак Толье, поняв, что поспешил. – Но имей в виду, у нас даже для стажеров отличное жалование...

– И сложные задачи. – О службе безопасности я, слава богам, знала в основном понаслышке.

Я искоса внимательно глянула на отца Мора. Если сын был тем еще интриганом, то папочка... Как говорится, гены пальцем не раздавишь и в баре не пропьешь. И такой матерый комбинатор и прожженный, расчетливый стратег не будет просто так делать предложение какой-то безродной адептке. Попасть на стажировку к безопасникам дорогого стоит. А тут...

Это была взятка. Не деньгами, а гораздо большим. Золото всегда, конечно, в цене. А вот возможности и перспективы, которые открывает такая стажировка, безграничны. И главное, у них нет срока годности. Все зависит от личных качеств молодого сотрудника...

– Не без этого, – согласился канцлер. – Дела порой и правда непростые.

– Например, такие как найти пропавшую почти двадцать лет назад из комнаты общежития адептку из аристократической семьи?

– Догадалась, – произнес Толье, но несмотря на то, что он скривился, в его голосе не было досады.

– Мор был куда прямее, когда делал мне предложение... – я не успела договорить, как канцлер зашелся кашлем. Видимо, его мысли в этот момент приобрели строго свадебное направление. Вклинившись в паузу в его кхеканье, я все же сумела договорить: – О сотрудничестве. В поисках его тети.

Мои слова подействовали лучше любых микстур. Толье-старший сразу же излечился.

– Знаешь, я всегда считал, что Совет Министров – тех еще упертых козлов – нужно бояться спереди, наемников – со спины, а умных девушек – со всех сторон. Особенно в разговоре. И сегодня в очередной раз в этой истине убедился.

Так и подмывало съехидничать, что заход на новый круг интриг засчитан, но тут Толье удивил меня второй раз за этот вечер своей прямоотой.

– Знаешь, Ники, я не вправе тебя просить, тем паче требовать, с учетом всего, что с тобой случилось, но тебе удалось то, перед чем спасовали мои лучшие агенты...

Он не договорил, оборвав себя на полуслове. А я на несколько секунд замерла, взвешивая все. Потому что цена и у моего «да», и у «нет» была высокой. Но канцлера больше не шантажируют. А это значит, что моральные терзания о судьбах тысяч невинных людей больше не будут меня мучить. И это перевесило все остальное.

– Стажировка в вашем отделе – большая честь. Но боюсь, я ее не достойна.

Толье правильно понял мое «нет». И лишь усмехнулся. Огорченным он не выглядел.

А я вдруг поняла, что на мне, возомнившей себя великой сыщицей, свет клином не сошелся. И вообще, может, все показалось и не было от канцлера никаких намеков на то, чтобы я попробовала найти тетю Мора. Тоже мне, детектив Николь Роук... Пф-ф-ф... Да у канцлера полный штат специалистов... Демоны! Как же сложно среди этих аристократов с их иносказаниями, недомолвками, экивоками. И дальнейшие слова канцлера это только подтвердили.

– И все же у вас есть еще четыре года, чтобы изменить свое мнение, – как ни в чем не бывало ответил Толье.

С кухни я ушла не прощаясь.

Думала, не смогу после этого разговора уснуть, но ошиблась. Провалилась в Мир Грезника, как в омут с головой: раз – и все. Да так глубоко, что едва выплыла утром. Аккурат к опозданию на занятия. И хотя идти на них жуть как не хотелось, но лекции и практики, четко выстроенные в расписание, были для меня сейчас единственным островком стабильности в этом с ног на голову перевернувшемся мире.

Кажется, осознал это и Мор. Он требовательно забарабанил кулаком в дверь:

– Ники, просыпайся, пора в академию!!! Если ты сейчас не встанешь, то я войду и увижу тебя непричесанной и сонной.

– Этим пугай своих столичных штучек, – зевая, возмутилась я и, запахнув поплотнее махровый гостевой халат, открыла дверь, ничуть не заботясь о том, насколько всклокочены мои волосы.

Судя по изумленному виду Мора, который так и замер с занесенной для очередного удара о дверную створку кулаком, видок у меня был на все сто. Лет.

Зато собралась я быстро. И была благодарна за новую одежду, которую принесла горничная канцлера. Спортивный костюм был новенький, с бирочкой. Мое вечернее платье после всего, что ему вчера довелось пережить, годилось скорее для помойки, чем для выхода на улицу.

Авто домчало нас с Мором до академии вмиг, а там я уже заскочила в общежитие, чтобы переодеться и захватить нужные учебники. Вот только, когда складывала в сумку тетради, увидела, что мой магофон, оказывается, разряжен в ноль. А энергии, чтобы напитать артефакт, у меня не было. Пришлось просить ложившуюся спать после ночного практикума на погосте Дару. Рыжая соседка скептически хмыкнула, но магофон все же зарядила. И едва она закончила сжимать в руках амулет, как тот разразился трелью.

Я узнала эту мелодию и нервно сглотнула.

Мама... С ней после поступления я созванивалась всего пару раз. Все было некогда. Дела. То меня пытался убить ликвидатор, то демон... Хотя разговору с матушкой я бы предпочла схватку с демоном. На границе империи. Вот прямо туда бы сейчас и

отправилась, чтобы сразиться с этими тварями и немножко оттянуть беседу с деятельной госпожой Роук.

И вовсе не потому, что мама у меня была злом во плоти. Скорее наоборот. Мы, ее дети, оказались отягощены ее всепоглощающей любовью со всеми вытекающими. Ма могла «тактично», тихо, как ей казалось (но так, чтобы весь школьный магобус слышал), спросить, надела ли я рейтузы с начесом. А то, не приведи небесные силы, застужусь. А мой братец порой был вынужден сразу брать зонтик, вязаную шапку и солнечные очки. И на вопросы своих друзей, зачем это ему все и сразу, лишь вздыхал со словами: «Ты говоришь так, как будто у тебя не было мамы...»

И сейчас, чувствую, все младшие завидовали мне не только потому, что я поступила, но и потому, что я живу са-мо-сто-я-тель-но. Да, именно так. По слогам. Но счастье не могло длиться вечно. И оно закончилось.

Напомнив себе, что я уже достигла того возраста, когда, глядя маме в глаза, могу сказать, что не буду есть манную кашу, а по трубке магофона и вовсе соврать, нажала на кристалл соединения и, натянув на лицо бодрую улыбку, бодро произнесла:

– Да, мама...

– Ники! – радостно выдохнули за несколько сотен миль от столицы. – Наконец-то ты ответила. А то я этой ночью вся извелась. Мне вчера в одиннадцатом часу позвонил некто Лоурс, кажется, и представился офицером службы правопорядка. И он сообщил, что ты у них проходишь по одному делу...

Я сжала трубку артефакта, помянув про себя слишком прыткого вчерашнего лейтенантика, который мучил меня вопросами. Кажется, я машинально продиктовала ему не только свой номер магофона, но еще и домашний. Видимо, не дозвонившись по одному – мой-то магофон в сумке был разряжен, – этот неугомонный служитель закона набрал второй...

Я уже приготовилась выслушать отповедь от мамы за то, что утаила от нее столько всего, но...

– Я сразу поняла, что это мошенник! И сейчас начнет требовать, чтобы я внесла за тебя залог. А лучше и вовсе дала взятку, чтобы отмазать тебя. И откуда только эти шаромыжники прознали, что ты у нас в лотерею выиграла и теперь в семье есть деньги?

Я еще раз сглотнула. Кажется, пронесло. Да, Мор, когда меня едва не угробил ликвидатор, перечислил мне на счет кругленькую сумму. Большую часть этих денег я перевела семье. А чтобы не волновать их подробностями, просто солгала, что выиграла в лотерее.

– Даже не знаю... – вполне искренне произнесла я растерянно.

– Да и лорги с ними, с деньгами, – неожиданно отозвалась мама. У меня под ложечкой засосало, и не зря. – Я этого прохвоста отчитала, конечно. И по матушке, и по батюшке, с трехэтажными перекрытиями. Офонарели уже совсем! У них там как будто какие планы начальство сверху спускает – в день облапошить столько-то доверчивых простаков. Гады! Только и горазды, что звонить и честных людей обманывать. А если бы это была не я? А какая-нибудь доверчивая старушка...

Я слушала этот монолог праведного гнева, и у меня нервно дергался глаз. Потому как я знала, на что способна госпожа Роук в ударе. Как минимум – убить через магофон. Даже не глядя на жертву. Или парой витиеватых фраз сломать собеседнику психику, жизнь, челюсть... А как она мотала нервы... Хоть носки вяжи! Талантливая женщина, одним словом.

Но только чем больше мама распалялась, тем ощутимее было чувство грядущей засады. И я на нее напоролась. А ведь все началось вполне невинно: высказав все, что мама думает о нахале, посмевающим прикрываться именем доблестных законников, она подытожила:

– И вот знаешь, Ники, я как тот разговор с проходимцем закончила, мне так беспокойно стало... А вдруг с тобой и правда чего? Решила позвонить, а ты не берешь. А потом опять не берешь. И еще... Где ты всю ночь пропадала? А? – бдительно поинтересовалась мама.

И Дара тоже поинтересовалась. Правда, одним только взглядом: где, мол, тебя, соседка, всю ночь носило? Из чего можно было сделать вывод, что рыжая беззастенчиво подслушивает разговор.

Я так же беззвучно в ответ выпучила на нее глаза, пытаюсь показать одним только взглядом, как глубоко щас ее урою. Но грозить некроманту ямой – дело гиблое, неблагоприятное и бесперспективное даже в теории. Дара на это только выразительно хмыкнула: дескать, я из трупов правду вытрясала, а из тебя, живой, – и подавно.

Но все же спустя пару секунд, хмыкнув, накрылась одеялом и сделала вид, что она совсем-совсем ничего не подслушивает. Жаль, что

от госпожи Роук так просто, одними грозными взорами, было не спастись. Пришлось лгать, заверяя, что все хорошо, я просто устала, много учебы, закрутилась и забыла о разрядившемся магофоне. А вот сегодня я выспалась и...

Увы, если акула чует каплю крови в воде на расстоянии пары миль, то мама за сотни миль чувствует, что ее доченька плохо покушала и мало поспала.

– Ники... – предостерегающе начала матушка, заподозрив подвох, но еще не понимая, где именно.

Я же была сама невинность. И спустя четверть часа смогла все же свернуть этот то ли разговор, то ли пытку.

– А если правду? – спросила рыжая, как только я нажала «отбой» на артефакте.

– Я все объясню, – заверила я Дару, – но чуть позже. Сейчас я опаздываю на лекцию. Единственное, о чем прошу, – не верь газетчикам. Они горазды сочинять...

И под изумленное «Оу!» некромантки вылетела из комнаты шальным пульсаром. Потому что действительно опаздывала. А в том, что новость о демоне просочится на страницы печатных изданий, сомневаться не приходилось: когда я с семейством Толье покидала здание фларнийского посольства, вокруг уже собралась толпа репортеров. Канцлер даже накинул на нас полог невидимости, чтобы мы смогли спокойно сесть в авто.

Оставалось лишь надеяться, что мое имя им разузнать не удалось, как и подробности случившегося. Но, зная Дару и ее проницательность, я даже не сомневалась, что некромантке не составит труда сопоставить факты. Так что предостережение было не лишним.

Вот только кто бы предупредил меня и Мора. Хотя бы в обед, когда мы пошли в столовую. Ведь в ней-то все и началось...

Глава 2

Сначала это были шепотки и переглядывания, но потом, осмелев, кто-то из адептов подошел к нашему столику, где пока обретались только я и Мор, и в лоб задал вопрос:

– Это правда, что ты со Стиллом и самим сынком канцлера демона завалили?

Толье при упоминании о себе в третьем лице закашлялся. А я впервые позавидовала его личине. Вот сейчас сидит никому не известный паренек Дрон в столовой, и ни одна собака на него внимания не обращает. Все оптом досталось мне... Расхлебывай... кхм, в смысле, наслаждайся, Ники.

Я хотела отбрехаться от сомнительного звания почетного и заслуженного героя-победителя хотя бы потому, что этих самых победителей мало кто любит. Больше жадно любопытствуют, завидуют, негодуют или ищут изъяны. Но, увы, адепт ткнул в нос сложенной вдвое газетой.

Там на первой полосе, отпечатанной, судя по дате и времени в углу страницы, меньше часа назад, красовался мой портрет. Из личного дела академии. Там я была со слегка выпученными глазами, растрепанная и улыбающаяся до ушей, потому как поверить не могла, что все же поступила. И с двух сторон от меня – парадные магографии двух аристократов. Выражения их лиц были столь величественно-холодными, что отлично подошли бы для хранения скоропортящихся продуктов.

Статейка же повествовала о том, что, собственно, произошло в посольстве. И ее автор описывал все так красочно, подробно, что я узнала много нового и интересного как о происшествии, так и о себе.

– Ну так как ты умудрилась-то его угрохать?

– Могу показать, – я ощерилась не хуже кобры, – на тебе. Прямо сейчас.

Адепта исчез – как в едкой кислоте растворился. Жаль, на его месте конденсировался новый любопытствующий. Но спустя пару минут общения со мной и Мором и этот интересующийся выпал. В осадок. А хотелось бы, чтобы из окна столовой. Хоть был бы

наглядный пример для остальных сплетников. Чтобы знали: когда девушка оказывается не в духе, те, кто ее достают, рискуют оказаться в гробу.

И тут затрезвонил мой магофон. Я машинально приняла вызов, и на меня тут же напористо набросился незнакомый голос с лавиной вопросов. Я, не отвечая, сбросила вызов.

– Ники, может, нам лучше уйти? – видя, как на нас со всех сторон глазаю адепты, предложил приятель.

– Поздно, – выдохнула я и взглядом указала вперед.

К нам целеустремленной походкой бультерьера шли Дара и Лори. Последняя держала под мышкой газету.

– И как это понимать? – шлепнув листами об стол, с возмущением уточнила алхимик.

– Ты обещала все объяснить, – добавила некромантка.

И тут стало ясно: если я промолчу, то первая добьется от меня правды с помощью зелий, а вторая даст заступом хорошенько по темечку, а когда я окочурюсь, поднимет как зомби и вытрясет информацию. Это минимум.

– Ну, где я была на выходных вечером, вам уже известно, – начала я, прикидывая, сколько подслушивающих заклинаний сейчас сконцентрировалось вокруг нас. И тут вновь ожил мой магофон. Я уже с куда большей осторожностью поднесла артефакт к уху. Этот собеседник хотя бы представился. Репортер из «Столичных хроник». Больше он ничего сказать не успел. Я отсоединилась и продолжила:

– А об остальном... может, в другом месте поговорим...

– И где?

– Как насчет оранжереи? Там всегда тихо, мало народу...

Дзинь... и вновь это был кто-то из журналистов, охочих до сенсаций. Я не выдержала и отключила магофон. Ну их... к демону! Тому самому, прожаренному в посольстве.

Что ж... Спустя полчаса я поняла, как промахнулась. Еще никогда у Штопса не было такого аншлага. Желающие прополоть, подкормить, опрыснуть... Их было столько, что не хватало тачек, ведер, тяпок... Он был просто счастлив: наконец-то у адептов проявилась тяга к труду! Только недоумевал: почему у всех разом?

– Тут никого нет... Можем спокойно поговорить... – поминая мои слова, фырчала Дара, выкорчевывая сорняки.

Лори громко молчала, поддерживая рыжую.

– Я откуда знала, что даже запах навоза не отпугнет этих... любителей покопаться в подробностях.

– Мухи... – протянула Лори и пустила в одну, особо назойливую, заклинанием. Но сдается мне, имела в виду она отнюдь не насекомых.

Как итог – поговорить мы не смогли. Зато тепличник, наблюдавший за миграцией внезапных волонтеров по оранжерее, наконец смекнул, кому обязан столь активному и продуктивному дню.

И когда я наконец отработала положенное время, старичок подошел ко мне и, широко улыбаясь, сообщил:

– Адептка Роук, я решил зачесть тебе все оставшиеся часы! – это прозвучало столь торжественно, что я ощутила, что мне вручают минимум ежегодную Магическую премию. – Вы привели сюда столько добровольцев!

– Боюсь, что завтра их трудовой энтузиазм слегка погаснет, – как мне ни хотелось принять столь щедрый дар от Штопса, но я все же попыталась осторожно сообщить тепличнику правду. – И они навряд ли придут...

– Я знаю, – старичок улыбнулся еще шире, – но они сегодня сделали годовой план по рекультивации. Его бы хватило на сотню проштрафившихся. Не знаю, как вам это удалось, Роук, но я это ценю.

Мне не осталось ничего другого, как поблагодарить Штопса.

– К тому же с вашим умением попадать в неприятности, уверен, мы все равно скоро свидимся, – напутствовал меня тепличник на прощание. Я чуть не споткнулась о порог оранжереи.

А затем мы с Лори и Дарой шустрой трусцой понеслись в общежитие. Мор не стал участвовать в забеге, сообщив, что прикроет наше отступление.

И лишь когда мы оказались в нашей комнате, под десятком пологов тишины и артефактов защиты от прослушки (как оказалось, у Лори их был целый арсенал, что с родителями-ренегатами немудрено), я смогла наконец рассказать им, что случилось вчера. За минусом наших бурных отношений с Дэном. За вычетом тайны инкогнито Мора. Не упоминая угрозы госпожи Стилл. И запамятавав о ночном разговоре с канцлером. Одним словом, вышла очень даже приличная история.

Правда, под конец я ощутила, насколько устала. Захотелось лечь в постель, накрыться одеялком и попытаться осознать, как теперь жить и что делать. А еще очень хотелось в душ. Но я вдруг поняла, что если только выйду в коридор, то меня сразу же настигнут они... вопросы от всех и каждого.

– Возьми артефакт невидимости. Он, правда, почти разряжен, но до душевой и обратно должно хватить, – предложила Лори.

А я... не стала отказываться. Правда, сначала все же, как примерная адептка, решила сделать домашние задания. Выложила на стол из сумки учебники и тетради. Меж страниц последних затесался и выключенный магфон. Я отодвинула его на край стола.

А когда с заданиями и расчетами было покончено, то я поспешила в душевую. И пока кралась привидением по коридору, поймала себя на мысли: как же это здорово, когда тебя не замечают!

Стоя под теплыми струями, я пыталась понять, что могло произойти с Дэном? И как мне его увидеть?

Почему-то казалось, стоит нам нормально поговорить – и он сразу все вспомнит.

В душевой я задержалась. И когда пришла обратно в комнату, то Дара первым делом сообщила:

– Тут какая-то настойчивая дамочка так названивала тебе, что извини, но я не выдержала. Нажала на прием и сказала, что Николь Роук умерла.

– И... – насторожилась я.

– Тогда она спросила, кто я, – сообщила Дара. – Ну я представилась. Назвала имя и специальность.

– Ты сказала, что некромантка? – Я сглотнула, начиная догадываться, КТО именно проявил такую настойчивость: дозвониться на выключенный магфон... такой суперспособностью обладал лишь единственный человек в мире... Моя мама.

– Ну да...

– Дара, а у тебя нет какого-нибудь уютного склепа на примере? – проникновенно спросила я.

– Для кого? – практично уточнила рыжая.

– Для меня. Прятаться.

– От журналистов?

– Хуже. От мамы... – выдохнула я, представляя, на что способна госпожа Роук, когда даже немножко переживает. А сейчас, после такого заявления Дары, – явно множко.

Ложась в постель, я малодушно прикидывала: не попросить ли политического убежища у Мора на то время, пока мама будет в столице? Все же отец приятеля – канцлер, а не дырка на панталонах, и в подчинении у него целое ведомство, агенты... Может, они меня спасут от матушкиного гнева?

Но боюсь, что плата за такой постой в особняке, что расположен в самом центре столицы, тоже будет немаленькой – как минимум раскопать правду об исчезновении леди Толье и ее саму. Желательно – не из могилы.

Вот только пока я взвешивала все за и против, оказалось уже поздно. Госпожа Роук примчалась в столицу, подобно урагану. Судя по скорости, с которой она прибыла, мама добиралась не на поезде, а самое малое – заарканила ящера, что парили в небесах южных степей, рассекая крыльями воздух. И у него на загривке домчала ко мне.

Потому как спустя какие-то сутки матушка эпично появилась в академии и устроила разнос в ректорском кабинете: как глава сего почетного учебного заедания допускает, чтоб его адептов пытались убить всякие демоны?! Куда глава смотрит? А департамент магии?

Госпожа Роук рвала и метала молнии. Последние – не из глаз, а самые что ни на есть настоящие. Даже книжный стеллаж от них пострадал. Видимо, это стало последней каплей, после чего госпожа Гирс рывкнула: «Хватит!» – и, сверкнув своим глазом, сковала дебоширку парализующим заклинанием.

Наверное, за всю историю академии это был первый случай, когда за плохое поведение к ректору вызывали не родителей, а адепта.

– Ваша? – грозно спросила ректор, когда я переступила порог.

Я глянула на матушку, скованную чарами, и с прискорбием признала, что да, моя. Пришлось ее забирать, извиняться за причиненный ущерб и волоочь недвижимое, явно клокотавшее злостью тело на закорках.

Оттаяла матушка быстро. Сидя на скамейке в парке, она спустя каких-то два часа смогла шевелить пальцами рук, потом и нижние конечности обрели подвижность. Последней вернулась речь. Жаль, что так же быстро не прошел ее гнев. Теперь – обращенный на меня. Со

слов госпожи Роук, я была самой отвратительной из дочерей. Безрассудной, безответственной, безголовой... и еще много какой «без»...

– Знаешь, как я за тебя переживала?! – под конец своей тирады воскликнула мама. – Почему ты мне сразу все не рассказала?

– Потому что знала, как ты будешь переживать. – Я развела руками в стороны.

– Николь Роук, – строгим тоном начала мама, – нет слов! Ты просто вся в... – тут она споткнулась и на миг замолчала, словно что-то обдумывая. А затем резюмировала: – В меня! И это просто невозможно! Но я поняла сейчас, что поступила бы так же.

И мама порывисто прижала меня к своей широкой груди. Так, что любое сопротивление родительской любви было бесполезно. А я поняла, что прощена. Не совсем. Лишь чуточку. Но все же...

Мы проговорили до самого заката. И я спохватилась, что уже вечерет, а маме негде переночевать. Ведь, зная ее, я могла абсолютно точно утверждать: номер в гостинице матушка снять и не подумала. Наверняка как вышла из кабины драконьего воздушного экспресса, так и помчалась в академию. К слову, я оказалась права: мама впервые в жизни потратилась на столь дорогой билет. На него ушли три отцовских зарплаты и столько же папиных нервов. Подозреваю, что при этом погибла в страшных муках еще одна жаба. Та, что обычно душила госпожу Роук каждый раз при походе в магазин.

– Мам, тебе поторопиться бы... – намекнула я на то, что время уже позднее и ворота для посторонних скоро закроют.

– Ты меня гонишь? – чуть поджав губы, уточнила она.

– Скорее деликатно пытаюсь сообщить, что после десяти тебе придется покинуть академию через дыру в заборе.

Эта новость и сподвигла госпожу Роук попрощаться. Но она заверила, что завтра заглянет вновь, чтобы узнать, как у меня дела. А лучше, если я пройду с ней по городу. Мама ведь никогда не была в столице. И теперь, когда ее родительское сердце спокойно: дочь жива, здорова, с ней все в порядке, – можно и развеесться. Прогуляться по знаменитой пятой авеню Тулуры. Увидеть монумент отцам-основателям, подышать свежим воздухом залива и полюбоваться на небоскребы бизнес-бея.

Мне оставалось лишь смиренно согласиться с такими грандиозными планами.

Я проводила ма до ворот академии, помахала на прощание, зная матушкину привычку несколько раз обернуться, прежде чем она скроется из виду за поворотом. А затем, когда солнце уже почти село, пошла обратно, в сторону общежитий. И только тут поймала себя на мысли, что меня не преследует, как вчера, толпа любопытствующих.

Интересно – почему бы? И только тут вспомнила о кулоне-артефакте, который мне вчера дала Лори. Медленно шагая по аллее, я достала его из выреза рубашки... Он почти разрядился, но все еще пытался работать. Правда, его хватало лишь на отвод глаз, полной невидимости он не обеспечивал. Но, похоже, и этого было достаточно, чтобы я перестала быть центром внимания.

По мне скользили взглядами, вроде бы видя, но не заостряя внимания. Покрутила в руках амулет. Явно работа великого мастера. Но я точно помнила, что говорила вчера об артефакте алхимик: заряд почти на нуле. И я его насытить энергией никак не могла. Мой резерв был практически таким же, как уровень магии в амулете, или...

Я увидела, как с моих пальцев стекает едва различимое свечение. Оно было столь призрачным, что не пясья я на руны амулета пристально и долго, ни за что не заметила бы их скупой блеск – свидетельство того, что маскирующие чары что-то подпитывает извне. И примерно с такой же скоростью эта энергия расходуется.

Вот только больше всего поразило меня не это, а то, какого цвета была моя магия – не типично огненно-рыжего. И даже не холодного, льдисто-белого. А голубовато-бирюзового, словно морская волна.

Что за демон?!

Я так погрузилась в раздумья, что не сразу почувствовала: что-то не так. Лишь когда вокруг разлился такой холод, что стал промораживать до костей, а изо рта пошел пар, я отвлеклась от артефакта. И не поверила тому, что увидела.

Вокруг была не аллея, а развалины старого корпуса. Как я умудрилась сюда забрести? От парка академии это порядочный крюк.

Но тут моя нога помимо воли сделала очередной шаг. А за ней вторая – еще один. Меня будто магнитом тянуло к провалу в полуобвалившейся стене. Солнце успело сесть, и все вокруг погрузилось в сумрак. Вот только он должен был быть прохладным, а

не вымораживающим так, что трава под подошвами сапог хрустела от инея.

Лихорадочно запихнув артефакт в карман, я попыталась сопротивляться. Тщетно. Несколько секунд ушло на осознание того, что, кажется, я попала в петлю призыва. Но такие ставят на души мертвых. Для такого ритуала требуется кровь или прах покойника. И отчаянный некромант, готовый преступить закон. В моем случае – дважды. Потому как я-то была живая!

– Помогите! – я попыталась заорать, но под конец голос сорвался на сип. Да и услышит ли меня кто-то здесь? Эта часть академии была и днем-то безлюдной...

Делая шаг в пролом, вцепилась руками в полуобрушившуюся кладку. Острые каменные грани рассекли ладони. Под пальцами начала растекаться кровь. Зато стало понятно, откуда ее мог достать тот, кто меня сейчас тянул во тьму, как на аркане.

Некроманту достаточно было подобрать бинт в лечебнице, где я лежала после нападения вурдалака. Вот только едва я нашла ответ на вопрос: «Как?» – следом возник новый: «Зачем?» Мы же нашли того, кто покушался на жизнь канцлера. Демон мертв. Или у него были сообщники? И сейчас мне решили отомстить?

– Наконец-то... – услышала я самоуверенный мужской голос.

Вскинула голову и увидела темноволосого парня в форменной студенческой куртке. Адепт? Или еще один ликвидатор под личиной? Или это тот, кто все это время пытался меня убить? Знать бы еще за что...

Самое противное – я даже не могла сказать ни слова. Ни спросить, ни попытаться потянуть время. Хотя... Все же кое-что я могла. Мне стоило невероятных усилий, чтобы запнуться! Очередной шаг – и я, сопротивляясь притяжению, смогла чуть отвести стопу. Нога зацепилась за камень. Потеря равновесия, а за ним короткий полет носом вперед.

Удар о камни выбил из груди весь воздух.

– И как в твоей никчемной оболочке поместилась такая сила? – раздался задумчивый голос сверху. Я увидела перед собой начищенные носы сапог. Судя по всему, меня рассматривали с интересом энтомолога, нашедшего в сачке вместо бабочки неказистую гусеницу. – Впрочем, мой малыш это оценит.

Что за малыш, уточнять не потребовалось. Когда я подняла взгляд выше сапог, то сглотнула. За широким плечом моего палача в воздухе завис неприкаянный – дух, одержимый жаждой мщения, питающийся жизненной силой и магией. Зато сразу стало понятно, откуда такой вымораживающий до самого мозга костей холод. Только высшие неприкаянные одним своим присутствием были способны понизить температуру на пару градусов. А этот и вовсе покрыл тонкой коркой льда все вокруг.

Но если неприкаянный столь силен, то какой уровень дара должен был быть у этого некроманта, чтобы его удерживать?.. Если только... Источник! Конечно. Этот адепт наверняка нашел источник, к которому привязан дух. Только вот что это? Кость покойного? Кольцо? Ботинок? Источником могло быть что угодно...

Я посмотрела на клубящуюся тьму, в которой угадывались очертания духа. И встретилась взглядом с двумя красными угольями глаз неприкаянного.

«Тарелка», – раздался голос в моей голове, и я не сразу сообразила, кому он принадлежит. Некромант молчал. А духи – все знают, что они безмолвны. И могут лишь кивать или показывать что-то жестами.

«Что?» – задала я мысленный вопрос, подозревая, что повредила рассудком.

«Ты меня слышишь! – обрадованно закричал в моей голове неприкаянный. – Наконец-то за столько столетий первый маг с достаточным уровнем дара, чтобы меня услышать! – А затем дух приказал: – Ты должна разбить тарелку. Самонадеянный сопляк хранит ее в нагрудном кармане куртки».

«Что мне это даст?» – задала вопрос. До этого мне ни разу не доводилось общаться телепатически. Тем более с умершими. Но чему не научишься на пороге смерти?

«Пока она у него, ты однозначно будущий труп», – отозвался дух трупа настоящего.

Что ж, похоже, он знал, о чем говорил. Во всяком случае, опыта в полном умирании у него явно больше. У меня же пока были лишь попытки. Зато многочисленные. И не хотелось бы, чтобы эта стала последней. Той, после которой я из категории «живая жертва» перейду в разряд «призрачный питомец».

«Я не питомец!» – рявкнуло в моей голове так, что я вздрогнула. Мое тело дернулось, несмотря на все петли подчинения.

– Страшно? – по-своему понял некромант. – Это хорошо... Она просила, чтобы тебе было страшно.

«Она?! – заметалось в моей голове. – Какая еще, к демонам, она?..»

«О ревнивых бабах подумаешь позже. Сначала тарелка», – отрезал дух.

Что ж, в чем-то он был прав. Вечером спасаем души (и живые, и мертвые), а уж наутро мстим. Или думаем, как лучше это сделать. Если перепутать, можно до рассвета и не добраться. А я очень хотела увидеть восход солнца. Первый раз в жизни так этого желала.

Только вот была одна незадача. Я лежала на мерзлых камнях, со скованными ногами, нулевым резервом, а передо мной возвышался полный магии и самоуверенности некромант.

Правда, делал он это недолго... Я словно рыба, выкинутая на берег, оттолкнулась руками от земли, совершив «прыжок» вперед, и схватила моего палача за щиколотки. Рывок на себя – и адепт, потеряв равновесие, взмахнул руками и полетел на пол.

Он не успел воспользоваться ни магией, ни ловкостью. Первым из-за того, что в его руке и так была магическая удавка, которую нужно было контролировать. Вторым... А была ли она у него? Эта самая ловкость?

Звук, с которым темный затылок ударил о камни, вышел звонким. Словно поварешкой о бок пустой кастрюли шибанули. Но на этом все. Бонусы закончились. Мой противник ни сознание не потерял, ни контузию не получил. И вполне себе резво постарался вырубить меня в ответ, когда решил ударить сапогом в лицо.

Я уклонилась в последний миг, разминувшись с подошвой в каком-то дюйме.

– Тварь! – проревел некромант.

Я бы хотела ответить, что приятно познакомиться и мое имя Николь Роук, но думаю, что ситуация была немного неподходящей: когда тебя пытаются прикончить, слегка не до светских знакомств. Да и адепт, проводя ритуал призыва, должен был знать имя своей жертвы...

Вместо меня ответил неприкаянный. С раззявленной пастью тьмы он понесся на нас двоих, словно хотел сожрать. Хотя почему словно? Меня – так вполне мог. А вот адепта, как хозяина источника, навряд ли.

Впрочем, судя по панической реакции некроманта, он в первую секунду забыл о зеркале. А я нет. И, совершив еще один рывок, сцепилась в полу его куртки. Тут-то этот недомаг, у которого улетучилась вся самоуверенность, понял, что я хочу сделать. И попытался мне помешать.

Мы сцепились, как двое остервенелых псов, но я была, может, и слабее, зато проворнее. Руки так точно.

И, выдрвав из внутреннего кармана источник, я тут же откатилась с криком:

– Он твой, мертвец!

Неприкаянного дважды приглашать не пришлось. Сгусток черной тьмы буквально прошил собой тело некроманта. Не помогли ни амулеты, ни защитные плетения...

Дикий крик, казалось, пробил барабанные перепонки навывлет. Я впервые видела, как выглядит проникновение. После такого не маг превращается в горстку пепла, а обладающий даром – в овощ, сознание которого не доступно для телепатов, а душу не сможет призвать ни один некромант, ведь она заперта в живом, но бессознательном теле.

«Слабак! – услышала я мысленно. – Его отец – сильный некромант. А этот... решил, что всесилен, раз украл источник...» – И тут тьма развернулась, вперила в меня уголья своих глаз, и обвиняюще проревела без единого звука: – Почему ты его не разбила?» Казалось, у меня мозги при этом взбило венчиком.

Мне стоило немалых усилий не уронить источник. Потому что едва его осколки крошкой брызнут о каменный пол, как я останусь не только без ответов на свои вопросы, но и без жизни.

Глава 3

«Может, потому, что еще хочу жить?» – упрямо вздернув подбородок, мысленно спросила я.

«А резерва-то на это желание хватит? – в ответ оскалился беззубым ртом-провалом дух, и я ощутила, как его щупальца мрака начали оплетать мои ноги. Холод вмиг пробрался под кожу, не вымораживая, но вызывая неприятный озноб. Вреда это не причиняло. Физического так точно. Но на психику давило не хуже, чем надгробная плита. Неприкаянный же, довольный произведенным эффектом, продолжил: – У тебя сейчас нет своей магии. Совсем. Я это чувствую. Ты пустышка. Я ощущаю лучше тебя твой резерв... Он... Впечатляющий, способный вместить столько энергии... И в нем – ничего... Почти выгоревший дар. И на самом дне лишь слабая искра. Да и то... Ты скорее ей не управляешь, а лишь хранишь... С такой даже простую удерживающую петлю не сплести...»

Дух еще что-то говорил и говорил, обвивая меня черным туманом своего тела, как удав жертву, но я не слышала, пытаюсь осознать услышанное. Что он имеет в виду?

Или просто пытается отвлечь, чтобы я, задумавшись, сделала неосторожный шаг, запнулась, упала еще раз, потеряв равновесие, и разбила источник?

Так, нужно сосредоточиться! Немедленно! Я стиснула зубы, желая хотя бы так отрезвить себя от дурмана слов того, кто застрял между мирами живых и мертвых.

«Ну-ну... попробуй...» – прозвучал в моей голове глумливый голос неприкаянного.

«Хочешь освободиться?» – в свою очередь, спросила я.

«Ты не разбила его. – И два красных угля глаз указали на зажатую в моих руках простую глиняную плошку, испещренную рунами. Тарелку она напоминала лишь отдаленно. – Значит, решила попробовать меня подчинить, как и этот сопляк, что остаток своей никчемной жизни проведет сомнамбулой», – дух говорил мыслеречью, а мне казалось, в моем мозгу с противным, выворачивающим все внутри скрежетом прокручиваются заржавелые шестеренки.

«Плохой пример может, конечно, стать хорошей идеей, – отозвалась я. – Но это не мой случай».

«А разве ты не...» – начал было неприкаянный.

«Вообще-то, мне от тебя нужно не служение, а правда», – перебила я духа.

«Правда?! – возмутился дух. – Лучше бы ты хотела простого подчинения!»

«Почему?» – я удивилась.

«Потому что правда редко кому нравится. И ее лучше сообщать со стены крепости, держа в руке смертельное заклятье. Особенно когда у тебя нет точных ответов».

– Ты даже не знаешь еще, о чем я спрошу, – настолько возмутилась, что перешла с речи мысленной на обычную. Ну как перешла... Попыталась. Из горла вылетел сип, больше похожий на насадное карканье, чем на нормальные слова. Все-таки голос я себе сорвала. Но дух разобрал. Хотя подозреваю, что не звуки, а мысли.

«О том, кто приказал тебя уничтожить?» – раздалось в моей голове. И хотя у мыслей не было интонаций, мне показалось, что в вопросе проскользнули... усталость и раздражение.

«Да. Откуда ты...»

«На твоём месте я спросил бы то же самое, – ответил дух, и я ощутила, как кольца вокруг ног начинают раскручиваться, а холод отступает. – Но я не могу дать ответ. Знаю только, что это женщина. Или девушка. Она пообещала ему, – кивок в сторону бесчувственного – навсегда бесчувственного – тела адепта, – как только он устранил тебя, выполнить его желание».

Мне показалось или при этих словах то место, где у неприкаянного должен быть рот, изобразило похабную ухмылку, словно намекая, какого рода желание загадал самонадеянный некромант?

«Хотя, сдаётся, ничего бы он от нее не получил, кроме смерти, – спустя несколько секунд задумчиво добавил дух».

В первый момент мне захотелось возразить на такое заявление. Но потом я прикинула, что убить исполнителя, чтобы молчал, или заплатить ему за работу – выбор, который всегда стоит перед заказчиком. Первое надежнее. Не придется выполнять обязательства, и тебя точно не будут шантажировать.

«Верно мыслишь, – раздался в мозгу одобрительный голос неприкаянного. – Вымогательство – то, чем порой любят грешить дилетанты. А наш с тобой общий знакомый, увы, на профессионального ликвидатора не тянет... Этот недомаг сам подписал себе смертный приговор, когда согласился тебя устранить. В любом случае он был бы покойником. Не сегодня, так спустя пару дней...»

«Но он еще не умер», – возразила я, глядя на бледное лицо.

«Но уже и не жив», – парировал дух.

«Значит, ты не знаешь, кто так жаждет моей смерти? – спросила неприкаянного».

«Имени – нет», – скупое отозвался дух, словно слова были для него величайшей ценностью, а я – коллектором, решившим ее отнять за долги.

«Но ты упомянул ревнивых баб», – припомнила я и почти сразу после этого ощутила глухую ненависть. Будто неприкаянный хотел то ли отделаться от меня поскорее, то ли просто отомстить, утаив информацию по максимуму. Мог бы он солгать – наверняка наврал бы уже на вагон с прицепом. Но... призраки не умеют обманывать. Это непреложный закон. А вот недоговорить так, чтобы исказить правду до неузнаваемости, – вполне.

«Ты такая памятьная по отцу или по матери?» – в голове послышалось шипение, словно раздраженная кобра встала в стойку и раздула свой капюшон.

«По обстоятельствам, – ничуть не смутилась я. – Хочешь, чтобы я разбила источник, – не пытайся юлить. Говори все. Иначе я решу, что эта тарелочка чудно будет смотреться на моей посудной полке...» И я задумчиво повертела предмет обсуждения в руках, словно и правда прикидывая, а не использовать ли плошку в качестве вазочки для конфет.

Уголья глаз полыхнули гневом. Провал рта беззвучно открылся... Так неприкаянного, похоже, еще не унижали. Использовать источник силы как простую утварь?..

И дух сдался. Его рассказ был коротким. Зато самым ярким из всех, что были в моей жизни. Потому как неприкаянный вместо тысячи слов... Просто показал все. Прямо в моей голове. Я видела воодушевление в глазах некроманта, когда он, похитив источник из

сейфа отца, призвал к себе духа. Как мечтал заполучить её. Недоумевал, почему нужно устранить выскочку-голодранку Роук. Но если ради этого она станет его... Картинки дополняли мозаичные изображения неприкаянного. Умудренный более чем тысячелетней жизнью дух здраво рассудил, что, скорее всего, если одна девица решила устранить другую, то речь идет о соперничестве или ревности...

Логика в этом была. Но было и одно но: покушения на меня начались еще до того, как Дэн открыто объявил, что мы вместе.

«Думаешь, конкурентки будут ждать официальных заявлений?» – подслушав мои мысли, спросил дух.

«У меня уже не осталось сил думать», – неожиданно для себя поняла я.

«Тогда отпусти...»

«И ты, потеряв якорь, уберешь меня, как и его?» – я не спрашивала, скорее констатировала факт. Мы оба: и я, и неприкаянный – стали заложниками ситуации. Когда нельзя отпустить, но и удержать не можешь.

«А если нет?» – дух прекрасно все понимал, как и я.

«Скорее да», – возразила.

«Тебе придется либо довериться, либо рискнуть и попытаться подчинить меня. Но ты не справишься».

Одно было безумнее другого. Довериться неприкаянному? Положиться на слово мертвого? Или попытаться подчинить и выгореть до конца и сдохнуть от перенапряжения... Увы, за время, проведенное в академии, я, может, не усвоила многого из лекций, но кое-что все же узнала точно – свой предел. И неприкаянный был за его чертой. Очень далеко.

– Я тебе не верю, – выкрикнула. Мне хотелось верить, что выкрикнула, хотя скорее надорванно прошелестела.

Рука замахнулась, и источник ударил о камень. Брызнула мелкая крошка. А я бросилась прочь. Сбежать от неприкаянного – столь же нелепо, как и пытаться в одиночку победить демона. Но я надеялась, что пары секунд, пока идет разрыв привязки духа и источника, мне хватит, чтобы выбраться наружу. А там... как повезет.

«И правильно!» – донеслось мне в спину. А может, почудилось. Но я все равно рванула из всех сил, так что, казалось, затрещали мышцы и сухожилия. Прочь. Прочь. Прочь. За спиной загрохотало.

Было ощущение, что начался обвал. Но это лишь картонным домиком сложились остатки стен старого корпуса.

Но я, лишь однажды оглянувшись, припустила по пустому парку, чтобы в последний момент успеть к закрытию общежития. Мигнул охранный контур, предназначенный, вообще-то, скорее для отлова ушлых адептов, чем призраков. Но если дух пересечет контур – должен сработать тревожный сигнал. И на него-то отреагируют те, у кого резерв полон...

Всклопоченная, ворвалась в комнату, прислонилась к двери и только тут поняла, что если бы неприкаянный хотел меня догнать, то давно бы это сделал. Не знаю, почему он не убил меня. То ли я и вправду смогла совершить почти невозможное – удрать, то ли мертвец оказался столь силен, что разрыв его с источником продлился дольше пары секунд, то ли дух просто решил не тратить время на пустышку и отправиться в сумрак. Туда, где его уже заждались...

Я нервно сглотнула и, только осознав, что все позади, поняла, что нахожусь в комнате одна. Ни Лори, ни Дары не было.

– А-у-у-у! – раздалось душераздирающее.

Я не заорала лишь по той причине, что лимит криков на сегодня был исчерпан. Поэтому я в ужасе запыхтела, не сводя взгляда с кровати. Именно из нее доносился этот вымораживающий вой.

«Он все-таки догнал. Как-то смог обойти охранный контур и догнал...» Осознание, что забег наперегонки со смертью я проиграла, ударило наотмашь. Неприкаянный сам же сказал, что магии во мне сейчас почти ноль. А это значит, я превращусь не в овощ, а в пепел.

Одеяло на кровати вздыбилось.

– Ур-р-р! – донеслось из его недр.

Я сжалась пружиной. У меня не было энергии на заклинания. Голыми руками много не навоюешь, но сдаваться без боя я не собиралась.

Приготовилась к нападению.

Секунда. Вторая. Третья. И... Ничего. Из-под одеяла все так же доносились звуки, словно там вызывают демонов Преисподней. Гора на кровати меняла свои очертания – и на этом все.

Нервы не выдержали. Я крадучись подошла к кровати, рывком сдернула покров и...

– Чтоб ты сдохла! Пуся!

Ответом мне был взор, полный укоризны. Химера сидела посреди кровати и под прикрытием одеяла что-то жрала.

Я истерично расхохоталась и там же, где и стояла, плюхнулась на пол. Глядя на эту пушистую паразитку, я осознала одно: меня убьет не таинственная ревнивица, не ликвидатор, неприкаянный или демон. Нет. Это сделает одна мелкая химера. Я схохну от сердечного приступа рядом с ней.

Химера на мой истерический смех отреагировала весьма своеобразно: решила на невероятное и поделилась остатком колбасы. Судя по этикетке, этот огрызок когда-то был элитным сырокопченым изделием. О последнем свидетельствовал обрывок надписи. Интересно, где она умудрилась его спер... Кхм. Позаимствовать на дегустацию. Исключительно позаимствовать, правда, безвозмездно.

Я с сомнением посмотрела на этот огрызок от взятки в особо вкусном размере. Пуся, глянув на неразумную меня, уничижительно фыркнула. Дескать, эту бездарь мзду брать еще учить и учить... А затем пододвинула обслюнявленный конец кольца ко мне, явно намекая: это лучшее средство от душевных недугов. Уж я-то знаю!

– Еще скажи, что булочки в животе можно считать влюбленностью, – скептически разглядывая подачку, вслух произнесла я. Хрипло так произнесла, словно ворона в предсмертных конвульсиях каркнула.

Химера вытаращилась на меня после этих звуков, подумала и превентивно сиганула на книжный шкаф. Не иначе как засомневалась, я ли это. Или демон в обличье хозяйкиной подруги.

К слову о Силь...

Потянулась к магофону, чтобы в очередной раз обрадовать ее новостью о побеге любимицы. Вот только пальцы отчего-то вместо того, чтобы набрать номер, знакомый со школьных времен, уверенно нажали совершенно другую комбинацию.

Тишина и темнота окружали меня, словно враги, решившие взять жертву в клещи. А над головой, где-то там под потолком, звучало утробное мурлыканье. А я сидела и ждала, не веря, но надеясь. Гудок. Второй. Третий.

Дэн. Ответь. Я знаю, ты в лечебнице. Ты не помнишь меня... Но прошу, ответь...

«Собеседник не может сейчас принять ваш сигнал», – раздалось из трубки спустя минуту. Минуту, во время которой сердце, как заправский рецидивист, на счету которого не один побег, так молотило о грудную клетку из ребер, словно хотело ее проломить и вырваться на свободу.

Мои руки бессильно опустились. Магофон ударил о пол, и вдруг... переговорный артефакт ожил. Неужели... Я не глядя нажала на зеленый кристалл приема вызова и...

– Ники, моя сволочь у тебя?! – голос Силь звенел от ярости и негодования.

Пуся, услышав его звуки, вся вздыбилась, заурчала, всем своим видом показывая: живой не дамся, – что я на миг замерла, даже забыв о собственном разочаровании. Мне хотелось услышать в динамике совершенно другого человека.

– Ты о своем любовнике? – прохрипела я, пытаюсь выгадать время.

– Любовник – гад, – выпалила Силь, словно «сволочь» и «гад» – были совершенно разными словами. Почти антонимами. Впрочем, чуть подумав, подруга добавила: – И второй тоже та еще зараза. И третий – мерзавец... А сволочь у меня одна. Пуся! Она опять сбежала. Кстати, что у тебя с голосом? – под конец спохватилась подруга. – Хрипишь, словно несмазанные дверные петли... Может, тебе лекарств принести каких?

Пришлось заверить, что все в порядке. Просто слегка продуло... пульсарами и неприкаянными. Но о питомице я Силь так ничего и не сказала. Увела разговор в сторону, решив, что сначала проведу с химерой воспитательную беседу. А то ведь сдам ее подруге, а она снова вернется. Пуся, конечно, а не Силь. Хотя...

Когда разговор был закончен, я пристально посмотрела на тварюшку. Та, словно поняв, что гроза миновала, пружинисто спрыгнула обратно на кровать и молочным шагом двинулась ко мне. Подлиза.

Я смотрела на то, как Пуся мнет под собой когтями одеяло, словно взбивая его, и припомнила, как папа объяснял, что значит этот самый молочный шаг и почему так назван. Оказалось, что маленькие котята, пристраиваясь к маме пососать, мяти ее живот, обеспечивая больший приток молока. А когда вырастали, память о моментах безопасности,

удовольствия и всего, что с этим связано, оставалась. И если кошка топталась или кралась молочным шагом, это значило, что она чувствует себя в безопасности.

Машинально протянула руку, чтобы почесать хитрюгу по загривку, и начала менторским тоном выговаривать, какая химера нехорошая. Пуся на это так согласно и покладисто урчала, что я все больше убеждалась: эта мерзавка будет бороться за свою независимость от хозяйки снова и снова.

Вот ведь упрямая... Я взглянула на луну, светившую прямо в окно, и вдруг на ум пришла мысль: если даже эта мелочь вредная так упорото... кхм, упорно добивается своего, чем я хуже? Почему я жду вестей о состоянии Дэна, но не пытаюсь...

Рука вновь потянулась к магофону, чтобы спустя пару секунд я выставила ультиматум.

– Мор, хочешь, чтобы я помогла тебе в поисках тети? – спросила, как выстрелила. Правда, из пистолета с глушителем: уж очень тихо и сипло прозвучали слова. – Если да...

– Ники, что у тебя с голосом? – тут же сонно, но встревоженно отозвался Мор, перебив меня.

– Сорвала, – не стала вдаваться в подробности и продолжила: – Если да, то тогда ты должен мне помочь с Дэном.

– Я так понимаю, беседа с моим отцом все же состоялась? – Под конец фразы дремота с приятеля слетела окончательно, и я чувствовала, что со мной уже разговаривает хваткий делец.

– Догадался по тому, что я задала вопрос без обвиняков? – напряженно уточнила.

– Нет, потому что использовала фирменный отцовский стиль дипломатии убеждения – шантаж.

– Вообще-то это было взаимовыгодное предложение. Ты получаешь тетю, я – Дэна. Мы помогаем друг другу.

– А если я не хочу тебе помогать со Стиллом? – вдруг спросил приятель.

Вот странность: мы вроде бы говорили по магофону и нас разделял едва ли не километр, а ощущение было, что мы говорим, стоя лицом к лицу, так четко я представляла перед собой Мора.

– Ты ведь меня даже не любишь... – вырвалось вдруг.

– А это обязательное условие? – парировал Толье.

– Для меня – да. Зачем тебе та, к кому ты не испытываешь не то что любви, но хотя бы влюбленности?

– У тебя есть все, что требуется от будущей герцогини Толье: ум, характер, сильный дар, красота...

– Но не происхождение, – перебила я.

– В нашей семье важна не чистота крови, а сила, что в ней течет. А еще мы отлично понимаем друг друга. А в браке, как я убедился на примере отца, главное – понимание и взаимное уважение.

– Значит, не поможешь?

Пауза в несколько секунд, пока я ждала ответа, хотя уже знала, каким он будет. Во время нее я ощутила, как натягиваются мои нервы.словно струны. Тронь – и то ли пронзительно зазвенят, то ли порвутся...

– Да, демоны тебя подери, Ники, помогу. Но с условием. Я сделаю все, чтобы вы встретились, поговорили... но если он тебя не узнает, если все это будет напрасно... Ты отступишь. И мы попробуем... Ты попробуешь быть со мной. Только на таких условиях.

Теперь настала моя очередь замолчать и задуматься... Сглотнула и произнесла:

– Да.

И удивительная штука: всего два звука прозвучали так ясно и отчетливо, словно я и не срывала голос. Но на это ушли, сдается, все мои силы. Потому что больше я не могла произнести ни звука. словно онемела. Совершенно.

Отключила переговорник и уставилась в потолок. Ну вот и все. Я заключила сделку на свою любовь. А ведь кто-то совсем недавно торговался с некромантом на мою жизнь.

Меня снова затрясло. Мозг, до этого пытавшийся оградить меня от впечатлений пережитого, заслонил делами насущными, как то: Пуся, разговор с Силь, истерика. Но сейчас она, запоздалая, вдруг накрыла меня. Я беззвучно хохотала и редела, не в силах подняться, и... В какой-то момент сама не заметила, как силы покинули меня и я... хотелось бы сказать – уснула, но, похоже, все же потеряла сознание.

Очнулась оттого, что мне настойчиво совали под нос что-то пахнущее столь противно, что, казалось, мозг вот-вот вытечет из ушей.

Я распахнула глаза и увидела склонившуюся надо мной Лори. В ее руке был флакон. Судя по логике – с нюхательными солями, судя по

ощущениям – с универсальным химическим оружием массового поражения. Сдается, оно могло как успокоить слабых нюхом (и духом), так и воскресить заспавшихся умертвий.

– Убери эту гадость подальше, – закашлялась я.

Голос звучал слабо, но хотя бы был уже моим. И я, заподозрив, что причина тому – ядерный запах, резко сменила мнение. И, перехватив руку кудряшки, которую та отводила, вновь пригнула флакон к носу со словами:

– Хотя нет, оставь.

– Что с тобой случилось? – в свою очередь обеспокоенно спорила Лори. – Я тебя даже в комнате не заметила, пока не споткнулась.

Оказалось, что амулет отвода глаз, который она мне дала, не только подзарядился за эту ночь, но и отлично выполнял свои функции. Кудряшке даже пришлось его с меня снять, чтобы не потерять обморочную соседку.

Говоря это, Лори протянула мне артефакт. Удивительно, но тот был заряжен энергией под завязку. Только почему-то я не чувствовала с магией внутри контура артефакта привычного сродства. Слово она была моя и не моя одновременно. И да, мой собственный резерв снова был пуст.

Впрочем, эту загадку я оставила на потом. Лишь попросила соседку оставить его у себя еще на время. Все же новость с демоном еще не улеглась и излишнее внимание меня напрягало.

– А что у тебя с голосом? Ты как будто простыла немного...

Мне пришлось рассказывать о том, что я его сорвала (без подробностей), о Пусе (с подробностями) и не рассказать вовсе о своей ночной истерике, а солгать, что просто от усталости упала в обморок.

От первого мне был выдан эликсир (нюхательную соль, увы, отобрали). Химере – провиант (тварюшка обрадовалась), а за бодростью мы с Лори отправились в столовую. Хотя я бы предпочла тарелке сытной каши порцию сна, но кто мне его сейчас даст? Даже за доплату.

Глава 4

Впрочем, дрему как рукой сдуло, когда я вспомнила о том, до чего вчера договорилась с Мором. Потому, наскоро проглотив завтрак, я поспешила в аудиторию, где Толье... не было! Не появился он, впрочем, и на практикуме по зельеварению. И даже на лекции Смерти... в смысле, профессора Морригана приятель не появился. Я чувствовала себя невестой у алтаря, от которой жених сбежал прямо с порога храма.

И даже переговорник Толье молчал, сообщая, что собеседник вне зоны чар. Зато мама до меня дозвонилась на раз. Думаю, что если бы магофон оказался неисправен, то, зная матушку, она бы просто смогла до меня докричаться. Даже с другого конца не то что столицы – империи.

Госпожа Роук заявила, что будет меня ждать у ворот академии сразу после полудня. У меня, познавшей все прелести родительской заботы и внимания, просто не было ни единого шанса отказаться от прогулки.

– Мама, у меня вообще-то лекция еще одна есть... – я все же предприняла попытку если не отменить этот поход во имя шопинга с обязательным штурмом лавок «все по одной цене», то сократить его время.

– Лекций у тебя много и каждый день. А мама одна! – тоном полководца, уже наметившего план блицкрига, отозвалась госпожа Роук.

Я вздохнула. Потом еще раз вдохнула... Отличие тайфуна от моей мамы было в том, что если первый быстро пройдет и от него все же есть шанс укрыться, то госпожа Роук – это надолго и от нее не спрятаться.

– К тому же я скоро уеду, – чувствуя дочернее сопротивление, добавила она.

Зная мою матушку, я могла сказать, что «скоро» у нее было понятием растяжимым. Она и в первый декрет хотела сбежать побыстренькому, наскоро, так сказать. И задержалась в нем на десять лет! Пока Джеймса Роука-младшего не родила. Так что и со столицей

могло стать так же... Я и моргнуть глазом не успею, а будет не только не уехавшая мама, но и все мое семейство сюда перебравшимся...

– Хорошо, – обреченно согласилась я.

Ровно в оговоренный срок я вышла из ворот академии, чтобы тут же быть заключенной в материнские объятия. Никакой маскировочный амулет не помог. Глаз госпожи Роук был зорче соколиного, а чутье всем демонам на зависть.

А затем меня прямо на ходу попытались накормить. Хотя нет, накормить – это слабо сказано. Точнее будет – откормить. До фигуры, являющейся идеалом для математиков и теоретиков от магии, – шара.

Магушка не поленилась притаранить с собой кастрюльку с мясными шариками в тесте, лично ей испеченный капустный пирог, запеканку... она явно переоценила мои поглотительные способности. Но нельзя было просто так взять и не съесть то, что готовила мама. Поэтому я сидела на лавочке, спрятавшись за самым раскидистым кустом, и пыталась впихнуть в себя стряпню. Пирог даже удалось победить, но перед остальным я позорно капитулировала.

– Деточка, на тебя страшно смотреть. Одни кожа да кости остались... – меж тем причитала мама.

Но когда она поняла, что в меня уже не лезет, как ни запихивай, все же сдалась. Но она бы была не она, если бы не вручила мне кастрюльку с мясными шариками.

И вот когда дитяtko было накормлено, мама решила, что мне нужно купить одежды. И как я ни пыталась заверить, что у меня все есть... Нет! Когда говорит инстинкт заботы о потомстве, даже самые чуткие родители бывают глухи.

Меня все равно протащили по магазинам. И я стала счастливой (нет) обладательницей коричневой кофты фасона «прощай, юность, привет, пенсия», серого платья с начесом и гамаш. Еле отбрыкалась от теплой вязаной шапки, за что получила зловещее обещание: «Свяжу сама и пришлю на день первого снега». И все это было сделано, чтобы я, не приведи небесные заступники, не простудилась.

Хотелось сказать, что магическая броня была бы для меня в современных реалиях актуальнее шапок, но промолчала.

На этом мама счастливо, с чувством выполненного долга вздохнула, и мы распрощались. Она села в монорельсовый вагончик и,

смахнув слезу, помахала на прощание рукой из окна. А я побрела к своей остановке. Та располагалась недалеко, но нужно было пересечь центральный парк.

И вот я, груженная, точно мул, с кастрюлькой мясных шариков под мышкой двинулась в путь. Кто же знал, что он окажется настолько неисповедимым...

Потому как я услышала голос. До боли знакомый, любимый, родной... Дэн!

Не помня себя, я ринулась вперед, через кусты и... Кто же знал, что я выскочу прямо к центральному фонтану – современному чуду маго-инженерной мысли. У этого творения не было не то что чаши для воды, даже центральной фигуры! Ее образовывали струи воды, вырывающиеся из мрамора, которым была выложена вся небольшая площадка. Прямо из-под ног незадачливых прохожих, ступивших на белый гладкий камень.

Струи, взлетая ввысь, переплетались меж собой, сталкивались, образуя причудливые фигуры то животных, то растений, то драконов, а то и вовсе сцены из мифов и легенд.

Но сейчас меня волновало не это, а Дэн. Он. Точно он! Стоял в нескольких десятках метров, повернувшись ко мне боком, в кругу приятелей и о чем-то беседовал.

Я в первый миг растерялась, а затем поспешила, совершенно забыв, что под ногами скользкий, облитый водой мрамор фонтана. Сделала шаг и...

Покатилась. Пытаясь сохранить равновесие, взмахнула руками. Сверток с покупками тут же улетел куда-то в кусты. А вот кастрюля осталась при мне.

Потому-то, когда я все же упала, лягг был такой, словно грохнулся рыцарь ольфтонского ордена в полном боевом доспехе.

Инерция была сильной, и даже то, что я растянулась во весь рост, не замедлило моего движения. Затормозила я лишь о мужские ноги. Врезалась в них со всего маху, так и продолжая обнимать пакет с кастрюлькой.

Первое, что увидела, – мужские ботинки. Дорогие, сшитые явно на заказ, из тонко выделанной телячьей кожи с тиснением мастера. Выше – брюки, стрелки на которых были столь острыми, что казалось: дотронься до них – и порежешься. Белая шелковая сорочка,

расстегнутая на две верхние пуговицы, стильный пиджак, подчеркивавший широкие плечи...

– Стилл, смотрю, девицы падают тебе под ноги сами, – хохотнул рыжеволосый мажор, сверкнув ехидной белозубой улыбкой. – Поднимать будешь? Или пусть дальше лежит? Хотя эта вроде симпатичная. На один раз поднять, чтобы уложить, можно...

А я вскинула голову и встретила взглядом с бесконечным, таким родным океаном... чужих глаз.

Дэн смотрел на меня, словно видел впервые. Холодно, отрешенно и задумчиво.

– Помочь? – спустя секунду, показавшуюся вечностью, произнес Стилл и протянул мне руку. Сильную, крепкую, надежную. Я помнила прикосновения его ладоней. То, как Дэн обнимал, удерживал, ласкал, защищал, поднимал и уносил прочь от проблем, мог украсть у всего мира.

А сейчас пальцы, на которых красовались несколько перстней-артефактов, меня пугали. Точнее, даже не они, а жест. Он был деловым, лишенным эмоций.

Не узнал – понимание произошедшего разлилось во рту полынной горечью. Обида и обманутые надежды обожгли гордость. И именно она, уязвленная, заставила меня проигнорировать предложение о помощи.

Я вскинула голову, а затем медленно, словно прорастая из мрамора плит лозой, начала подниматься. И сделала это в лучших традициях Силь. Подруга утверждала: каждая девушка в жизни падает. И случается это не единожды.

Но чтобы тебя запомнили, нужно сделать две вещи: красиво упасть и красиво подняться. И подруга не отступала от этого правила. Потому, даже если встреча с землей была неизбежна, Силь, грохаясь, тянула носочки. А вставала так грациозно, что мужчины гулко сглатывали слюну. Никогда она не оттопыривала ягодиц, не раскорячивалась черепахой, не ойкала, не причитала над разошедшимся швом или испачканной юбкой...

Вот и я не стала обращать внимание на промокшие штаны и блузку под кожаной курткой, которая, вобрав в себя влагу фонтана, прилипла ко мне, будто вторая кожа. Я сосредоточилась на

движениях, чтобы они превратились в одно слитное, медленное и грациозное.

Ступни и пятки завела перекатом под ягодицы и начала подниматься, чуть покачиваясь из стороны в сторону, словно ядовитая змея под дудочку заклинателя, переводя вес с коленей на носки сапог. Ощущения были словно на марш-броске. Я выкладывалась на пределе сил. Но что-то мне подсказывало: со стороны это выглядело легко и непринужденно. В лучших традициях восточных красавиц.

И едва я выпрямилась, как получила тому подтверждение.

– Ого! – раздался свист позади. – Малышка, я впечатлен! Не дашь номер своего магофона? Может быть, встретимся завтра?

– А со мной можно и сейчас, – перебил его второй, насмешливый.

Аристократы за моей спиной забавлялись. Эта игра, когда непонятно, то ли все сказано в шутку, то ли всерьез, похоже, была у высших в заводской комплектации. Что у Толье, когда ночью на кухне он вроде бы говорил об одном, имея в виду совершенно другое, что сейчас...

Я успела пожалеть, что решилась на эффектный подъем. Не огребла бы столько сальностей. Хотя... даже изобрази я неуклюжесть, не убереглась бы от насмешек. Правда, другого толка.

– Стилл, отойди в сторону! Твою руку отвергли, – не унимался кто-то из приятелей Дэна, чьего лица я не видела. Голос доносился откуда-то сбоку. Но тип не унимался: – Хотя, может, эту горячую крошку и не руки вовсе в парнях интересуют... У меня есть что тебе показать.

Я и не выдержала. Взорвалась.

Резко наклонилась за кастрюлей. Подхватила ее, обернувшись так, что мои мокрые волосы хлестнули кого-то по лицу, шагнула к говоруну и протянула ему мамины мясные шарики.

– Что это? – удивленно воззрился на меня рыжий говорун, который как-то уже и не сильно-то жаждал чего-то показывать.

– Еда. Говорят, лучшее средство, когда нужно затк... – я оборвала сама себя. Все же девушке не стоит ругаться. Хотя бы вслух. И дело не в воспитании, а в судебных исках. Сочтут еще оскорблением чести и достоинства... которых на деле у этих типов нет. Я исправилась в последний момент: – Замолкнуть.

– Сэм... – усмехнулся один из парней, тряхнув белой, как лен, шевелюрой. – Так тебя еще не отшивали.

Остальные захохотали. Только Дэн отчего-то был мрачен. А Льяной меж тем продолжил:

– Но мне такие, с характером, нравятся... Как насчет...

– Отстаньте от нее, – вдруг резко оборвал веселье приятелей Дэн. А затем, задумчиво глянув на меня, спросил: – Твое лицо...

В эту секунду мое сердце пропустило удар. Узнал?! Неужели...

– Вспомнил. Я видел тебя перед тем, как лекарь погрузил меня в стазис. В посольстве. Мы знакомы?

От этого вопроса все внутри меня заледенело.

– Учимся в одной академии, – сама поразилась, как смогла выдать из себя эту фразу. Казалось, я вновь сорвала голос – так болело горло. А я враз ощутила, как холодит ноги мокрая ткань штанов, как блузка неприятно липнет к телу, которое начинает бить озноб.

Оттого ли он был, что я стояла на осеннем ветру в сырой одежде, или от осознания: моя надежда, что любимый вспомнит меня, разбилась на мелкие осколки?

– Я не могу оставить однокурсницу мерзнуть, – при этих словах Дэн щелкнул пальцами, а затем раскрыл ладонь на уровне моей груди, не касаясь ее, и меня окутало тепло.

Но если парни не обратили внимания, то я-то увидела, как Стилл использовал не свою магию. Когда он взмахнул рукой, на долю секунды манжет поднялся чуть выше, обнажив край браслета-накопителя. И то, как украшение раскалилось, отдавая энергию.

Пока я пыталась осознать, что Дэн использует не свою силу, а заемную и зачем он вообще это делает, оказалось, что к парням направляются несколько девушек. Ухоженных, лощеных, тех, кого парни и ждали. И среди них была и официальная невеста Стилла.

– Спасибо, я согрелась, не стоит тратить силы понапрасну... – произнесла, не договорив: «Ведь у тебя они и так заемные». Но, кажется, Стилл все понял и взглянул на меня остро и хмуро. Но я это проигнорировала и поспешила отвести его ладонь от себя, раз сам Стилл этого не сделал. И плевать, что одежда все еще была сырой.

Мои пальцы коснулись его. Мимолетное движение, когда подушечки дотронулись до его руки, чтобы оттолкнуть... А на деле...

меня прошил разряд. Не было вспышек и треска, когда молния разрезает воздух, но я вдруг почувствовала каждую клеточку своего тела, каждый оголенный нерв.

Но Дэн был невозмутим. Его рука не дрогнула, и... мне, наверное, все показалось! Померещилось от перенапряжения. Я отдернула свою ладонь и повернулась боком к Стилли, уже готовая уйти. Только перед тем, как сделать первый шаг, глядя перед собой, тихо произнесла:

– Я не твоя однокурсница. Ты выпускник, а я в этом году поступила. – И добавила так тихо, чтобы слышал только Дэн: – Лги своим приятелям изобретательнее...

И пошла прочь, особо не разбирая дороги, слыша за спиной девичий щебет и ненавистный мелодичный голосок невесты Стилла. Официальной, демоны ее подери.

А я сжимала пальцы в кулаки и повторяла про себя: «Ники, не смей оглядываться, не смей!». Хватило меня до первого поворота, завернув за угол которого я решительно нырнула в кусты и наткнулась на свой же свой собственный пакет. С одеждой. Никогда бы не подумала, что обрадуюсь ему. Споро переоделась в сухое платье и достала из кармана штанов амулет Лори: в магазине его пришлось снять, поскольку продавцы так и норовили потерять меня из поля зрения. А это весьма мешало процессу покупки и раздражало маму, вознамерившуюся во что бы то ни стало приодеть дочь во что-то приличное и практичное.

– Я не буду за тобой шпионить, Дэн, – надевая артефакт на шею, произнесла я. – Только немножко проконтролирую...

«Немножко» в моем исполнении вылилось в резвый забег по пересеченной одной дурной адепткой местности. Я ломилась сначала сквозь кусты, потом неслась вдоль парковой ограды, а затем едва не угнала таксомотор вместе с водителем. А все потому, что сиятельные не пожелали топтать ножками, как простые смертные, а, дойдя до парковки, шустро сели в свои авто и дали по газам. Не нестись же было за ними на своих двоих. Вот и я, завидев оранжевую машину с характерной руной вдоль всего корпуса, которую лепили себе на экипажи извозчики прошлых веков, недолго думая подскочила к ней.

Увы, на пассажирское сиденье рядом с водителем уже нацелился один джентльмен. Но он оказался неспешен, а мне – очень нужно. Даже сильнее, чем некоторым в уборную.

В результате я ужом просочилась между ним и металлической стойкой, к которой с одной стороны крепились петли задней двери, а с другой – замок передней. Сама поразилась, как так получилось, но момент – и я уже сижу, пристегнута, а на меня пытается взгромоздиться не успевший сориентироваться мистер.

В его оправдание можно сказать лишь то, что амулет отвода глаз был на мне очень качественный.

Сообразив, в чем дело, я сдернула с шеи шнурок. Тот, когда порвался, оцарапал кожу, но это была меньшая из неприятностей...

– О, я не знал, что тут занято, – проворчал дедуля, елозя у меня на коленках. А затем обернулся к водителю и высказал свое джентльменское «фи»: – Вы бы хоть предупредили, что не свободны и у вас уже есть пассажирка! Что за времена! Хотят сразу с двоих клиентов деньги содрать! Шаромыжник! Ворюга... Вы только поглядите на него! На стариках наживается! В мое время такого не было...

– Дедуля, в твоё время, наверное, ещё и люди в пещерах жили...

– Кэп, мы как, поедём? – напомнила я о себе, пытаясь спихнуть седого мистера с колен. Но тот, хоть и причитал о безнравственности нынешнего поколения, покидать салон таксомотора не торопился.

– Куда? – поинтересовался водитель.

– За вот тем спортивным каром. Но если с меня не слезут – к алтарю. – Я подпихнула седого мистера к выходу. – А то меня уже тут того и гляди обесчестят... А после такого – только замуж, – я несла полный бред и старалась его не расплескать, потому как на дедулю доводы разума не действовали от слова «совсем». – Венчаться с мистером... Мистер, кстати, как вас там? А пенсия большая? А жильё? – поинтересовалась я с интонацией выжиги.

– Ах ты... На святое позарилась?! На мою пенсию!!! – возмутился престарелый джентльмен, слетев с моих колен быстрее пульсара.

– Гони! – едва освободившись от лишнего пассажира, гаркнула я.

Водитель, не будь дурак, вжал педаль газа в пол, шестеренки, сцепленные магическими заклинаниями, заурчали под капотом.

Машина рванула с места – я даже дверь не успела захлопнуть. И услышала вслед возмущенное:

– Воровка! Угнала мою машину!.. – а дальше было множество эпитетов, из которых я узнала о себе много нового и интересного.

Жаль только, что в основном бранью. А с виду такой приличный джентльмен... Вот правду говорят, что истинное воспитание человека проявляется только тогда, когда ему на ногу падает молоток. Ну или Николь Роук. Эффект примерно одинаковый.

Вот только, пока препирались с дедулей, едва не упустили из виду Дэна. Хорошо, что водитель оказался парнем понятливым, только очень уж болтливым. Это была не погоня, а какой-то сеанс у целителя душ. Крутя руль, мужик мне поведал о том, как ему изменяла жена и он точно так же преследовал ее с любовником, поэтому ох как он меня понимает... А дальше шел пересказ всей его жизни и под конец – предложение встретиться, если мой пока еще не бывший через пару часов окажется бывшим окончательно. Еще и визитку с номером своего магофона сунул.

Когда я выходила из авто, меня терзали смутные сомнения, что погоня и слежка должны выглядеть слегка иначе. Точно не знаю как, но по-другому... Хотя бы не заканчиваться предложением если не руки, то кхм... перца.

Расплатившись со словоохотливым мужиком, я поспешила в сторону элитного кафе с открытой террасой, на ходу завязывая новый узел на шнурке амулета. Вот уж не думала, что от него могут быть проблемы.

Закончив с нехитрой починкой, я подняла взгляд выше, на террасу, и увидела, как Дэн, держа за руку свою нев-в-весту, чтоб ей пусто было (!), идет к перилам. Под которыми раскинулись такие замечательные густые кусты туи.

Недолго думая я ринулась к ним и...

– Куда прешь! – злобно зарычали на меня изумрудно-зеленые ветви. Женским раздраженным голосом зарычали.

А после меня натурально попытались выпихнуть из такого замечательного укрытия, которое я себе не просто наметила. Мысленно я в нем уже обжилась!

Сдавать без боя облюбованные койко... то есть кусто-места просто так не собиралась. И поперла как баран на новенький, еще ни разу не боданный рогами зад, в туюву чащу, чтобы в ней лоб в лоб столкнуться с девицей.

Только после того, как мы боднулись, выяснилось, что не я одна тут в сыщика играю. А еще не только у меня есть артефакт отвода глаз.

Каждый уважающий себя репортер такой же имеет. Журналистка, с которой я столкнулась, себя очень уважала. Потому замаскировалась очень качественно. Обнаружить ее можно было, только напрягшись. Что я, собственно, и сделала.

– Это мои кусты! Я их первая заняла! – обшипела (хотя по ощущениям – обгавкала) меня туевая соседка. К слову, она казалась моей ровесницей, если не младше. – И вообще, ты из какого издания?! Я тебя раньше не видела.

– Из «Светского сплетника», – назвала я первую пришедшую на ум газету.

– Ври больше! – тут же возразила рыженькая, тряхнув короткими – до плеч не доходили – волосами. А затем, смерив меня уничижительным взглядом, девица поправила на шее лямку от граверата и пояснила: – Репортер из сплетника засел в ветвях плакучей ивы. – И она ткнула пальцем в то место, где маскировался предполагаемый журналист.

Но сколько я ни пыталась взглядеться, никого не увидела. А охотница за сенсацией между тем ткнула пальцем еще в заросли акации, клумбу с хризантемами и мусорную урну со словами:

– А вот там и там, там и там газетчики из «Эйли», «Прайма» и «Империки». Тоже ждут в засаде. Так что мы тут все друг друга знаем. А вот ты кто такая?

Хороший вопрос... Где бы на него еще ответ найти. Я на секунду задумалась. Назваться стажером в каком-нибудь издательстве? Не вариант. Посчитают конкуренткой и еще из кустов выпрут. Сказать правду – да ни за что! А если полуправду...

– Я детектив, частный. Слежу за вот тем хмырем. – И я ткнула пальцем наугад.

Промахнулась очень метко, угодив как раз в Льяного.

– Дастин Вэган? – удивленно спросила рыженькая, сдув со лба челку. – За ним-то зачем? Он же сейчас со своей официальной пассией...

Тонем «не суй мне ромашки за уши»: за чем тут следить, нет никакого скандала и криминал.

– Меня не его пассия наняла. А папаша. Он считает, что сын слишком увлекся выпивкой и не только ей... – начала я вдохновенно

врать. Льяной в этот момент как раз потянулся за бокалом с чем-то явно крепким.

Глаза журналистки загорелись огнем азарта, а рот расплылся в такой широкой улыбке, что у меня вырвалось:

– Тебе не говорили, что твоя улыбка очень поднимает дух.

– Боевой? – уточнила рыженькая.

– Нет, просто дух. И сразу на небеса. По-моему, акулы и то скалятся не столь кровожадно.

Улыбка превратилась в ухмылку.

– Так-то лучше. А то я было решила, что ты хочешь меня сожрать, – констатировала я.

– Всего лишь расспросить. Немного, – возмутилась собеседница. – Две сенсации всегда лучше, чем одна...

– А какая первая? – уточнила я, прикинув, что только что организовала газетную утку по фамилии Вэган.

– Стилл с невестой должны объявить сегодня своим друзьям точную дату свадьбы. Они все оттягивали, держали в секрете... И из надежного источника стало известно, что сегодня наконец назовут. И похоже, по тому, что Анабель уже встречалась с дизайнером Квэйзи, бракосочетание будет уже скоро...

– Квэйзи? – не поняла я. И это было самое малое, что я не поняла из речи рыженькой.

– Деревня... Это знаменитый кутюрье. Его имя гремит на всю страну. Он специализируется на свадебных нарядах. И шьет в рекордные сроки. А еще, сволочь такая, не раскрывает секреты своих клиентов.

Последнее она добавила таким тоном, словно лично пыталась узнать у дизайнера нужную информацию. И они даже по этому вопросу сошлись характерами. Врукопашную. До фингалов как минимум.

Я не успела как следует обдумать это предположение, как репортер оживилась и, поднеся граверат к лицу, прицелилась для снимка. А еще активировала один из амулетов, что висел на ее шее. Судя по всему – записывающий.

– О, кажется, началось... – прошептала она и чуть подалась вперед, так что объектив едва не высунулся из кустов.

Я тоже посмотрела на террасу. Там Дэн со своей невестой остановились у самых перил, как раз рядом с нами.

Только было одно но: я не слышала ничего. Чары защиты от прослушки оказались знатными. Но для журналистки и они не были проблемой. Активация еще одного артефакта из грозди, что висела у девицы на груди, – и в плетении, защищающем от прослушки, появилось маленькое окошко. И до нас донеслось:

– Ани. Перед тем как мы назовем дату и пригласим друзей на торжество, я хотел тебя спросить: а ты сама хочешь этой свадьбы? Договор помолвки заключили наши родители почти десять лет назад.

В следующий раз я бы обязательно расспросила, откуда у рыженькой такие занятные, прямо-таки шпионские (Толье-старший бы точно оценил, да и Мор тоже!) артефакты. Но не сейчас... Не сейчас.

– Что за глупость! Даже если бы не было неустойки за инициативу расторжения... Стилл, в нашем кругу все браки договорные. Ты для меня – лучший вариант. Как и я для тебя. И вообще, к чему этот вопрос? Неужели ты сам передумал? Или есть что-то, чего я не знаю...

Глава 5

– Да, есть, – мрачно отозвался Дэн и сжал перила так, что его костяшки побелели, а дерево под пальцами пошло трещинами.

– У тебя есть любовница? Если так, то это не проблема. Просто держи ее в тайне от репортеров, и только.

– У меня никого нет, – ответил Дэн.

А я стиснула зубы: всегда считала, что нельзя просто так взять и выкинуть человека из своей жизни. Сначала его хотя бы нужно расчленить и разложить по пакетам. Но один надменный холодный аристократ смог обойтись и без этих прелюдий. Взял и вычеркнул. Одним словом.

В этот миг я любила и ненавидела одновременно. А еще готова была убить. И Стилла с его невозмутимостью, и эту противную Анабель, и рыженькую, что споро делала снимки на граверат.

– Тогда в чем дело? – непонимающе спросила Анабель и прильнула своей грудью к спине Дэна.

– Я предпочитаю вести с партнерами честную игру. Особенно если сделка в долгую. А у нас с тобой – на всю жизнь... Так что, думаю, ты должна это знать.

– Что? – округлила губы Анабель, став в этот момент поразительно похожей на куклу. Дорогую, фарфоровую и бездушную.

– После битвы с демоном я потерял не только все воспоминания последних месяцев, но и дар. Я выгорел. У меня больше нет магии.

– Как? Когда? Почему ты говоришь об этом только сейчас? – возмутилась невеста. Впрочем, одной интонацией продолжая удерживать на губах полуулыбку. Не знай я, о чем они говорили, могла бы подумать, что о сущей ерунде вроде фиалок или погоды.

– Лекари подтвердили окончательный диагноз только сегодня.

– Если это такой тонкий ход, чтобы я расторгла помолвку и моя семья выплатила твоей неустойку, даже не надейся! Я видела, как ты пользовался чарами вчера. Я видела...

– Это амулеты-накопители. Теперь это мои костыли как мага. На всю жизнь. Так как, Анабель? Брачный договор все еще в силе?

– Я... – начала было аристократка, и в этот момент раздался оглушительный треск.

Было бы не так обидно, если бы ломались наши кусты под натиском расправившей меня злости. Но нет. Ива, не выдержав возложенных на нее надежд и одной репортерской задницы, подломилась. И тут же, перебивая сама себя, Анабель заорала:

– Репортеры!

Причем так заорала, словно сама же их и пригласила, а теперь делала вид, что она тут ни при чем.

Моя же рыжая соседка сориентировалась мгновенно и, протараторив в одно слово:

– Пока-мне-пора, – ринулась прочь в лучших традициях шпионской науки.

А я за ней. Пока не застукали.

Репортер, услышав позади себя шуршание, бегло оглянулась и, увидев за собой хвост в моем лице, шикнула:

– Ты куда?

– Ты со мной попрощалась, а я с тобой – нет. А это дурной тон.

– Прощай! – так, словно желала мне поскорее сдохнуть, прошипела рыженькая. – На всякий случай два раза. И за меня, и за тебя.

– Я так не могу. Совместное сидение в кустах сближает... К тому же я к тебе успела привязаться.

– Тогда поскорее отвяжись! Пока нас мажорики не увидели, а местная охрана не поймала и не сдала законникам за проникновение в частную жизнь. Мне еще одни исправительные работы не нуж...

Но было поздно. Тот, Льяной, которого я с легкой руки делала не просто светским львом, а алкогольвом, не иначе как из мести заорал:

– Вон там еще одна, рыжая, в кепке!

После этих слов моя туевая соседка тут же, уже не пытаясь маскироваться, рванула с места так, что мировые рекордсмены по бегу нервно закурили бы в сторонке.

Я припустила за ней. Холодный ветер ударил мне в лицо. Запнулась о какой-то корень, выступавший из земли, и почувствовала, как теряю равновесие. Взмахнула руками, пытаюсь его удержать.

Из горла вырвался то ли судорожный вздох, то ли оборванный крик. Сама не поняла. А затем я все же не устояла на ногах и полетела

макушкой вперед. Прямо в газон. И сделала это в лучших традициях любителей нырять с бортика. Правда, руки не вытягивала, а, наоборот, согнула так, чтобы защитить свою неразумную головушку. А ноги согнулись сами собой, так что колени оказались у подбородка. Как итог – я прокатилась таким клубочком по лужайке.

В этот момент надо мной что-то пролетело. Судя по опалившему спину жару – пульсар. Мать его! Боевой пульсар. Это я смогла осознать, лишь когда мое удирание в фирменном стиле мяча закончилось и я, оттолкнувшись ногами от травы, стартанула из полусогнутого положения. Вот тогда и смогла увидеть, как огненный шар, с которым я разминулась по счастливой случайности, врезался в ствол, что маячил впереди.

Только вот перед тем, как поджечь кору, которая сейчас пылала огнем, пульсар еще успел чикнуть по ремню граверата. И сейчас тот валялся на газоне, а журналистка – убегала, и в ее руке был лишь остаток лямки, что крепился к кофру камеры. Видимо, рыжая не захотела рисковать шкурой и возвращаться за сенсацией.

Я лихорадочно обернулась и увидела, как к лежащей на траве камере бежит Стилл.

Скорее на рефлексах, не особо отдавая отчет, что творю (и вытворяю тоже!), я ринулась наперерез Стилли к гравирату. Краем глаза успела увидеть, как в ладони стоявшего на террасе Льяного зажигается еще один пульсар. Пьяным зайцем резко метнулась в сторону, сбивая прицел в тот момент, когда огненный сгусток сорвался с пальцев блондина. А затем одним прыжком достала валявшуюся на траве камеру и, подхватив ее, припустила прочь.

Жаль только, что Стилл, увидев, что компромат удирает от него, ринулся за мной. Вот демоны! Никогда не могла предположить, что буду мечтать избавиться от Дэна. Но вот смотри ж ты! Оставалось только гадать, узнал ли он меня в этом страшном платье со спины, но проверять отчего-то очень не хотелось. Может, потому, что на него в этот момент снизошло состояние, которое барды древности именовали вдохновением боя, а простые смертные – озверением.

Потому я, сделав несколько судорожных вдохов, оттолкнулась подошвами сапог от травы и помчалась прочь, особо не разбирая дороги.

Начался сумасшедший, стремительный и неумолимый бег. Мои ноги работали быстрее, чем я могла когда-либо себе представить, и я буквально ощущала, как разливается по жилам неразбавленный адреналин, напрочь вытесняя отсюда кровь.

Вылетела на улицу, по которой в час пик машины двигались неторопливым плотным потоком. Пересекла перекресток на так вовремя загоревшийся сигнал для пешеходов и ринулась вперед. Квартал. Еще один. Сквер. Ограда стройплощадки выросла передо мной внезапно. Я с разбегу буквально перелетела через нее. И снова вперед.

Я неслась с такой скоростью, что казалось, земля подо мной начинает трястись. Страх быть пойманной придавал сил прыгать с одной вбитой в землю сваи на другую, словно я скакала по ступеням лестницы.

Я бежала все быстрее и быстрее, преодолевая каждую преграду на моем пути. Прыжок – и носилки с кирпичами остались позади. Нырок, падение на пол, перекат – и бетономешалка за моей спиной. Жаль только, что нельзя было так же легко отделаться от преследования.

Но я была полна решимости оторваться от Дэна. Не сегодня. Не сейчас. Не так... Поэтому в Преисподнюю боли и усталость, которые начали охватывать тело.

Быстрее. Быстрее. Быстрее. И вот топот, что бил по моим оголенным нервам, как ударник – палочками по барабанам и тарелкам на своей установке, стих.

Отстал.

Получилось. Оторвалась. Останавливаюсь только на мгновение, чтобы вздохнуть и оглядеться. На моих губах блуждала полусумасшедшая улыбка. Пот тек по спине градом. И... резкий удар сбил меня с ног. Тяжелое тело навалилось на меня, подмяв. Мы перекатались несколько раз. И когда остановились, я почувствовала спиной холод бетона.

– Ты!.. – спустя одно томительно долгое мгновение пораженно выдохнул Дэн почти мне в губы. И стало предельно ясно: со спины он меня не узнал. Совершенно.

– Я, – подтвердила очевидное и задала сакраментальный вопрос: – И что дальше?!

– Зачем? – продолжая давить на меня как психически, так и всей массой своего тела, спросил Стилл.

– Что зачем? – не поняла я.

Да уж, содержательный у нас получается разговор.

– Сначала специально попалась мне на глаза, потом шпионила, – доходчиво прорыч... объяснил мне Стилл. – Что, добывала сенсацию?

– Мне лишь нужно было тебя увидеть! Я ничего не добывала! – рявкнула в ответ и ощутила, как дрожь охватывает меня, а за ней накатывает волной истерика. Обычно у большинства это проявляется в виде криков и слез, но я и нормальность были похоронены явно в разных могилах.

– А граверат ты тоже прихватила «нечаянно»? И удирала от меня быстрее пульсара, потому что так хотела лицезреть?

Он мне не верил. Ни единому слову. И это было самое страшное. Когда тебя забывают. Совсем.

Судорожно сглотнула. Мой пульс участился настолько, что нельзя было различить отдельные удары. Все они слились в один гул. Так гудит рой разъяренных пчел, готовых вот-вот броситься на тебя. Так звучит утро столицы, увязшее в торосе автомобильных пробок.

Мое сердце билось так сильно, что казалось, еще чуть-чуть – и оно разорвется. Тело затрясло, меня бросало одновременно и в жар, и в холод. Мышцы одеревенели настолько, что я не могла пошевелиться. Даже сделать глубокий вдох. Говорят, так бывает перед панической атакой. Может быть. Никогда их не испытывала, но вот... Наверное, мой страх просто стремительно эволюционировал. Потому-то сейчас я была не девушкой с истеричной тревожностью. Ни в коем разе! В эту секунду, глядя в льдистую синеву таких знакомых и таких чужих одновременно глаз, я была тревожностью, у которой есть девушка.

– Сколько тебе за это заплатили? – между тем, стиснув зубы, прошипел Дэн.

– Да нисколько! Подавись ты своим гравиратом! И невестой! И клятвами своими в вечной любви! – я выкрикнула и почувствовала, как по щекам текут слезы. Жгучие, как самая ядреная кислота.

Я так надеялась, верила, что все можно исправить, что чувства сильнее...

– Какими клятвами? Кому? Тебе? – спросил Стилл, словно не веря услышанному. Будто у него в голове не укладывалось, что он кому-то в

чем-то может поклясться.

– Нет! Демону! Сам посмотри на мою руку!

И я, дернувшись, обозначила, на какую именно.

И Дэн посмотрел. Вот только первое, что он увидел, – это камера.

– И? – не понял он. – Отдашь снимки?

– Идиот, кольцо! Ты сам надел мне его на палец, когда предложил стать твоей женой.

– Так это ты та самая моя бывшая, на которой я едва не женился и не разорвал помолвку с Анабель?

– Значит, вот так все... – я горько усмехнулась и расхохоталась в голос. Удобная трактовка. Может, никакой потери памяти и не было? И любви тоже. А лишь одна наивная адептка, которая во все это поверила.

Какая же я дура!

Откинувшись на бетонную плиту, уже не сопротивлялась. Мой голос дрожал от слез. Ресницы дрожали от слез. Пальцы... Пальцы просто дрожали.

А мне захотелось снять это помолвочное кольцо. Во что бы то ни стало. Казалось, что оно сейчас жжет кожу каленым железом.

Но вторую руку Стилл по-прежнему намертво прижал к бетону. Поэтому я поднесла палец с перстнем ко рту и сняла губами. Все это под молчаливый яростный взгляд мага. И выплюнула фамильное украшение прямо в лицо бывшему. Уже бывшему. Золотой обод ударился о мужскую скулу, но Дэн, кажется, этого даже не заметил.

– Держи. Подавись. Считаю, я тебя бросаю, – с ненавистью выдохнула я, яростно глядя на того, кто меня обманул. Подло. Беспощадно.

– Это я тебя бросил. Когда ты изменила мне с Толье. Решила найти себе кандидатуру побогаче. И как? Он лучше меня?

– Я? Изменила? С чего ты вообще это взял?

– Знаешь, я потерял память, но не мозги. Моя мать в подробностях рассказала мне, как ты, используя приворотное зелье, едва не вынудила меня на себе жениться, но потом решила поймать рыбу покрупнее. Сын канцлера... Не будь эликсира, я бы даже не обратил на тебя внимания.

У меня все похолодело внутри. Леди Стилл решила не сдаваться, а использовать проверенный прием.

– Рассказала? Или солгала? Я не использовала никаких чар! Мы столкнулись и случайно обменялись магией! Вот так ты, гад, и обратил на меня свое долбаное внимание! И если бы было какое-то незаконное зелье, твоя мать наверняка первой потребовала бы моего ареста. Она не из тех, кто умеет прощать. А вот мстит отменно, – меня прорвало. Слова сыпались как горох из худого мешка. Не остановить. Я даже не задумывалась над тем, что говорю. На миг даже показалось, что, если в эту секунду у меня случится сердечный приступ, я все равно не смогу заткнуться.

– Обменялись магией? – вот теперь Стилл был действительно ошарашен. – Как?

– Ты меня инициировал.

– Я тебя что?..

– Поцеловал, самонадеянный придурок! – выкрикнула я.

Секунда неверия. Дэн смотрел на меня недоверчиво и удивленно. А затем...

Его губы накрыли мои. В эту секунду Дэна не остановило бы мое сопротивление. Да что там сопротивление – его и шторм бы не остановил. Потому что он сам был штормом.

Язык, наглый, напористый, ворвался в мой рот, исследуя, пленяя и покоряя. И я... еще минуту назад ненавидевшая его, сейчас отзывалась. Страстно. Дико. Горячо.

Вокруг нас была пронзительная тишина. Но мы не ощущали ее. Не чувствовали липкой паутины холода, что соткал промозглый осенний вечер. Только друг друга. Зато настолько ясно, остро и неотвратимо, как доживающий последние минуты на земле ощущает смерть.

Мир вокруг нас пропал, и остались только мы. И наша, одна на двоих, вселенная. В которой были прикосновения горячих мужских рук к моим плечам, прерывистое хриплое дыхание. Касания.

Это был тот Дэн, которого я знала. Неукротимый, решительный, сильный, оглушающий. И его поцелуй точно такой же.

А я... Я отвечал ему тем же. Рваные вдохи. Хриплые выдохи. Укус, которым наградил меня Стилл, прижавшись губами к шее, заставил выгнуться дугой и застонать.

И когда его рот вновь накрыл мой... Я укусила в ответ. Похоже, это была его верхняя губа. И похоже, что он на это даже не обратил

внимания.

Сейчас, среди этих касаний и поцелуев, меж наших двух тел... не было меня. Не было Дэна. Были мы. Единое целое. Клубок из любви, ненависти, страсти, нежности и отчаяния.

Я ощущала, как ходит ходуном мужская грудь, как где-то в ее глубине бешено бьется сердце и как мое откликается в унисон.

А еще я чувствовала магию внутри себя. Как она, почти уснувшая на самой глубине моего резерва, пробуждается, растет, ширится, разливается по венам.

То, что происходило с нами, было чистым безумием. Но я не хотела из него возвращаться. И когда губы Дэна все же оторвались от моих, я расфокусированным взглядом увидела его лицо. Напряженные скулы, прикрытые глаза. Словно он боролся с собой. С демонами, что жили внутри него.

– Ничего, – выдохнул он, приподнимаясь, а затем и вовсе вставая на ноги. – Ни единого отголоска силы.

Что? Силы?! Какой еще, к проклятым тварям, силы...

Я не сразу поняла, что это был эксперимент. Холодный. Расчетливый...

– Ну и склочь же ты, – выплюнула я слова. А хотелось просто плюнуть.

И, словно прочитав мои мысли, Стилл предостерег:

– Даже не думай...

– Мне нельзя думать, а тебе, значит, использовать меня можно? – возмутилась я.

– Тебе же понравилось, – ничуть не смутился этот надменный аристократ и неожиданно (кажется, даже для самого себя) протянул мне руку. – Стоило попробовать. Я готов на все, чтобы вернуть свой дар...

Руку проигнорировала. Поднялась сама. Путь не так элегантно, но зато молниеносно, как учили на боевке, – прыжком из положения лежа.

А затем подхватила граверат и вручила его Стиллу со словами:

– Ты так долго бежал за ним. Заслужил. Хороший песик...

А затем пошла прочь. Вслед мне полетело то ли злое, то ли восхищенное:

– Стерва!

В ответ, не оглядываясь, я показала аристократу палец. И нет. Не большой и не указательный.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу его... И все еще люблю. Но больше никогда не покажу ему этого. Для всех и каждого все мои чувства к Дэниэлу Стиллиу сегодня умерли. Это не тот человек, которого я знала и помнила.

Тот Дэн никогда бы не использовал мою любовь как способ проверить свою теорию...

Я шла, пытаюсь собрать осколки разбитой надежды, треснувшей напополам жизни, а ноги сами несли меня в парк, туда, где я оставила свои мокрые вещи.

До академии я добралась, когда ворота уже были закрыты. Пришлось идти к знакомому лазу в ограде. И при этом меня не покидало смутное ощущение. Не тревожное, а... зуд меж лопаток от взгляда. Не злого, но очень любопытного. И когда я очутилась на территории академии, услышала:

– Хм... интересная лазейка... Буду знать...

Я резко обернулась, готовая как врезать противнику в челюсть, так и задать стрекача – в зависимости от противника. Но по итогу не сделала ни того, ни другого, а лишь как следует выругалась.

За мной шпионила рыженькая. Та самая туевая журналистка.

– Ты?! – вытаращив на нее глаза, выдохнула я потерянно. Ее-то я ожидала здесь увидеть меньше всего. Потому и весьма невежливо спросила: – Следишь за мной? Чего тут забыла?

– Попрощаться, – ничуть не смутилась репортер. – А то, как утверждает одна моя знакомая, невежливо.

– Ты два раза крикнула мне «прощай», а взглядом еще и прокляла и прикопала, – напомнила я, борясь с искушением доходчиво объяснить этой рыженькой, что ей здесь делать нечего.

Вот только меня терзали смутные сомнения, что если я попробую достучаться до нее, то судить меня будут за избиение. Поскольку девица была на редкость упертой, точнее, если выразиться толерантно, целеустремленной.

– Тебе показалось! Я всего лишь хотела наладить дружеские отношения. Из тебя бы вышла отличная напарница и боевая подруга. Поднять за товарищем граверат. Да что поднять – вырвать из загребущих лап мага – дорогого стоит. Кстати, а где камера?

– Кстати, а как ты меня нашла? – задала встречный вопрос, даже не собираясь отвечать на реплику журналистки.

– Простейшая следилка, – пожалала плечами репортер и похозяйски запустила руку в мой карман, достав оттуда монетку.

Обычный медный кругляш практически ничем не отличался от своих собратьев. Лишь обод светился чуть ярче, выдавая зачарованную вещицу.

– Надо же мне было знать, из какого сыскного агентства мой информатор, – со смешком продолжила журналистка. – И как оказалось, из самого что ни на есть древнего и уважаемого. Академия высшей магии – это не задрипанная конторка на отшибе столицы, – с иронией закончила она.

И стало понятно, что рыженькая не верит ни на унцию, что я детектив. Повисла пауза. Напряженное молчание окутало нас, словно густая дымка, не дающая пройти ни одной мысли. Рыжая пристально смотрела на меня, словно пытаюсь найти ответы на еще не заданные вопросы. Ночной воздух вдруг оказался затхлым и тяжелым.

Казалось, что этот миг длился вечность и каждый звук, который мог бы нарушить эту тишину, прозвучал бы слишком громко.

А звук моего магофона и вовсе был подобен взрыву, заставив нас обеих вздрогнуть. Я не глядя вытащила артефакт из кармана и, нажав зеленый кристалл, бросила в переговорник напряженное:

– Да?!

– Ники! – тут же заорал Мор на том конце. – Ты где?!

– Недалеко от оранжереи, – ответила я, лихорадочно прикидывая, что такого экстренного могло случиться, чтобы Толье так орал посреди ночи. – Что произошло?

– Пока ничего. Я раздобыл все материалы, а тебя неизвестно где носит...

Я облегченно выдохнула: с приятелем стряслось всего лишь недержание эмоций, в просторечии именуемое нетерпением. И не более. Он жив, здоров, а не в больнице с переломом поясницы. Значит, разговор с ним подождет.

– Мор, мне сейчас неудобно говорить, я тебе перезвоню позже. Порешу одно маленькое дельце и перезвоню.

– Может, дельце? – вьедливо уточнил друг.

– Может, и дельце, – согласилась я. – Как пойдет.

И я оборвала разговор. А рыженькая, зараза такая, даже не подумала испугаться! Наоборот, ее глаза отчего-то заблестели от радостного азарта. Прямо как у той ведьмы-оптимистки, которую зимой вели на костер, а она радостно орала: «Ура! Наконец-то согреюсь!»

– А я думаю, что мне твое лицо кажется смутно знакомым, будто я у тебя сенсацию из-под носа увела... – задумчиво произнесла журналистка и посмотрела на меня с прищуром. – Ты же та самая Николь Роук! Истребительница демонов!

– Демона, – поправила я ее. – И убивала я его не одна...

– А можешь подробнее? – подалась навстречу мне всем корпусом журналистка.

– Нет! – рывкнула я так, что с ближайшей ветки едва не упала задремавшая там ворона.

– На вопросы отвечать не хочешь, камеру мою украла... – тут же перешла в атаку под знаменем шантажа репортер. – А она, между прочим, дорогая, на заявление потянуть может...

Видимо, репортер решила взять меня на испуг. Ха!

– Главное, укажи, при каких обстоятельствах я ее у тебя позаимствовала, – напомнила я.

Рыжая тут же возмущенно фыркнула в духе: «Ищи дуру!» А я решила прояснить ситуацию:

– Твоего граверата у меня нет. Когда догнали, отняли.

– Отняли – и все? – поразила рыжая с интонацией: «Что? И даже бока не намяли?»

– И все, – подтвердила я.

Репортер на миг приуныла. Но, видимо, долгая печаль не была прописана в ее базовых настройках, потому как она почти тут же воспрянула духом и попыталась выцыганить у меня если не полноценное интервью, то хотя бы материал для заметки.

В самый разгар торгов на нас как снег на голову и свалился радостный Толье.

– Вот ты где! – возвестил приятель, осекся, увидев, в чьей я нахожусь компании, и покрепче прижал к груди папку с бумагами, которую держал в руке.

Не знаю, как он с первого взгляда распознал в рыжей акулу пера, но факт остается фактом. Приятель, едва ее увидел, требовательно

спросил:

– Зачем ты сюда притащила эту журналюгу?

Причем произнес он одно, но мне почему-то отчетливо слышалось «ворюгу».

– А ты зачем блазня привел? – в свою очередь прошипела гадюкой я.

– Кого? – не поняли рыженькая и Мор.

А я без слов кивнула за спину приятеля.

Тот так же беззвучно обернулся и увидел, как призрачный страж академии выплывает из-за кустов.

– А сейчас медленно отходим к оранжерее, – командным шепотом произнесла я и сама подала пример.

Но едва я плавно, текуче шелохнулась, как и блазень сорвался с места, и... Одним словом, тихо и незаметно скрыться у нас не получилось. Было скорее шумно и очень быстро. Второй забег, демоны дери, за сегодня. Зато закончился он для нас неожиданно – на дереве.

Забраться на последнее было идеей Мора, который утверждал, что блазни видят только в одной плоскости, перед собой. Мы это и проверили опытным путём. Оказалось – правда. Хотя, может, свою роль сыграл и морок, который шустро создала рыженькая.

– Отличные чары, – придирчиво разглядывая плетение, нехотя произнес Мор.

– Спасибо, – гордо отозвалась рыженькая. – Твоя личина тоже ничего.

Приятель при этих словах как кол проглотил. А я похолодела. Откуда она узнала?..

Глава 6

Не иначе как удивление было на наших лицах столь очевидным, что репортер снизошла до пояснения, правда больше похожего на насмешку:

– Пытаться провести мага иллюзий на личине? Ну-ну...

– Что же ты тогда, иллюзорница, забыла среди репортеров? – уязвленно прошипел Мор и обжег рыженькую взглядом, а затем деловито посмотрел вниз, туда, где под деревом ищейкой сновал блазень.

Я искоса глянула на приятеля: странно, он ответил журналистке куда спокойнее, чем я ожидала. Словно успокоился, поняв, что хоть и прокололся, но не критично.

– Справедливость! – патетично ответила рыженькая, тряхнув короткими волосами.

Зато теперь мне стало понятно, как она смогла так близко подобраться к террасе ресторации и подслушать разговор Дэна с белобрысой невестой. Интересно, а как добывали информацию другие репортеры? По губам читали? Или прослушивающие амулеты подкидывали заранее?

– Ты, наверное, не полностью озвучила девиз газетчиков, – язвительно заметил Мор и охотно продекламировал: – «Клевета за справедливость» будет точнее.

– Ах ты... Да что ты понимаешь! Люди должны знать правду!

– Еще скажи, что есть такая правда, за которую не жалко и жизнь отдать, – Мор произнес это так, что стало ясно: у него к репортерам личные счета. Причем весьма большие.

– Да, есть! – запальчиво отозвалась рыжая.

– Нет такой правды. Потому что жизнь дается только раз. А правды много, и она у каждой подзаборной шавки своя.

– Вот демоны! – взвилась журналистка так, что блазень, который и так подозрительно долго терся под нашим деревом, насторожился. Пришлось шикнуть на девицу. Она вяла предупреждению и уже на порядок тише (и возмущеннее) добавила: – Как можно жить с такой философией?!

– Долго! И не встречаясь с такими, как ты! – охотно просветил Мор.

– Слушай, с чего ты на меня так взъелся? – Рыженькая бдительно прищурилась.

– Не люблю журналистов.

– Значит, ты против свободы слова? – подозрительно спросила репортер.

– Я против того, когда свой нос суют куда не следует, а потом трезвонят об этом всем. В результате могут пострадать или погибнуть люди. Но вам-то чего: гонорар от редактора получили, сенсацию сотворили, кусок славы урвали...

– Говоришь как закаменелый законник. – Рыженькая от злости сжала кулаки.

– Как тот, кто понимает, что каждое слово может иметь последствия, – парировал Мор.

– Я представитель четвертой власти и получше тебя знаю цену слову! – взвилась девица.

– И второй древнейшей профессии на земле, – ехидно напомнил Мор о бабках-сплетницах.

Это рыженькую и добило. Она запальчиво произнесла:

– Да ты на себя посмотри! Прячешься за иллюзией, боясь показать миру истинное лицо! Твоя подружка знает, что у тебя ожог на всю левую щеку? – сказала и побледнела. Кажется, до нее дошло, что в горячке спора выдала чужую «тайну». Личное.

А до меня, сидевшей до этого тише мыши, наконец дошло, почему приятель так спокоен: его не узнали. Сдается, его иллюзия была не так проста, как показалось рыженькой. Личина наверняка была многослойной. Чтобы вот таким любопытным, решившим заглянуть под первую маску, была видна вторая, удовлетворявшая любопытство и объяснявшая, зачем простому адепту маскировочные чары. Гениально.

А Мор... Каков гад! Так талантливо и сыграть изумление, и вывести на эмоции... Мне было далеко до такого мастерства. Но надо учиться, перенимать... В жизни это пригодится ничуть не меньше знаний, что дают нам на лекциях.

Рыженькая, не подозревавшая об этом, покаянно замолчала. Она склонила голову и сжала кулаки. Я буквально ощущала ее состояние,

когда не знаешь, что сказать или как повести себя. Даже в предрассветных сумерках можно было разглядеть, как алело ее лицо, а глаза сверкали, наполненные стыдом и растерянностью.

Сглотнув, рыженькая собралась с духом, подняла голову, посмотрела в глаза Мору и произнесла:

– Мне сейчас кажется, что любое мое слово прозвучит глупо и неуместно, только усугубляя ситуацию. Но я хочу, чтобы ты знал: мне жаль. Действительно жаль, что Николь узнала это... Я не сдержалась. Это была твоя тайна.

– Я в курсе, что Дрон не красавчик, – прервала я ее, за что получила укоризненный взгляд Мора.

Приятель без слов, одним выражением глаз дал понять, что не прочь бы посмотреть еще пару минут на самобичевание заносчивой журналистки.

– И далеко не подарок тоже, – припечатала я, исподлобья посмотрев на приятеля, намекая: совесть поймей!

– Значит, Дрон, – улыбнулась рыженькая и, спеша загладить неловкость, увести разговор в другое русло, представилась: – А я Вита. Вита Мотимер.

– И как ты очутилась на территории академии, Вита? – обманчиво всепрощающим тоном осведомился Мор.

Вздохнув, журналистка, собственно, рассказала как. Начиная со злополучной туевой засады. При описании оной Толье бросил на меня испытующий взгляд, но никак не прокомментировал услышанное. Но я не обольщалась: когда мы останемся одни, он непременно вернется к этому разговору. А пока что... был рассказ, был блазень, который хоть и отошел от нашего дерева подальше, но исчезать совсем с горизонта не спешил, и был рассвет.

Последний занимался медленно и поначалу даже робко. Но как только огненный, словно начищенный до медного блеска диск выплыл над горизонтом, мне показалось, что безумный художник плеснул на небо рубиновой краской. И та растеклась по облакам от нежнейших оттенков чайной розы до кровавого ореола вокруг солнца.

Воздух, еще свежий (аж до морозца!), начинал теплеть и насыщаться сиянием первых лучей, а полуоблетевшая листва – окрашиваться во все оттенки золота и охры.

Академия просыпалась. Наконец истаял и блазень – ночной магический страж, что следил за порядком.

– Ну, нам пора, – за нас обоих ответил Мор и первым спустился на землю. Я за ним.

А вот Вита не торопилась.

– Ты чего? – озадачился приятель. – Высоты боишься?

– Нет, – широко зевнув, отозвалась рыженькая. – Но сейчас самое время, чтобы случайную меня кто-нибудь заметил крадущейся к кустам. А потом объясняй, как ты здесь оказалась, когда ворота еще не открыты. Я лучше дождусь, когда вся академия проснется окончательно, наполнится гвалтом и толпой адептов. В ней легко затеряться и спокойно выйти в город.

– Тогда удачи! – усмехнулся Мор и, поправив папку, с которой так и не расстался, пошел прочь, насвистывая бравурный фривольный мотивчик.

Я, попрощавшись с журналисткой, поспешила за ним и, когда мы оказались у оранжереи, не преминула поинтересоваться: что это такое ценное приятель прижимает к груди?

– Это информация, которую я достал о твоём Стилле. Но, похоже, ты уже и сама все знаешь: что он лишился дара и что назначена дата его свадьбы с Анабель.

Я нахмурилась и замолчала, разом помрачнев. Приятель это почувствовал и, видимо, чтобы не попасть под горячую руку холодной от злости меня, поспешил добавить:

– А еще здесь все, что удалось собрать об исчезновении моей тети. Данных, правда, мало... Следователи не могли понять, как ее похитили. Даже гипотез особо не было. Да ты и сама все видела. Легла ночью в кровать, а наутро ее нет. И комната пуста...

– Слушай, а сколько времени после исчезновения твоей Лирин просматривали сыщики?

Мысль, маячившая на задворках сознания, зазвенела тревожным колокольчиком. Я почувствовала, что разгадка где-то близко...

– Что ты имеешь в виду? – насторожится Мор и остановится, пристально глядя на меня.

– Помнишь, мы с тобой применили в комнате, где жила твоя тетя, заклинание обратного хода времени? Ну, чтобы просмотреть самим, как все было?

– Да. – Приятель прищурился.

– Так вот, ты тогда сказал: сыщики тоже до этого момента все просмотрели. До того, как в комнату вошла еще одна адептка и обнаружила, что постель Лирина пуста. А дальше они проверяли временной поток?

– Зачем? Там почти сразу подключилась охрана...

«В ней легко затеряться», – прозвучал в мозгу веселый голос Виты. И в мозгу словно сработал переключатель. А что, если Лирин никто не похищал?

Эту мысль я и озвучила Мору. Приятель крепко задумался. Настолько, что едва не расквасил себе нос, споткнувшись о корень дерева, торчавший из земли. Выровнялся, почесал макушку и изрек:

– А в этом что-то есть... Только зачем тете было скрываться? Дала бы знак, что жива...

– А если она не успела? И ее похитили уже за воротами академии? Допустим, Олав поймал ее уже в городе? Выследил? Просчитал?

– Возможно. Но спросить уже не у кого. Эскобар давно умер. Душа так точно. А на той неделе мы прикончили и его тело.

– А вызвать дух? – оживилась я.

– Бесполезно. Думаешь, лучшие некроманты не пытались этого сделать? Но экзорцисты, которые работали вместе со следователями в посольстве, в один голос утверждают: судя по остаточным эманациям той кучи пепла, в которую мы превратили ту тварь, Эскобар пустил в свое тело демона добровольно. А это значит, сам отрекся от своей души, уничтожил ее.

– Значит, допрашивать некого, – подытожила я.

Кажется, моя гипотеза так и останется гипотезой...

– Об этом надо подумать, – словно прочитав мои мысли, решительно произнес Толье. – Да, задачка тяжелая, но это уже какая-никакая версия. И мы ее проверим! Только попозже, не сейчас.

– У тебя есть идеи как? – Я поплотнее запахла теплую кофту.

Да уж, еще вчера я думала, что ни в жизнь ее не надену! Еще бы. Нормальная одежда должна подчеркивать достоинства фигуры и скрывать недостатки финансового положения. А шерстяное платье и кофта подчеркивали второе и прятали первое. Зато в них было тепло. Относительно тепло. Во всяком случае, хотелось верить, что мой нос

не такой синий, как у приятеля. Да и дрожала я на порядок слабее. И это с учетом того, что Мор использовал еще согревающие заклинания всю ночь напролет. Посмотрела на то, как Толье нахохлился в форменной куртке. Та хоть и была прочной и удобной, но греть, как шуба, не грела. И это был ее главный недостаток.

– Демоны! – выкрикнула я, осознавая, что моей собственной униформы у меня и вовсе нет.

Точнее, она была. Но я ее потеряла. Зато приобрела нервный тик и желание прибить одну журналистку, которая любит пугать...

Я припомнила, как Вита меня окликнула, когда я через лаз попала на территорию академии. Похоже, там-то я и выронила пакет с формой.

Развернулась на каблуках и отправилась к оранжереям.

– Ники, ты куда? – крикнул мне вслед озадаченный Мор.

Я обернулась и пояснила:

– Спасать свою подмоченную... – На секунду задумалась, как бы потактичнее назвать то безобразие, что у меня в пакете.

Толье тут же подсказал:

– Репутацию?

– Это у вас, аристократов, одни репутации на уме, а у нас, простых смертных, формы, – ответила, имея в виду свои несчастную куртку, рубашку и штаны.

– Твои формы отлично выглядят. – Толье выразительно прошелся по моей фигуре взглядом и на грани серьезного добавил: – Их не спасать, а питать надо. В столовой. Она, к слову, скоро откроется.

Я скосила на приятеля взгляд: издевается? Или правда не понял? Судя по взгляду, все он прекрасно понял, но решил в своей излюбленной аристократической манере – когда говорят одно, намекают на другое, имеют в виду вообще третье, а собеседник понимает вообще четвертое – поиграть со мной. Что ж, ты, Мор, сам нарвался!

– Герцог Толье, не соблаговолите ли вы сейчас отбыть в эту самую столовую? – вежливо поинтересовалась я.

И все бы ничего, но я произнесла это так, что приятель закашлялся.

– Мне показалось или ты только что намекнула: мне сейчас за благо будет свалить? – светским тоном осведомился Толье.

– Терпеть не могу эти полунамехи, если ты понимаешь, о чем я, – с едва заметной улыбкой, которую и за улыбку-то принять нельзя, ответила я.

И неожиданно услышала:

– А ты растешь, Ники, – то ли восхищенно, то ли досадливо прокомментировал Мор.

Я лишь вопросительно приподняла бровь.

– Раньше ты бы съязвила в ответ или отбрила. А сейчас – я на несколько секунд подумал, что имею дело со светской леди, а не обычной девчонкой.

– Ты сам виноват, что спровоцировал, – бросив на Толье быстрый взгляд, ответила я и процитировала, скопировав тон приятеля: – «Твои формы отлично выглядят...»

– Извини, не удержался, – покаянно (ничуть!) ответил Мор.

Вот так, дурачась, мы и дошли до тайного лаза. Пакет оказался действительно под кустом. Только одежда в нем была не мокрая, а хрустящая. От инея. Я достала ее, а после стала эксплуататором. О последнем мне сообщил Толье, фырча себе под нос, что впервые сын канцлера подрабатывает прачкой и гладильщиком.

А все оттого, что я критическим взглядом окинула вещи, потом внутренним взором – пустой резерв и пришла к выводу, что без сторонней помощи не обойдусь. Высушить и придать нормальный вид вещам можно только с помощью магии, которой у меня-то и нет.

Друг хоть и ворчал, но все сделал в лучшем виде. И я решила не привлекать лишнее внимание своим платьем. Шустро переоделась под прикрытием кустов, листва которых была уже желтой и поредевшей, но все же способной спрятать меня от лишних глаз.

Правда, в процессе переодевания я выяснила, что артефакт Лори напрочь разрядился.

Интересно, когда именно это произошло? Когда я удирала из кустов туи? Или на стройке? Так или иначе, сейчас плетению для отвода глаз требовалась энергия. Первой мыслью было поросить Мора. А потом... Да сколько можно прятаться? Не буду же я всю жизнь скрываться под пологом амулетов. Да и к тому же пора уже перевернуть страницу жизни по имени «Дэн».

С такими мыслями я вышла из зарослей и вынесла вердикт:

– Все! Я готова! Что ты там говорил о столовой?

В последнюю спустя четверть часа мы с Толье заходили, ничем не отличимые от остальных адептов. Разве что глаза были красными, как у вампиров с большого сушняка – или голодовки? В физиологии клыкастых я была не сильна.

Я приготовилась к пристальному, граничившему с манией вниманию, но его не было. Потому как вчера вечером в академии наконец назвали дату снежного бала. Он проводился в день первого снега. И чиновники из министерства магии и погодники наконец договорились, когда же тот пойдет, втиснув это чудо между расписанием светских раутов.

И теперь вся академия, а особенно ее женская половина, гудела от предвкушения. Все и думать забыли о какой-то Роук.

Все. Кроме одного. Того, кого я сегодня утром решила оставить в прошлом. Потому как спустя четыре часа на парадной лестнице главного корпуса я столкнулась со своей «перевернутой страницей».

Дэн стоял на широкой мраморной лестнице, словно волнорез, рассекавший студенческую толпу, что спешила после обеденного перерыва на занятия. Он выглядел напряженным, и его взгляд, устремленный вниз, внимательно и цепко оценивал поднимавшихся адептов.

Я невольно отметила, что он перенес вес тела на одну ногу, тогда как вторая была опущена на ступеньку. Как будто Стилл был готов в любой момент броситься вниз. Мужские руки были сжаты в кулаки, губы превратились в одну линию, скулы заострились, а брови сведены к переносице так, что меж ними пролегла морщина.

«Ну точно тигр, который выслеживает добычу», – подумалось невольно. Я не заметила, как замедлила шаг, а потом и вовсе постаралась скрыться за спинами шедших впереди парней. Благо те были широкоплечими и шумными и отлично отвлекали на себя внимание.

Хотя сама я старалась спрятаться, но взгляд невольно возвращался к тому, кого я ненавидела и любила одновременно. Но ненавидела все же больше. Или... Нет. Больше. Однозначно. И точка!

Но как бы я ни старалась, пусть я уже все для себя решила, вот только эта самая проклятая точка в отношениях так и норовила, поганка, превратиться запятую, а я... Я нет-нет да и поворачивала голову в ту сторону, где стоял Дэн, чтобы на секунду увидеть до боли

знакомые волосы цвета расплавленного золота, волевой подбородок, гордую осанку, широкие плечи. Стилл был одет не в привычную университетскую форму. Сегодня на нем были брюки, светлая рубашка и пиджак, которые придавали Дэну строгий, отстраненный и немного загадочный вид.

«Того, кого ты полюбила, больше нет!» – мысленно напомнила я себе, буквально через силу отворачиваясь. И, лавируя в толпе, поспешила обогнуть того, кого твердо вознамерилась оставить в прошлом, по широкой дуге.

Я не знала точно, кого он искал. Но навряд ли меня. Мало ли у него тут дел... и симпатичных тел, с которыми он наверняка крутил когда-то романы. Мне просто не хотелось сталкиваться с тем, для кого я никто и звать меня никак.

Тряхнула волосами, так что те упали на плечо, ограждая меня от Стилла, словно щит. Эфемерная, но все же преграда. Только для кого: его? Или меня от себя же? Чтобы не могла, даже если захочу, взглянуть в сторону Стилла.

Ступени под моими ногами закончились. Я облегченно вздохнула и устремилась к входной двери, и тут...

– Тебя-то я и искал. – Рука, схватившая меня за запястье, заставила невольно остановиться. Я вскинула голову и встретилась взглядом с тем, кого так старательно избегала. – Нам нужно поговорить.

– По-моему, ты вчера все сказал. И прекрасно дал понять, что нам лучше больше не встречаться. – Я высвободила руку. И сделала это не дергано, словно испуганная девица, а профессионально, как учили на занятиях по боевой подготовке. Отошла на шаг и, припомнив вчерашние слова Дэна, добавила: – Я же обманщица, охотница за женихами и состоянием. Или за ночь ты все вспомнил и изменил свою позицию?

Последнее было сказано с едким сарказмом, потому как даже слепой бы понял: Стилл остался при своем мнении. Об этом лучше всяких слов говорили его глаза, в которых застыли холодность, надменность, расчет, цинизм... Да много чего. Почти все там было. Кроме любви.

Я прямо ответила на этот взгляд, полоснув своим в ответ. Влюбленной Ники тут больше нет. Я спрятала ее глубоко внутри. Так,

чтобы и самой отыскать не сразу. Потом, вечером, я, сидя на кровати, пореву, обнимая Пусю. Но сейчас – не дождется этот надменный аристократ, чье самомнение выше облаков, чтобы я дала слабинку. Я страж, демоны дери! А это значит, что могу принять бой как на поле брани, так и в словесном поединке.

Видимо, эта решительность отразилась и на моем лице, потому как Стилл... вдруг отступил. Смежил веки, глубоко вдохнул, а когда вновь посмотрел на меня, произнес тоном человека, принявшего для себя непростое решение:

– Давай попробуем поговорить друг с другом, чтобы исцелять, а не ранить.

Я так и застыла, не зная, что сказать. Все же порой моя жизнь была настолько прекрасна и удивительна, что даже уже сил никаких не было, чтобы удивляться.

– Исцелять? Трупам нужен не лекарь, трупам нужен некромант. Или хотя бы могильщик, чтобы закопать.

– Кого? – непонимающе спросил Стилл.

– Что, – холодно поправила я. Голос при этом звенел сталью. – Наши отношения. И этот разговор тоже. Иди к своей Анабель, готовься к свадьбе, или что там у тебя в расписании... А у меня в моем сейчас – зельеварение, и преподавательница не терпит опозданий.

Я шагнула в сторону, желая обойти аристократа, но тот заступил мне дорогу так, что мы столкнулись нос к носу. Я хотела сделать шаг назад, но мне не позволили, рука Дэна оказалась на моей талии. А затем он и вовсе резко притянул к себе, так что полы моей расстегнутой куртки и его пиджака распахнулись, словно крылья.

А под ними были наши тела и ткань рубашек меж двумя бешено бившимися сердцами. Мы замерли, глядя в глаза друг другу. На грани сумасшествия и ненависти.

– Я потерял память, лишился магии... И почему мне кажется, что это все как-то связано с тобой?.. – едва слышно произнес Стилл.

Я застыла, вдыхая его шепот, не в силах сопротивляться. Вернее, разум кричал, что нужно ударить, вырваться, уйти. Но я так и стояла недвижимая. Потому что в эту секунду до безумия хотела почувствовать его прикосновение, снова ощутить тепло его губ на своих губах, чтобы время повернулось вспять и все было как прежде. Хотя бы на минуту, на несколько мгновений...

Словно воплощение этой мечты, мужские пальцы коснулись моей щеки, и... в этот момент магия внутри меня всколыхнулась, растеклась по венам, зазудела на коже ладоней.

– Мне нужно во всем разобраться, – вдруг хрипло сообщил Стилл. – Понять причины, чтобы устранить последствия.

Сказанное подействовало на меня не хуже обуха. А я всего лишь звено в его четкой логической цепочке причинно-следственных связей. Усилием воли я взяла чувства под контроль и произнесла:

– Руку убрал. Пока она у тебя есть.

– А сил хватит, чтобы оторвать? – с вызовом спросил Дэн.

– Магии точно хватит.

– А если нет – я помогу, – раздалось откуда-то сбоку.

Я повернула голову и увидела Мора. Сейчас даже двойная личина не смогла скрыть злость приятеля.

– Ты еще кто такой? – произнес Стилл, продолжая удерживать меня.

– Ее друг.

– Дру-у-уг... – растягивая гласную, произнес аристократ с иронией, подразумевавшей даже не двойное, а тройное дно. – Какая ты, оказывается, дружелюбная малышка: я, Толье, теперь, оказывается, еще и этот славный мал...

Договорить Стилл не смог по причине прозаической: я задела его гордость. Копленом. А затем и вовсе вывернулась из захвата. Жаль только, что увидеть согнувшегося пополам аристократа мне не довелось. Слишком стойким оказался.

А в ладони Мора тут же вспыхнул пульсар – лучший из всех намеков.

– Даже не приближайся к ней, ты понял?! – рявкнул Толье. – Да и вообще, бездарным не место в академии. И если ты не подал еще заявления об отчислении сам, я об этом позабочусь.

Это было оскорбление. Прямое и хлесткое. Лицо Стилла закаменело, а затем он произнес всего одно слово:

– Дуэль.

– Ты уже не маг, – даже как-то растерялся приятель.

– А что, рапиры уже отменили? – с иронией, за которой сквозила смертельная опасность, произнес Дэн. – Хотя, судя по твоему

происхождению, больше подошла бы дубина. Или, может, кулачный бой?

– С радостью расквашу твою благородную физиономию. Скажем, через неделю. Часов в шесть вечера. На пустыре за монастырем всеблагой Синоры? – отозвался Мор, а затем добавил, желая еще сильнее уязвить противника: – И да, друг – иногда это просто друг, безо всяких подтекстов и экивоков. Впрочем, тому, у кого настоящих друзей нет, а есть лишь куча светских приятелей и мимолетных интрижек, этого не понять. – И, уже обращаясь ко мне, Толье добавил: – Пошли, Ники, а то мы вот-вот опоздаем.

Глава 7

Я лишь кивнула, и мы поспешили в корпус. Однако, пока мы бежали по коридору, до меня вдруг дошло:

– А что ты имел в виду, говоря, что Стилле не место в академии?

– Так лекари же диагностировали у него выгорание. Согласно уставу академии, это подразумевает автоматическое исключение.

Не дав мне больше ничего сказать, Мор схватился за ручку двери аудитории и дернул ее на себя. А мне вдруг стало понятно, что случись чемпионат по недомолвкам и интригам – Мор бы не занял в нем первого места. А все потому, что он бы сидел в жюри.

Я припомнила, как друг ловко ушел от ответа, когда я спросила, какую информацию он собрал о Стилле. Стоило мне только заикнуться, что я подслушала разговор Дэна с невестой на террасе, как приятель тут же обтекаемо ответил, что я и сама уже все знаю... Угу. Все, да не все, как выясняется.

Это было первое из сегодняшних открытий, которое мне бы хотелось закрыть, но не последнее. Мы с Толье все же опоздали на зельеварение. Следствием последнего стало то, что мы в полной мере осознали гнев магистра. Она отомстила нам с истинно женским коварством. Я-то уже приготовилась на отработку в оранжерее. Как бы не так.

Нас с приятелем на пару заставили дегустировать зелья, которые приготовили на занятии наши одноклассники. Поэтому по итогам практикума мы с Мором были как огурчики: зеленые, в пупырышки, немного сморщенные и... Лично мне хотелось сдохнуть. А еще – никогда больше не опаздывать на занятия досточтимой магессы.

Выходя из корпуса в закатных сумерках, я, попеременно борясь с икотой и тошнотой, произнесла:

– Ты говорил, у тебя были идеи по поводу того, как проверить, выходила ли Лирин из академии в тот день?

– Да, – выдохнул Мор и поспешно зажал рот рукой, видимо тоже пытаясь так сдерживать рвотные позывы.

К слову, сегодня мы готовили «тонизирующий эликсир Бурикриса с приятным вкусом и суточным эффектом действия» – припомнила я

слова преподавательницы... Приятного вкуса, как показала дегустация под принуждением, не было и в помине. Оставалось надеяться, что и суточного эффекта тоже. Мучиться еще двадцать четыре часа мне очень уж не хотелось. А ведь мы отпивали из каждой пробирки по маленькому глотку. Страшно представить, если бы опустошали все до дна...

Отринув эти страшные мысли, я вернулась к не усопшей тете Мора.

– Предлагаю, чтобы твои идеи побыли идеями хотя бы до завтра. Сегодня на их воплощение, боюсь, у меня не хватит сил.

– У меня тоже... – поспешно согласился приятель и тут же добавил: – Извини, Ники, я на минутку.

А затем он ломанулся в ближайшие кусты. Толье при этом выглядел столь целеустремленным, что казалось, все препятствия ему нипочем. Он выглядел тем, кто готов на все, чтобы достичь своей цели. Но самое интересное, что, как бы я ни хотела избежать бесценного нынешнего опыта приятеля, спустя пару секунд была вынуждена к нему приобщиться. И к опыту, и к Толье. Меня вывернуло наизнанку.

Приятель тоже стоял, согнувшись в две погибели и пытаясь отдышаться.

Зато стало значительно легче. И я вдруг представила, как мы оба выглядели со стороны: парочка, почти синхронно сиганувшая с аллеи. Точно озабоченные влюбленные.

Из колючих и алых по осени зарослей барбариса мы выходили куда неспешнее, и на лицах наших расплылось если не счастье, то облегчение – это точно.

Но нам стало не настолько лучше, чтобы мы могли продолжить расследование. Потому, попрощавшись, разошлись в разные стороны. Я двинулась к женскому общежитию. Вот только всю дорогу меня не покидало странное чувство, будто я в этом вечере не одна. Я даже оглядывалась несколько раз назад. Но никого за спиной не было. Наверное, это все расшалившиеся нервы. Но на всякий случай я решила проверить резерв, чтобы точно знать, смогу ли в случае нападения сотворить хотя бы слабый пульсар, и... Если утром магии во мне были крохи, то сейчас... почти треть. Треть от «до фи́га».

Целители, меня, конечно, предупреждали, что мой и так, как выяснилось, не самый маленький потенциал из-за всех потрясений

резко увеличился, но я не думала, что настолько. Немудрено, что я не чувствовала собственной магии, даже когда она начала накапливаться. Просто «резервуар» оказался столь велик, что ее трудно было заметить.

Вместе с осознанием масштабов моего нынешнего потенциала пришло и понимание: сейчас я не хочу есть. Совершенно не хочу. Потому что хочу жрать! Потому что энергия в резко пополнившемся резерве взялась не из ниоткуда.

Энергия прибывала так же стремительно, как и увеличивалось чувство голода. Словно механизм, отвечавший за производство магии во мне, был заржавевшим, но внезапно его шестеренки смазали и... А может, во всем виновато тонизирующее зелье. Может, кто-то сварил его настолько неправильно... Или, наоборот, слишком правильно...

Я сглотнула, чувствуя, как кишки в желудке завязывается тугим узлом. Мне надо срочно в столовую! Даже больше, чем еще совсем недавно в кустики. «Кажется, наступил психологический момент для того, чтобы перекусить», – пришла на ум здравая и, главное, сытная мысль.

Выдохнула и направилась к заветной цели, глядя на мир сквозь туман голода. Руки дрожали. Наверняка это из-за резко упавшего в крови сахара. Или это следствие отравления опытными зельями?

Я заметила, что мой взгляд невольно стал пристальнее, когда я рассматривала адептов, попадавших мне по пути: у них было все, что им нужно, чтобы оставаться живыми или хотя бы сытыми. Почти сытыми.

К столовой я пришла, когда до ужина оставалась еще пара минут, и двери оказались закрыты. Вместе с другими студентами пришлось ждать. Это были одни из самых долгих пяти минут моей жизни. А потом я наконец-то оказалась внутри...

Еще никогда обычная каша, жаренки и стакан компота не казались мне такими вкусными и желанными. Пшенка была выложена горкой – заправленная маслом, исходившая паром, она манила. А небольшие кусочки жареного мяса, венчавшие ее, дразнили своей золотистой корочкой. Все это чудо было сдобрено сушеными травами. Я узнала толченый базилик, розмарин, шалфей, тимьян, которые придавали простой еде аромата. На краю тарелки лежал зеленый лист салата. Судя по всему, он отвечал за свежесть и витамины в молодых и уже не

растущих студенческих организациях. Я умяла его быстрее, чем любое травоядное. А затем принялась и за все остальное. И, закончив с одной тарелкой, нажала на столешницу, активируя заклинание, отвечавшее за материализацию еды перед адептами. Чары мигнули, и передо мной появилась еще одна порция. А потом еще. И еще...

До запотевшего стакана с компотом, стенки которого покрывали бисеринки влаги, я дошла, наверное, попытки с пятой.

К этому времени как раз рядом со мной присела Лори. Она окинула взглядом пустую посуду и обеспокоенно спросила:

– Ники, что случилось?

– Я шала тихо-мирно по аллее. Потом проголодалась. А затем все было как в тумане... – призналась я и решила спросить у так вовремя появившегося алхимика: – Лори, скажи, а можно так сварить зелье Бурикриса, чтобы резко начал подниматься уровень энергии и резерв восстановился?

– Если бы я знала, как это сделать, то уже бы давно озолотилась, – в ответ иронично произнесла кучеряшка и, в свою очередь, уточнила, почему я спрашиваю.

Пришлось признаться, что я нахлебалась... и просто, и зелий.

– Опоздала на практикум? – поняла Лори.

– Угу... Вот и расхлебывала. А потом магия в резерве как начала прибывать...

– Знаешь, внутри тебя сейчас такая гремучая смесь булькает, что и архимаг не разберет. Но что я знаю точно: тебе нужны ограничители. Раз сила так резко прибыла, тебе нужно взять ее под контроль, чтобы ты ее контролировала, а не она тебя.

С этим доводом было трудно не согласиться. Потому-то после ужина я поспешила к целителям. Там мне выдали ограничители, а заодно замерили скачок. К слову, уровень энергии в резерве к этому моменту расти перестал и замер, чуть не дойдя до половины.

Но помимо обычных данных дотошный целитель решил проверить и направленность моего дара.

– Да я маг огня, – попыталась отказаться от ненужной манипуляции.

Но молодой целитель оказался настойчив и попросил меня сотворить в ограничивающих браслетах простой светляк.

И я его создала. Даже не задумываясь. Одним щелчком, радуясь, что сила опять при мне. Языки огня полыхнули в моей ладони, и... все бы ничего, но...

– Первый раз вижу зеленый огонь, – произнес лекарь так, словно только что откопал тему своей диссертации. А затем уставился на меня испытующим взглядом и, указав кивком на пламя в моей ладони, спросил: – И давно это у вас, адептка Роук?

– Что из «это» давно? – глупо уточнила я.

– Цвет стихии. Зеленый обычно характерен для магов жизни. Но целитель не работает с огнем...

– Возможно, это результат зелий... У меня сегодня была обширная дегустация...

И пришлось по второму кругу рассказывать все о практикуме. Под конец я пришла к выводу, что, даже если сдохну, приду на следующее занятие по зельеварению. Вовремя!

– Что ж, тогда понаблюдаем ваш феномен, Роук, – вынес свой вердикт целитель. А потом нахмурился, словно обдумывая мысль, полистал мою карту пациента, оценивая анамнез, и добавил: – Хотя, с учетом вашей феноменальности, лучше наблюдать вас всю. Загляните завтра утром для замеров.

За этим мы попрощались, и я наконец-то пошла в общежитие. И всю дорогу меня не покидало чувство, что на меня смотрят.

А ночью пришла расплата...

Говорят, что обжоры – это боевые маги министерства пищевого производства на спецзадании по ликвидации припасов. Так вот, сегодня я чувствовала себя не простым рядовым, а почти генералом. Столько еды я сожрала... кхм, победила!

Но без жертв не обошлось. В этот раз изрядно досталось моему желудку. Сначала я думала, что это просто переедание, но боль становилась все сильнее и сильнее. Я ворочалась на кровати, пытаюсь найти позу поудобнее. Но как бы я ни крутилась, ощущение, что я человек с аквариумом, не покидало. Причем последний был внутри и состоял из пяти кружек компота и... всего остального, что я так активно дегустировала за ужином.

Страдала я почти в одиночестве: у Дары был очередной ночной практикум, а Лори сообщила, что у нее зачет по исцеляющим зельям. И ей достался рецепт, который нужно готовить в течение двенадцати

часов. А сдать – завтра к утру, так что вся ночь у нее пройдет в окружении реторт и колб.

Лишь Пусю не волновала учеба. Вместо нее у химеры была я. Тварюшка обеспокоенно наворачивала вокруг меня круги, скорбно заглядывала в глаза...

– Даже не надейся, не сдохну, – заверила я находившуюся ныне в кошачьем облике животинку.

– Мяс? – подозрительно уточнила Пуся.

– Угу, – чувствуя себя полной идиоткой, произнесла я.

Химера удовлетворенно кивнула, махнула пушистым хвостом, показывая тем, «дескать, тогда бывай», и целеустремленно потрусилась к двери. Перед последней, запертой на щеколду, она на миг остановилась, а затем... Когда-то я сомневалась, что питомица Силь – это не только смесь нечистой силы и чистой слабости, но еще и кладезь изворотливости и коварства. А сегодня я в этом лично убедилась.

Эта мелкая поганка прицельно прыгнула, и в тот момент, когда ее задние лапы оторвались от земли, передние она трансформировала в пятерню енота! Пальцы с когтями ловко вцепились в запор. Пушистое, стремительно начавшее сереть тело повисло в воздухе, качнулось, налегая на дверь, и та открылась!

Пуся тут же ловко спрыгнула со своего «турника» и поспешила в коридор, прикрыв дверь лапой. Что примечательно, снова кошачьей.

А я осталась в комнате в компании полного опофигея. Так вот как эта хитрюга проворачивала свои трюки! Жаль только, что изумление быстро сменилось тянущей болью в животе. Я застонала и снова перевернулась, подумав, что это будет самая нелепая из смертей – обожраться и умереть во цвете лет. А затем я, кажется, задремала.

А проснулась я оттого, что мне в лицо пихали кусок колбасы! Правда, он был слегка понадкусанный с одной стороны, зато внушительный. Половина копченой дули. Судя по всему, она была уворована со склада. Идейным вдохновителем и воплотителем дерзкого грабежа была Пуся. Она же и делилась со мной своей добычей – и делала это весьма настойчиво.

Я несколько раз увернулась от колбасного кляпа, но зверюга упорствовала. Даже зарычала на меня.

– Да не хочу я! – отпихивая от себя колбасу, простонала я.

– У-р-р, – раздалось согласное из моего живота.

А глаза химеры зажглись маниакальным огнем, какой порой вспыхивает в глазах целителя, решившего во что бы то ни стало спасти жертву... точнее, пациента. Даже если тот категорически против и вообще, может, планировал тихо-мирно помереть во цвете лет.

– Мяу-у-у! – возмущенно возопила Пуся, сплюнув добытое ей «лекарство».

И в этих ее звуках протеста мне отчетливо послышалось: «Жри давай, неблагодарное двуногое!» Критически взглянула на своего новоявленного лекаря, и до меня начало доходить, как поняла эту ситуацию химера: ей показалось, что мне плохо, я умираю от голода, и... Добычливая практичная Пуся решила мужественно взять на себя все вопросы, связанные с пропитанием временной хозяйки. Раз уж та настолько глупа, что не может себе колбасы своров... поймать!

Посмотрела на химеру. На кусок колбасы. И поняла, что нельзя просто так взять и выкинуть то, что было добыто Пусей в неравном бою с охранными чарами (наверняка они на складе были). Я мужественно взяла полукруг за хвостик. Принюхалась.

Пуся наблюдала за мной пристальнее, чем любой из целителей.

– Спасибо. – Я потянулась, чтобы погладить тварюшку меж ушей.

Та протяжно, на одной ноте недовольно заурчала, дескать, ешь давай лекарство, а то сейчас как заору... А я даже не знала, что этой паразитке удалось лучше: грозный взгляд, вздыбленная шерсть или попытка шантажа.

Убедить пушистую, что мне плохо не от голода, а совсем наоборот, оказалось тяжело. Настолько, что на очередном круге наших переговоров я заснула. В этот раз крепко. При этом я, как выяснилось уже утром, так и не выпустила из рук притараненное «лекарство», прижав его к щеке, как иные дети – плюшевого мишку.

«Лекарь» в лице Пуси свой целительский пост покидать не стал, а улегся рядом – на мои волосы. Видимо, это чтобы я утром еще и не удрала втихаря с копченой добычей. Такой троицей нас и застала Дара. Меня. Пусю. И колбасу.

При виде такой идеалистической картины некромантка обрадовалась. Особенно копчености. Рыжая ударила в ладоши со счастливым «колбаска», выхватила у меня, сонной, Пусин трофей и зажевала.

– М-м-м, – блаженно промычала Дара с оттопыренной щекой. И, проглотив мясо, уже членораздельно произнесла: – Всю ночь мечтала о том, как бы пожрать! Дубак на улице такой, что даже умертвие из гроба не вылезет. Только наша группа, как дураки, на жальник поперлась, за окраину города, проверять, все ли там спокойно. А то местные жаловались: бурагозят покойнички.

– И как?

– Из буйных оказалась только фантазия поселковых. А кладбище вообще образцовое, – отчекрыжив второй кусок от Пусиной добычи, поведала Дара. – Так что между могил только мы и ходили да от нечего делать лед разбивали на лужах.

Тут Дара заметила, как кровожадно урчит в ее сторону Пуся.

– Чего это она? – не поняла некромантка.

– Вообще-то ты ешь ее добычу, – повестила я рыжую.

– Прости. Поняла. Осознала, – обращаясь к химере, тут же ответила некромантка, которую, как истинного мага смерти, ничуть не смутило происхождение копченого деликатеса. – Обещаю возместить урон трупом крысы.

– Ур-р-р, – намекая, что сделка не взаимовыгодная, заурчала химера.

– Могу трупом побольше...

– Р-р-р, – выпустив когти, угрожающе зарычала Пуся, давая понять, что в мертвяка сейчас превратится сама некромантка, если не прекратит жрать лекарство... Тьфу ты, трофей со склада!

– Хорошо, часть трупа – скажем, окорок – тебя устроит?

Когти сразу же втянулись обратно. Но своим независимым видом химера дала понять: со сроками поставки затягивать ни в коем случае нельзя. А злополучный колбасный хвостик – все, что осталось от добычи, – рыжая нахалка, так и быть, может забрать себе.

А после дипломат, задрав свой пушистый хвост, величественно спрыгнула на пол и покинула переговоры, удалившись под кровать.

– Меня терзают смутные сомнения, кто тут хозяйева, а кто несчастная приبلудная питомица, – прокомментировала этот уход Дара.

А я посмотрела на часы, и... у меня сомнений не осталось. Только касательно не Пуси, а моих опозданий. Минутная стрелка очень непрозрачно намекала, что, если я еще немного задержусь в постели,

потом придется много задержаться в оранжерее. Штрафы за несвоевременный приход на лекции никто не отменял.

Я, откинув одеяло, схватила полотенце и поспешила умываться. Народу в мыльне было на удивление много. Кто-то чистил зубы, иные причесывались, другие подкрашивали карминовой помадой губы и подводили ресницы...

Я дождалась, пока освободится раковина. И склонилась к струе с водой. И тут до меня долетел обрывок разговора адепки, что стояла ко мне спиной.

– Да Стилл все равно на тебя не посмотрит, Вири, – уверенный певучий голос показался мне смутно знакомым.

– Ну на эту белобрысую пигалицу с первого курса же посмотрел, – возразил второй, чуть гундосый. – Сейчас они разбежались.

– С чего такая уверенность? – возразила первая.

А я стояла, прикидывая, стоит ли мне смывать с лица пену. Она хоть и начала пощипывать глаза, но все же была отличной маскировкой. А разговор выходил занятным.

– Из достоверного источника, дорогая Мили. Они вчера на крыльце академии поцапались. Да и колечка обручального на пальце этой выскочки Роук больше нет. Значит, точно расстались. А сегодня в утреннем выпуске «Светского сплетника» была статья о разрыве помолвки Дэни с Анабэль Морнимир. А это значит, что Дэни абсолютно свободен. Это мой шанс. Я его не упущу.

– А также его не намерены упускать и еще несколько сотен адептов в академии, – усмехнулась первая. – Вон сколько сегодня прихорашиваются перед зеркалом. Наверняка ждут, когда же Стилл вернется к учебе.

«Никогда», – ответила я мысленно. Сдается, еще никто не в курсе, что «Дэни» отныне не страж. Почему-то от этой мысли стало грустно. Но я одернула себя, наскоро сполоснула лицо водой и поспешила в комнату. А потом и на занятия.

Но даже на лекциях на задворках сознания мелькал этот демонов Стилл. В большой перерыв я не выдержала и решительно направилась в библиотеку. За светскими сплетнями. К несчастью, кладезь книг оказался заведением очень приличным и бульварных хроник не

выписывал. Пришлось покинуть академию и добежать до ближайшего газетного киоска.

На этот вояж ушло все отпущенное адептам время для отдыха. И его я потратила на пищу духовную, а не телесную. Зато узнала, что Стилл действительно разорвал помолвку. О причинах не сообщалось. Удивительная деликатность, с учетом того, кто был автором статьи – Вита Хвост.

Я не знала, много ли репортеров с таким именем, но что-то мне подсказывало, что конкретно у этой журналистки короткие рыжие волосы и она любит носить картуз с острым как бритва козырьком.

Интересно, почему она не стала придавать огласке причину расторжения? Да, Вита, как и я, могла лишь предположить, что невесту не устроило то, что Дэн стал «бракованным», а ей хотелось «брачующимся». Но акулы пера и с более скользкими формулировками выдавали сенсации. А в том, что Вита та еще зубастая хищница, я убедилась. Так откуда такая щепетильность?

Над этим как следует подумать мне не удалось. Да что там – вообще ни единой мысли, кроме как «помогите», на тренировке, проходившей на полигоне под неусыпным оком магистра Бруковора, не было.

Вообще, я заметила, что у нашего тренера было два состояния: «Что вы, адепты, думаете, я тут с вами шутки шучу?!» и собственно «Шутки шучу». Только последние были весьма специфическими. И когда он их, «шутил», будущие стражи думали либо об эвакуации с полигона, либо о завещании, но чаще всего и о том, и о другом сразу. Чего только стоил весьма реалистичный фантом песчаного сыпучника, способный заглотить пару магов целиком? А атака умертвий, меценатом которой стал факультет некромантии?..

Одним словом, юмор Брукса мы ценили, но на расстоянии. И чем больше оно было, тем лучше. Сегодня, к счастью, нас просто пытались измотать и убить, безо всяких шуток. Уставшая и взмыленная, я вернулась в общежитие и после того, как приняла душ, направилась в лазарет. Наблюдаться.

Глава 8

Замеры проводил тот же лекарь, который вчера выдал мне ограничители магии. Он зафиксировал в журнале почти такие же параметры, что и вчера. Прибавления энергии в резерве не произошло. Впрочем, и зверский аппетит больше не прорезался. А экспериментировать еще раз с зельями, чтобы инициировать еще один резкий скачек, – нет уж, увольте...

Не подозревая о моих мыслях, целитель задумчиво посмотрел на только что сделанные им записи, после чего дал несколько общих рекомендаций, велел прийти завтра снова, ограничители пока не снимать и... направил меня на занятия по медитации, которых не было в основном курсе.

Теперь я должна была каждый день вечером приходить в зал и тренироваться под руководством магистра.

Я прикинула, смогу ли в свой плотный график между расследованием государственной важности, спасением себя от покушений и лекциями вписать еще и медитации? Даже если нет, все равно придется – поняла я по категоричному взгляду целителя, который перед тем, как меня отпустить, прочел целую лекцию о том, что я, вообще-то, не феникс. Да и у последних тоже случаются выгорания. Хотя чаще профессиональные, а не магии.

Выходила я из целительской такая уставшая, словно выгорание уже со мной случилось: сказывалась ночь, проведенная мной, как истинной ночной жрицей, с ритуальными болями в животе. А до этого я и вовсе куковала на суку до зари...

Как итог – я постоянно зевала, мечтая лишь о том, что сейчас приду и лягу в кровать до весны.

А меж тем вокруг увядала осень. День, клонившийся к закату, был спокойным и безмятежным, словно природа, как и я, хотела уже вздремнуть и готовилась к зимнему сну. Поредевшая листва деревьев казалась неподвижной, точно притихшие музыканты оркестра, которые ждут сигнала дирижера.

Тут я почувствовала ветерок. Нежный, как легкий вздох, он начал играть с прядями волос, перебирать желтые листья на деревьях. Но

затем порывы начали крепчать, их сила все возрастала. Золотые листья закружили в воздухе, словно игральные карты в руках умелого фокусника.

Я поправила на плече сумку, из которой выпала свернутая вдвое газета. С той самой статьей за авторством Виты Хлыст. Я хотела было засунуть листовку обратно, но потом подумала и... подошла к урне.

Посмотрела на деревья. Они, еще недавно стоявшие в остатках своего золотого величия, вдруг стали почти голыми. Природа менялась. Отпуская все бывшее. И мне тоже нужно было отпустить из мыслей Дэна. Я это понимала и... противилась этому всей душой. Но тело подчинялось воле разума.

В кармане зазвонил магофон. Я не глядя приняла вызов. Это была мама. Она хотела узнать, как у меня дела. А еще сообщила, что обошла все столичные колледжи (осталась всего два) и подыскала пару специальностей, что могли бы подойти моим младшим братьям-близнецам, которые в следующем году окончат школу.

Хотя магический дар у них пока не проснулся, но кто знает... Я вон какой позднеспелой оказалась. А смогла поступить в академию высшей магии. Потому-то окрыленная моим успехом матушка решила и остальных отправить покорять столицу. Благо я уже тут.

А если сила в младших и не пробудится, то госпожа Роук позаботилась о запасных вариантах, которых обнаружился с десяток. Пусть близнецы и выбирают, что им больше по душе.

Как только вояж по заведениям, дававшим не магические, но вполне востребованные специальности, закончится, мама собиралась отбыть в родной городок.

Мы условились встретиться с матушкой послезавтра. У нее график оказался столь же плотный, сколь и мой. И как только она отключилась, почти тут же позвонил Мор.

В отличие от меня, у приятеля переедания не было, он выспался и горел желанием продолжить расследование.

– Ну что, встречаемся у ворот через полчаса? – осведомился приятель.

– А можно мне просто сдохнуть? – смалодушничала я. И с этим человеком мы недавно месили грязь на тренировочном поле?

– Эта роскошь нам пока не по карману. Поэтому живем! – скомандовал Толье.

И, сообщив, что будет ждать меня в условленном месте, отключился.

Я, прикинув, что возвращаться в комнату общежития уже особо некогда – да, в принципе, и незачем, – лишь поплотнее запахнула полы форменной куртки и неспешно пошла к воротам.

Осень, по ощущениям, становилась все глубже, а закаты были все раньше и стремительнее. Вот и этот вечер буквально обрушился на академию. Над корпусами покатались облака, загораживая начавшее сиять первыми звездами небо. Рыхлые, брюхатые затяжными морозящими дождями тучи придавали мрачности этому вечеру. Осенний ветер шумел вокруг, облетевшие листья шуршали под моими ногами, а лужи на дороге начало затягивать тонким ажуром ледка.

Мимо проходили адепты, закутанные в теплые куртки и шарфы. Они спешили, чтобы как можно скорее добраться до общежитий или, наоборот, выбраться в город, пока ворота еще не закрыты.

Так и до первого снега недалеко – поймала я себя на мысли, глядя на одного особо знобливого студента, нахохлившегося как воробей. Хотя... почему «так»? Завтра будет ровно месяц моего обучения в академии. Мор как-то упоминал, что самый сложный – это как раз он. Пока привыкаешь к расписанию, преподаватели присматриваются к тебе, а ты – к новому месту, сокурсникам, уставу академии. В это время как раз могут отсеяться по каким-то причинам «лишние» адепты, если последних набрали сверх плана.

Благо у нас в группе никого не отчислили. И я подозреваю, что в этом была немалая заслуга не самих адептов, но ректора, которая стояла за своих подопечных горой перед проверяющими из министерства.

Интересно, сейчас-то эти инспектора успокоятся?

– О чем задумалась? – спросил приятель, нагнав меня и приобняв за плечи.

– Что месяц грядущий нам готовит? – тоном гадалки протянула я.

– Так известно что: дожди, потом наледь и ушибы, потом снег и бал иже с ним, – шутливо отозвался друг.

– Какой точный прогноз, – сыронизировала я.

– А то! Метеорология вообще наука точная. Поэтому бубен надо держать в правой руке, – отшутился Толье. – А ты, кстати, с кем на б...

Догадываясь, о чем Мор спросит и куда этот разговор может завести, я перебила приятеля:

– Да я вообще-то не о том. Я учебу имела в виду. Вдруг министерство что-нибудь придумает? Проверки там, срезы знаний, которых нет... Я жду какой-нибудь пакости. Ведь у нас на потоке студентов набрали больше, чем нужно...

– А оно уже придумало, – чуть скривившись, ответил приятель: видимо, не об учебе он хотел сейчас говорить. Но с моим упрямством... точнее, с учебоустремленностью спорить было тяжело. – В первый день второго учебного месяца традиционно открывают курсы вольнослушателей. Платные. Для не особо одаренных магически, но зато весьма – финансово.

За этим разговором мы вышли за ворота и остановились у одной из колонн. Мор воровато огляделся и вынул из-за пазухи кристалл.

– Это считыватель, – не дожидаясь моего вопроса, пояснил он. Причем сделал это с таким гордым видом, как будто лично сам как минимум изобрел артефакт или спер... Безвозмездно одолжил. – Принцип у него тот же самый, что и у заклинания, которым я пользовался в комнате Лирина, но с той лишь разницей, что мы не будем переноситься во времени, а перенесем только амулет. Он запишет все, что происходило в отрезок времени.

– А чего им сразу не воспользовался тогда, в общежитии? – зашипела я, припомнив, как тащила приятеля через окно сушильной комнаты.

– Потому что он снимает узкий диапазон. Того, что не попадет в фокус кристалла, мы просто не увидим. Слишком много слепых зон, и ты могла не увидеть чего-то важного. Например, дат, которые записывала моя тетя. А тут у нас просто выхода нет. Нужно записать почти весь день. Мы на такой промежуток времени перенестись не можем. Так что остается надеяться, что Лирина все же промелькнет.

Мы поэкспериментировали с фокусом артефакта и поняли: если тетя Мора все же попадет на запись, это будет большой удачей. Угол обзора был слишком маленьким.

Мы экспериментировали долго. Я проходила через ворота раз сорок, пока Толье выбирал оптимальный ракурс. И все равно треть прохода оставалась в слепой зоне.

– А если взять их несколько? – Я кивнула на хран записи.

– Не получится. Он один такой, уникальный. Экспериментальная разработка. Обычно записывающие артефакты очень не ладят с заклинаниями временного переноса...

Я с сомнением глянула на этот экспериментально-уникальный и спросила о насущно-бытовом:

– А нам с ним, – кивок на записывающий хран, – сколько стоять?

– Думаю, при ускоренной записи за пару часов закончим... Только ты еще раз пройдишь, чтобы лучше ракурс взять, а потом начнем.

Я продефилировала еще раз. И как только вышла, ворота начали закрываться. В этот момент я резко обернулась и... мне показалось, что кусты вечнозеленого можжевельника, росшие рядом с центральным входом, как-то подозрительно шелохнулись.

Не раздумывая ринулась в них, и... ничего. Но несколько сломанных веток все же не успокоили мою паранойю, а, наоборот, подстегнули.

– Ты чего? – не понял моих карательных мер по отношению к кусту приятель.

– Показалось, – ответила я, про себя решив, что ни демона не показалось.

– Слушай, чтобы больше ничего не чудилось, сходи за кофе и бутербродами навывнос. Они вон в том круглосуточном кафе просто божественные. – И Толье кивнул в сторону призывной вывески, что светила огнями через дорогу. – А я пока активирую пентаграмму временного переноса.

Ее Мор мне тут же показал, раскрыв ладонь. Плетение диаметром чуть больше пятерни приятеля зависло в воздухе.

Ну да, логично. Если артефакт небольшой, то и пентаграмма ему нужна маленькая.

Я, убедившись, что Толье знает, что делает, припустила в сторону кафе. Холодало. Из рта вырывались облачка пара. Я стала подмерзать, и вместе с ощущением зябкости проснулся и аппетит. На этот раз хорошо, что хотя бы не зверский, а совсем обычный.

Хотя, даже несмотря на вкусные бутерброды и горячий кофе, спустя полтора часа я все равно озверела вся и целиком. Потому что хотелось тепло и кровать, а были морозец и улица. А ведь меня еще ждали домашние задания, которые сами себя не сделают. Да и сон сам себя не поспит.

Лишь когда часы пробили полночь, пентаграмма вспыхнула и на уровне наших лиц в воздухе возник артефакт.

Его появление вышло эффектным: холодную тьму вдруг прорезали лучи света. Воздух рядом с нами задрожал от энергии, которую излучал записывающий хран. Из-за нее он вращался вокруг своей оси как сумасшедший.

А затем эта пакость и вовсе зазвенела. Тонко и пронзительно. В какой другой момент я бы, может, и восхитилась мелодией, но не когда все вокруг спят! А затем к этой сирене добавились замелькавшие вдруг разноцветные искорки, которые словно танцевали в воздухе. Они сверкали и переливались, создавая потрясающий зрелищный эффект.

И с каждым мигмом звуки и свечение становились все сильнее. Я чувствовала себя преступником, вляпавшимся в охранную сигнализацию. Словно вторя моим мыслям, воздух вокруг дрогнул, прокатилась ударная волна, опрокинув нас с приятелем на землю, и... сработали все охранки в округе.

– Сделай что-нибудь! – нервничая, гаркнула я на Мора, поднимаясь с четверенек.

Приятель подскочил и... протянув руку, цапнул амулет, как воришка яблоко с лотка. И тут же скомандовал:

– Бежим!

Я не стала спорить со столь разумным предложением, всегда подозревала, что лучший способ ухода от проблем – это ноги. А сейчас у нас, похоже, были не проблемы, а почти неприятности. В лице ночного городского патруля, который завыл вдалеке!

Проверить, по нашу это душу столько внимания или это погоня за каким-нибудь ночным лихачом, не хотелось.

Но, как выяснилось чуть позже опытным путем, это все же по нашу. Во всяком случае, звуки опасности приближались.

Мы с Мором задали стрекача и понеслись по улице, затем нырнули под арку, через двор, сквер, поворот и... Мы выскочили в узкий и заброшенный переулок.

Дома, окружавшие его с обеих сторон, выглядели старыми и запущенными. На дороге, которая была покрыта трещинами и ямами, казалось, никогда не проезжало ни одной машины. Вдоль стен домов тянулись большие контейнеры, откуда несло гнилью. В них копошились грязные крысы, выбрасывая наружу ошметки мусора и

бесшумно пропадая в темноте. Их тихие шаги и шорохи были единственными звуками в этом заброшенном месте.

От переулка веяло опасностью, но для крыс это был единственный дом. Они знали здесь каждый уголок. Это был их мир, где мусор был их едой, а темнота и укрытия – их убежищем. И мы с Мором, как две большие двуногие бесхвостые крысы, укрылись тут от погони. Она промчалась мимо, подарив нам незабываемые ощущения и нервный тик.

Поняв, что бежать больше не нужно, я уперла руки в колени и согнулась, пытаюсь отдышаться. Приятель тоже глотал ртом морозный воздух, при выдохах выпуская пар, как огнедышащий дракон.

Когда ко мне вернулась способность не только нормально дышать, но и говорить, а на ум из цензурных слов пришло не только имя друга, я смогла спросить:

– И какого ты... – Быть совсем приличной девушкой не получилось. Зато я очень доходчиво донесла до Толье суть.

– Я немного не рассчитал... – признался приятель и тут почувствовал, что воздуха ему не хватает. – Ники... – прохрипел он. – У тебя, конечно, красивые и изящные руки, но не могла бы ты их убрать с моего горла? Ты меня сейчас задушишь.

А затем приятель попытался сам освободиться.

– Не мешай мне. Я мщу за потраченные нервы! – выдохнула я и... сама отпустила Мора.

А приятель, прокашлявшись и на всякий случай отойдя от меня на пару шагов, заговорил:

– Похоже, что ускоренная запись дала такой эффект. Я поставил на максимум, чтобы до утра не мерзнуть. И пошел эффект наложения энтропий. Он не находил выхода в матрице заклинания, и избыток сбросился вот так, в виде света и звука, – попытался оправдаться он.

– В следующий раз, когда будешь что-то ускорять и максимизировать, прихвати с собой подушку.

– Чтобы тебе было удобнее меня душить? – уточнил Толье.

– Нет! – рявкнула я. – Сверху положить на артефакт, чтоб он так не орал!

– Ага, вместо него орать будешь ты, – тоном заядлого самоубийцы поддел меня Мор.

Я решила сделать вид, что отвечать – ниже моего достоинства. То есть ничего умного и язвительного в ответ не придумала. А это случилось со мной нечасто. Настолько нечасто, что никогда.

– Ладно, давай посмотрим, ради чего мы рисковали своей шкурой и свободой, – предложила я.

Толье достал артефакт, оглянулся – скорее по привычке, чем подозревая реальных соглядатаев – и, раскрыв ладонь, пропустил через нее силу, активируя хран. Тот медленно поднялся в воздух и начал неспешное вращение. Уже, к счастью, без каких-либо звуков.

Картинка, которую проецировал амулет на посеревшую от времени штукатурку, не была ничем примечательна. Точно такой же день в академии, как и сегодня. С тем лишь отличием, что тогда была весна. А мимо ворот сновали адепты, преподаватели и просто те, кого по каким-то делам занесло в эти стены. Сначала их было немного. Затем мимо промчалась машина с эмблемой стражей порядка – сдается мне, это были те самые следователи, которые и занимались делом исчезновения юной Толье.

После какое-то время из ворот никто не выходил и никого не пускали. А к полудню – снова активное движение.

Я, глядя на это, задалась вопросом:

– А на записи мы видим истинные лица?

– Нет. Если кто-то под личиной, то и хран увидит лишь иллюзию.

– Вот демоны! – вырвалось у меня. Потому что я не представляла, как можно среди тысячи лиц найти то самое одно, если оно еще и под маской.

– Не то слово, – подтвердил Толье.

Крысы, копошившиеся у ног, пискнули. Видимо, выражая солидарность.

– А почему народа так много? – наконец сообразила я, что меня настораживает в записи. – Неужели тогда в академии училось в два раза больше студентов? Или это из-за исчезновения Лирин?

– Когда пропала моя тетья, какое-то время никого не выпускали, – подтверждая мои догадки пояснил Толье. – Но после запрет вынуждены были снять, и скопившиеся студенты «хлынули».

– Всей академии сразу? – скептически уточнила я, глядя на число вышедших.

– Так в этот день в городе отмечали праздник цветов.

– Праздник цветов? – озадачилась я, припоминая, что у нас в городке что-то такое тоже было. Но проводили его без особого энтузиазма. А вот день города, который был спустя три дня, – тот да! Гуляния, салюты, обмен медными монетками на удачу. Смех и шутки...

– Да, – голос Толье вернул меня из воспоминаний. – В столице Возрождение и сейчас с большим размахом отмечают. Дарят букетики, осыпают лепестками. На улицах музыка, представления, даже парад проходит...

– Мы влипли... – понимая, что праздник цветов подпортил нам рабочие будни расследования, констатировала я. – Если адепты устремились на гуляния в честь Возрождения, это значит, что через ворота прошли едва ли не все студенты, которые обучались на тот момент в стенах академии.

– И что будем делать? – уточнил Мор. Вопрос из его уст прозвучал бы куда эффектнее, если бы приятель в этот момент не зевнул.

– Конкретно сейчас – спать! – отозвалась я и призналась: – У меня сейчас голова не варит. А завтра – будет день и будет... – Я прикинула, какие у меня планы на завтра, и подытожила: – Все! Даже медитация.

– Думаешь, она поможет найти ответ? – уточнил Толье, имея в виду расследование.

– Насчет ответов не уверена, но вопросов ко мне от лекаря точно поубавит. – И, глядя на вытянувшееся лицо приятеля, пояснила: – Мне лекарь в ультимативной форме рекомендовал их посещать. Иначе дар не стабилизируется.

В доказательство я подняла запястье, на котором красовался браслет, ограничивающий магию.

– Ого, – Толье даже присвистнул от удивления. – Ники, я тебя сейчас огорчу, но это не ограничитель, это полный блокиратор магии с максимально высоким уровнем защиты. Он не дает просочиться и капле силы.

Вместо тысячи слов я показала приятелю один палец. Средний. На кончике которого танцевал огонек.

– Охурметь! – выдохнул Мор.

Правда, сказал он слегка иначе... Но я девушка приличная, предпочла услышать именно это.

Чтобы создать такой светоч, одной капли силы было недостаточно. И браслеты я ощущала не как полностью блокирующий магию заслон, а как скорее небольшой ограничитель. Понял это и Толье и осторожно заметил:

- Знаешь, медитации тебя явно нужны. Для безопасности.
- Моей? – вырвалось уточнение.
- Вообще-то и моей тоже. Да и в целом всех! У тебя такой уровень дара, что если рванет – даже трупов не останется. Только пепел.
- Успокоил, называется, – скептически заметила я.
- Всегда обращайся. Я и успокоить, и упокоить могу...
- Уту, – мрачно произнесла я и первой двинулась от этого специалиста по погребениям психики в частности и тела в целом.

Когда же мы очутились у тайного прохода, который у меня уже скоро станет основным, то вдруг подумала: приличные студенты попадают в академию через экзамен, неприличные – через взятку, а я с Толье – через дыру в заборе.

– Ты чего там застряла! – раздалось шипение приятеля, и пришлось оторваться от мыслей философских и окунуться в заботы житейские: как не порвать куртку об острый штырь, что торчал посреди лаза.

Но с этой задачей я справилась, как и с форточкой душевой, через которую проникла в общежитие. А там меня ждали кровать, домашнее задание и Пуся!

Причем у последней был вид как у таможенника, получившего мзду вне очереди. В роли последней выступал окорок. Неужели Дара сдержала обещание и приволокла химере отступные? Выяснить это можно было только у самой взяткодательницы.

Посмотрела на мирно спавшую рыжую и решила, что не стоит будить мага смерти, пока он спит тихо. А то вдруг проснется и как начнет работать по специальности... А ты потом будешь ни жив ни мертв. Точнее, то жив, то мертв, то опять жив, как тот несчастный кот Шорвингера – известного некроманта прошлого века.

Пуся, что удивительно, окорок только обнюхивала, хотя и очень плотноядно. Но надкусить – не надкусила ни разу. Словно кого-то ждала. Этим кем-то, как выяснилось, оказалась я.

Тварюшка пристально, со значением глянула на меня в духе подзаждавшейся муженька супруги, мол, я тебя жду-жду. Ужин уже

давно остыл...

Я прикинула, сколько мне делать заданий на завтра, потом посмотрела на кровать, печально вздохнула и... села за стол – грызть сразу и гранит науки, и окорок. Причем я кусала с одного бока копченость, а Пуся, устроившаяся на краю стола, с другого. Так мы и встретили рассвет.

Небо за окном раскрасилось во все оттенки синего, фиолетового и оранжевого. Кроны деревьев стояли почти обнаженными. Лишь острые зеленые пики елей стремились ввысь, пронзая свинец неба. А траву и опад густо покрывал иней. В нем отражались, создавая красивые оттенки розового, оранжевого и желтого, лучи стеснительного, выглядывавшего лишь краем из-за туч солнца.

Глава 9

– Кажется, я все, кончилась, как и эта ночь, – констатировала я, глядя на обглоданный окорок и умиляясь, какая же у меня Пуся добытчица и кормилица. Может, не стоит отдавать ее Силь?

– Муя, – согласно протянула химера, и стало понятно: последнее я произнесла вслух.

– Разбудишь через час, – дала я наставление тварюшке, словно та была разумной, и... упала лицом в подушку, а по ощущениям – сразу в гроб. Потому как заснула мертвецким сном, кажется, раньше, чем приземлилась.

Но самым удивительным было даже не это, а то, что меня разбудила Пуся. Хотя не так. Сначала химера разбудила Дару, потом Лори, а они уже меня. Как выяснилось из рассказов соседок, сначала тварюшка честно пыталась будить меня, но я не желала открывать глаза и возвращаться из мира сновидений. Поэтому Пуся пошла другим путем, который назывался: «Достань всех! Авось и нужного зацепит». Удивительно, но он сработал.

Я эксгумировала себя из кровати и свежеподнятым зомби пошла в столовую. И пока добиралась из общежития до завтрака, взбодрилась. А все потому, что ничто не способствует пробуждению лучше, чем собственная забывчивость. Я оставила куртку в комнате. А на улице воздух оказался льдистым и прозрачным от свежести и такой температуры, которая отлично бы подошла для хранения скоропортящихся продуктов.

Одним словом, меня враз посетили сразу три чувства: голода, холода и легкого озверения. В последнем я пребывала все занятия.

Только причиной злости была уже не побудка, а напророченные Мором вольнослушатели. Они появились с первым занятием, в лектории.

Когда мы рассаживались за парты, в большой зале, напоминавшей амфитеатр, на антресольном балконе, обычно пустом, начали появляться зрители. Точнее, это я приняла их за таковых. Но вошедший магистр Сторус объяснил, что это вольнослушатели – те, кто пожелал присутствовать на лекциях, чтобы приобщиться к

магическим знаниям. Обычно это были лица со слабым уровнем дара или не сумевшие поступить в академию. К практикумам они не допускались, а вот к теории – пожалуйста, только плати. Зачеты и экзамены у вольников также не принимались.

Все бы ничего, и легкий шум на лекции меня бы даже ничуть не смущал, если бы не одно но. Среди прочих за балюстрадой я увидела Стилла. А он – меня и окинул тяжелым пристальным взглядом.

Дэн стоял, и вокруг него словно образовалось пустое пространство. Небольшое, но все же. А за невидимой чертой теснились остальные вольнослушатели. Я про себя отметила, что даже сейчас, не имея ни капли силы, выгорев как маг, Стилл все равно излучал опасность. И те, кто были рядом, похоже, чувствовали это и отступали. Как отступает жертва, чувствуя появление хищника.

Дэн же был воплощением невозмутимости. Его лицо ничего не выражало, словно он и не учился в этих стенах несколько лет. Словно это не он был совсем недавно лучшим выпускником академии высшей магии, который враз все потерял.

Я не могла не восхититься его выдержкой в этот момент, потому что поняла, что сама жутко нервничаю. Не знаю почему. Но я то краснела, то бледнела, чувствуя на себе неотрывный взгляд Стилла, даже когда повернулась к нему спиной.

Не зная, куда деть руки, вцепилась пальцами в край парты. Было горько. Было больно. Было тоскливо. Самоконтроль трещал по швам. Мне необходимо было остаться одной. Хоть на несколько секунд. Чтобы опустить забрало, поднять щит и встретить того, для кого я никто, во всеоружии.

Но такой передышки судьба мне не дала. Вместо этого раздался пронзительный звонок, который ознаменовал начало лекции и моей персональной пытки.

Через десятки рядов все время чувствовала его упрямый взгляд. Он буквально впился в меня и не отпускал. А я не знала, чего больше хочу: чтобы он исчез или чтобы это безумие натянутых до предела нервов продолжилось.

Нет, определенно, я начала сходить с ума. В душе поднялась злость на Стилла. Что он вообще здесь делает?! А еще – на себя. На то, как я реагирую на того, кого пообещала себе забыть.

Пальцы начало покалывать от магии. Раздражение все нарастало...

– Ники, успокойся, – прошипел рядом Мор, которого нечаянно ударило небольшим разрядом статической магии.

– Тебе никто не говорил, что если хочешь выбесить человека окончательно, то ему нужно посоветовать именно успокоиться? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Я не хотел, – прошипел приятель. – Что с тобой случилось?

– Со мной случился Стилл, – ответила я и кивком показала, где именно произошло это событие.

Толье резко обернулся, видимо пытаюсь найти Дэна на антресольном балконе аудитории.

И тут на весь лекторий прогремело:

– Адепт Дронвиль, повторите, на чем я остановился в своей лекции?

– Судя по всему, взглядом на моем затылке, – ничуть не смутился Мор.

А вот Сторус подрастерялся. Еще никто, похоже, ему в лицо так нагло не говорил истину, с которой тяжело спорить.

– Что ж, преподавателю логики я передам, что его предмет вы знаете отлично, а вот касательно истории... К следующему занятию подготовите доклад о первой магической войне, – веско произнес магистр. И, дождавшись, пока Мор обрадуется тому, что легко отделался, добавил: – И двадцать часов отработки в оранжерее!

Приятель опечалился, но не настолько, чтобы перестать остаток лекции нет-нет да и оборачиваться к балкону. Видимо, делая это сразу за нас с ним обоих. Чем бесил не только магистра Сторуса, но и меня.

Я же, в свою очередь, старалась справиться с раздражением, взбунтовавшейся силой, диким голодом, который был следствием роста энергии в резерве, и собственной ногой. Ногой в особенности, потому что она, собака, без моего ведома начала чуть постукивать каблуком сапога под партой. Нервный тик во всем своем проявлении, чтоб его.

Едва занятие закончилось, я стремглав бросилась прочь. Толье только и успел крикнуть мне вслед:

– Ты куда?

Я же не стала озадачивать друга еще больше признанием «жрать», а просто устремилась туда, где есть еда.

Увы, столовая была закрыта, поэтому пришлось выбежать из академии. Я устремилась в ту самую кофейню, где ночью брала нам с Толье перекус. Заказала там навынос штук тридцать бутербродов.

– На всю группу берете? – участливо поинтересовалась продавец, упаковывая все мое пропитание в большой бумажный пакет, безошибочно причислив меня к студенческой братии по униформе.

– Вообще-то это только для меня, – скромно потупилась я и поинтересовалась: – Сколько с меня?

– Двадцать шесть... – начала было озвучивать сумму сдобная, как пышка, торговка, и тут ее перебили.

– Возьмите за все. Без сдачи, – раздалось позади меня, и на прилавок легли три новенькие купюры. А затем мужская рука взяла пакет.

Еще не повернув голову, я знала, кто стоит у меня за спиной. И от этого знания сердце билось в груди так бешено, словно хотело сбежать, проломив ребра, как пушечное ядро – стену замка.

Дэниэл Стилл собственной невыносимо-надменной персоной. Тот, кого я не могла никак забыть. А он сам этому никак не способствовал. Гад!

Не поворачиваясь, жестко произнесла:

– Вообще-то это мой пакет. И мои покупки, за которые я в состоянии заплатить сама, – последнее слово выделила особо, давая понять, что кто-то зря выделялся и вообще здесь лишний, как и его деньги.

– Я в курсе, – ответил Стилл, и легкая хрипотца в его голосе, до боли привычная, задела не только слух, но и что-то такое глубокое внутри меня, о чем я не подозревала. – Пойдем? – между тем как ни в чем не бывало отозвался Дэн. – Не будем задерживать очередь. Ты не одна такая голодная.

– Такая – одна. – Я все же резко развернулась на каблуках, чтобы огреть наглеца не хлестким словцом, так пощечиной. Что он, вообще, о себе возомнил?

Это было ошибкой. Стоило мне вскинуть голову, посмотреть в невыносимо родные глаза, как я утонула. Твердая линия губ, твердый взгляд, твердая рука, что держала мой пакет. Казалось, за то небольшое

время, что прошло с нашей встречи на крыльце академии, Дэн изменился. Стал старше. А может, во всем виновата выбившаяся из прически седая прядь на виске, которой я раньше не замечала?

Распахнутая кожаная куртка, небрежно наброшенный шарф, жесткий воротник рубашки, не застегнутой на последнюю пуговицу. Все это было таким родным, близким, знакомым, что становилось нестерпимо больно.

– Зачем? – спросила я.

Лишь одно слово, но Дэн все прекрасно понял.

– Я не мог по-другому.

– Почему?

– Давай все же выйдем, – предложение, прозвучавшее вроде бы мягко. Но под этой мягкостью чувствовалась сталь.

Пришлось подчиниться. И лишь когда мы оказались на улице, его аристократичность изволил ответить:

– Думаю, что стоит начать с извинений. При нашей предыдущей встрече я вел себя как...

– Циничный гад, – услужливо подсказала я, рассчитывая, что Стилла это заденет.

И наверняка это произошло. Только он почему-то этого не показал, лишь в сердцах произнес:

– Этот хлюпик, что крутится вечно рядом с тобой, невероятно раздражал. Хотя это не оправдание. Но я хотел бы поговорить о другом.

– И о чем же? – я изобразила вежливую, с прохладцей заинтересованность.

– Иногда мне кажется, что она просыпается... Магия, которой нет. И я хочу ее вернуть. Любой бы хотел. И мне почему-то кажется, что ты – та, кто может мне в этом помочь.

«Всего лишь... та, кто...» – подумалось грустно. Но сегодня Дэн хотя бы был честен. Настолько, насколько может это себе позволить человек его положения. Я уже поняла, что говорить правду, еще и без обиняков, у аристократов роскошь, которая по карману очень немногим, да и то не всегда.

– Извини, но ничем не хочу тебе помочь, – мой ответ был продиктован обидой, что жгла сердце.

– А можешь? – в свою очередь спросил Стилл.

– Даже если да, то все равно – нет! – И я пошла прочь.

Гордо так, шагая от бедра, но потом... Демоны! Есть очень хотелось. Почти до обморока. И организм так некстати напомнил об этом. А у одного гада был весь мой стратегический запас калорий. Пришлось развернуться. Гордо вернуться, выхватить провизию и удалиться. Дубль два! Под раскатистый хохот одного белобрысого. Ненавижу!

А вслед мне донеслось:

– Я слышал поговорку: не так тяжело поймать демона в пентаграмму, как потом его прокормить. Так вот, похоже, те, кто ее придумал, просто не встречались с тобой, вредина.

Как этот паразит меня только что назвал? Захотелось еще раз вернуться, так сказать, третий раз, коронный, для одного Стилла – похоронный. И я не смогла себе в этом отказать.

Еще раз подошла к этому... у которого самомнение выше гор, и только хотела его отчитать, как сильные руки подхватили меня, закружили так, что пакет с едой взметнулся в воздухе испуганной птахой, а я сама потеряла равновесие.

А дальше были губы. Много губ. И Дэна тоже много. Жадного, дикого, совершенно не похожего на себя нынешнего.

Этот поцелуй отрезал нас обоих от мира, от реальности. Его прикосновения сводили с ума. Причем, кажется, нас обоих. В голове абсолютная пустота. Нет мыслей. Ни одной. Ничего нет. Только Стилл. Тот, кого люблю и ненавижу одновременно.

Вдруг моя магия словно взбесилась. Поднялась не волной – стеной. Так, что зазудели не только кончики пальцев, но и я вся. Боль, не сильная, но чувствительная, ожгла тело, и я вдруг поняла, где нахожусь, а главное – с кем!

И попыталась оттолкнуть. Руки уперлись в твердую, словно камень, грудь. Я ощутила ладонью бешеный пульс и не сразу поняла, что так бьется сердце Дэна. Сначала показалось, что это мое собственное. Хотя, сдается, оно наверняка стучало точно так же.

– Очередная проверка? – спросила я, пытаюсь оттолкнуть если не руками, то словами.

– Никаких проверок на этот раз. Просто бесишь, – на грани обескураживающей честности ответил он, чуть опустив голову и глядя мне прямо в глаза. – Вот и не смог сдержаться.

– В следующий раз уж постарайся сдержаться, иначе не сдержаться могу уже я. И ты окажешься прожаренным настолько, что тебя можно будет собрать в совочек. – Весомости своим словам я придала фаерболом, который с третьей попытки наконец-то возник в руке.

– Порой только смерть придает жизни смысл, – ответил ничуть не впечатлившийся угрозой кончины Стилл. – Похоже, это наш с тобой случай. Кажется, я начал понимать...

– Какой ты псих? – перебила я этого самоуверенного типа.

– Что я, прежний, в тебе нашел, вредина, – возразил он и, выпустив меня, сам повернулся и пошел прочь. Еще и насвистывая фривольный мотивчик. Тот самый, который я озвучила на стройке. Сволочь!

Я не удержалась и все же колданула вслед этому гаду. Стилл споткнулся на ровном месте и, если бы не чудеса ловкости и силы, наверняка навернулся бы, расквасив себе нос.

– Не просто вредина, а ведьма! – крикнул он, не оборачиваясь, умудрившись оставить последнее слово за собой.

Как это у него получается? Вместо ответа мой желудок разразился минутой бурчания, требуя еды. Пришлось срочно лезть в пакет и доставать первый завёрнутый в промасленную бумагу бутерброд. Делала я это на ходу, потому как споры спорами, а перемена не резиновая. И после нее начиналось очередное занятие. Благо была не лекция, а практикум.

На нем я строчила формулы с особым остервенением, а еще украдкой из-под парты жевала. Есть уж очень хотелось.

А следующими значились отражающие чары. Коллоквиум. На нем-то из-за не нашедшего выхода раздражения и случился конфуз. Я была слегка злая, бодрая и целеустремлённая. Примерно как таран, которым выбивают ворота осажденной крепости.

Ворот, правда, на занятии не случилось, зато был тест. Нам всем выдали сферы с записью боя. Мы должны были применить заклинания, которые знали, чтобы отразить атаку и победить.

Я всю ночь как проклятая готовилась, все выучила и, столкнувшись с задачей, поняла: бесполезно! Какой бы способ защиты я ни выбрала, все равно в итоге приходила к поражению.

Судя по мрачным лицам одноклассников, у них дела обстояли примерно так же. Даже Мор закусил губу от напряжения. Скосила взгляд в сторону.

Никос в своей излюбленной манере Принцесски капризно посмотрел на свою сферу. Миниг в лучших традициях Пирата попытался слямзить... позаимствовать удачную комбинацию заклинаний у адепта, сидевшего через парту, чтобы в следующую минуту и у него, и у того, у кого он идею стырил, что-то с грохотом взорвалось и сферы замигали красным, обозначая проигрыши.

Лишь преподаватель ходил меж нами и радостно потирал руки. Его одного эта ситуация забавляла.

Я взяла свое задание в руки, чтобы попробовать еще раз, как раз осталось время на одну попытку, и вдруг подумала: а что, если решение этой задачи – нестандартное. И нужны совсем не те формулы, что мы учили. Ведь в настоящем сражении никто не будет применять атакующие заклинания только из одного параграфа, который последним проходили.

Я встряхнула тестовый шар и решила применить нетрадиционный подход.

К моменту, когда раздался звонок, ознаменовавший окончание занятия, я осталась одна с зеленой меткой.

Сфера висела в воздухе передо мной, а над ней проецировалось изображение боя. Я же чертила в воздухе матрицы заклинаний и, не наполняя их силой, отправляла в изображения, имитируя полноценную атаку.

Только вместо классических щитов использовала... Да практически все! Даже от отчаяния сложила в одно плетение три заклинания сразу. Первое – для завивки волос, раскалявшее воздух в считанные секунды до высоких температур и закручивавшее его в штопор. Второе – экстренного переноса, активно использовавшееся в почтовых службах. А еще чары масштабирования. Получился огненный смерч с абсолютно непредсказуемой траекторией полета пьяного зайца. А с учетом того, что ни одно из заклинаний не было боевым, оно прошило все щиты условного противника и...

– Как ты могла! – раздался отчаянный вопль. А за ним и грохот.

Это упал преподаватель, запнувшийся за свою мантию. Практически тут же сфера мигнула в последний раз зеленым и...

треснула.

– Вандалка! – поднимаясь и отряхиваясь, выдохнул магистр полным негодования голосом.

– Я всего лишь победила, – попыталась оправдаться я, решительно не понимая, в чем виновата.

– Вот именно – победила, а должна была проиграть! Этот тест был создан для того, чтобы вот таких самоуверенных стражей, как ты, смирить с мыслью, что не все в вашей власти. Что иногда поражение неизбежно и надо стойко его принять... А ты...

А я разбила такую замечательную, наверняка даже любимую игрушку магистра. Интересно, сколько поколений адептов обломали о нее зубы? И дальше бы ломало. Но вот тут такая я, Николь Роук, со своим нестандартным подходом в боевой магии...

Осознав все это, я покаянно выдохнула:

– Извините...

– Кому извините, а кому теперь новые задания придумывай для вас, разрушителей! – в сердцах воскликнул магистр. – Все свободны, занятие окончено!

Он так это прогремел, что адептов подхватило и вымело из зала в секунду.

Меня бы тоже, но остановил приказ:

– Роук, задержитесь!

Что ж, пришлось...

Профессор посмотрел на меня скептически и вместо того, чтобы разразиться тирадой, вдруг вкрадчиво предложил:

– Адептка Роук, а как вы смотрите на то, чтобы записаться на мой углубленный спецкурс по теоретической магии?

– Но я же... – Красноречиво глянула на осколки сферы, валявшиеся на полу. – К тому же, мягко говоря, в теории магии я не сильна.

– И это отлично! Поэтому вы не мыслите линейно. И пусть сейчас я откровенно зол на то, что вы сломали тест, но до вас еще никто не додумывался до таких комбинаций заклинаний. Я это оценил.

– Значит, можно не бояться отработки в оранжерее? – уточнила я.

– Почему не бояться? – иронично приподнял бровь профессор. – Еще как стоит.

Я тут же напряглась, приготовившись услышать свой приговор, и...

– Но не сегодня, Роук, не сегодня... Признаться, я рад, что вас не отчислили. А ведь с этими вашими приключениями и влюбленностями вы могли легко вылететь, несмотря на впечатляющий уровень дара. Хорошо, что вы взялись за ум.

Мне на это оставалось лишь пробормотать слова благодарности. А затем я выскочила из зала как пробка.

Так вот, значит, как меня видели со стороны преподаватели... Несерьезной и не очень умной. Что ж, пора бы это исправлять. И подналечь на учебу, а не на всякие там расследования. И уж тем более не обращать внимания на одного белобрысого вольнослушателя, для которого я лишь способ вернуть магию.

Полная решимости, я отправилась на медитацию. Зайдя в зал, представилась наставнику, которому уже сообщили, что я приду. Выбрала коврик, сев в ряд с другими студентами. Прикрыла глаза... Мне даже удалось сосредоточиться и начать погружаться к своему источнику, как рядом со мной раздался шепот:

– Ты меня преследуешь...

Вкрадчивый, он, казалось, проникал прямо под кожу. Стилл! Опять он. Все умиротворение как ветром сдуло.

Я спокойна... Я абсолютно, мать его, спокойна... Не открывая глаз, ответила:

– Это говорит тот, кто записался из-за меня в вольнослушатели... Дыру просверлил своим взглядом на лекции. А теперь еще и на медитации...

– Я сказал, что мне от тебя нужно, – холодно заметил Стилл.

– А вот мне от тебя ничего не нужно! – выпалила я, все же открывая глаза, чтобы увидеть сидевшего напротив меня в позе лотоса аристократа.

– Я это заметил, когда ты плюнула в меня родовым обручальным кольцом, – голос Стилла был обманчиво спокоен. – И теперь мне интересно, что такого произошло, что я тебе его надел.

– Моя дурость произошла! Не нужно было соглашаться на твое предложение, – выпалила я, чувствуя, как воздух вокруг начинает гудеть от магии. – После него ты вышвырнул меня из своей жизни, как

ненужную вещь! Признайся, сколько таких идиотов было еще? Счет на десятки или уже на сотни?

– Да, я не святой и никогда им не был. Но и ты ответь: что у тебя с тем хлюпиком? И как давно?

– Это не твое дело, что у меня с Мором! – Я сжала кулаки, которые так и тянулись добавить под глаз одному аристократу побольше света. Точнее – фонарь.

– Мое! – сказал как отрезал Стилл, подавшись вперед.

– Бесишь! – выпалила я.

– Я вызываю в тебе чувства... М-м-м... – издеваясь, протянул Дэн. – И даже взаимные... Это радует, вредина. Значит, у нас уже есть что-то общее...

Это стало последней каплей. Выдержка мне изменила, и магия все же сорвалась с моих пальцев и устремилась к тому, кто так раздражал. Волна сырой силы ударила Стилла наотмашь.

Но самое главное – этот гад даже не попытался увернуться. Даже, как показалось, подставился. Его опрокинуло, перевернуло. А вместе с аристократом кеглями попадали и остальные медитирующие, которые сидели рядом.

Лишь когда волна ушла, Дэн поднялся. Под глазом у него наливался алый след. Все же поставила ему фингал.

– Вы двое! Вышли из зала! – прогремел голос наставника.

Пришлось подчиниться. Вот уж никогда не думала, что медитация – столь опасная штука, которая может довести до травм (и не только психики).

– Ты поставила, ты и лечи, – произнес Стилл, когда мы остановились на улице.

– Ты подставился, значит, сам виноват, – не стала я идти на поводу у аристократа. – Где лекарский корпус, ты наверняка помнишь...

– Нет, – так честно произнес Дэн, что стало понятно: врет!

– Тебе память отшибло за последние пару месяцев, а не за пять лет, – напомнила я.

– А где целители – не помню, – продолжал стоять на своем аристократ.

Я посмотрела на Стилла и поняла: он специально подставился. Вот ради этого «проводи». И мне вдруг захотелось это сделать – настолько, что я испугалась и ответила грубее, чем хотелось бы:

– Могу тогда послать в нужном направлении.

– И я с радостью туда пойду, но только с тобой!

Вот как у него получалось раздражать и быть притягательным одновременно? Злая уже больше на себя, чем на самоуверенного гада, я схватила его за руку и буквально потащила в сторону лечебницы.

И там выяснилось, что прием вел тот самый целитель, что и рекомендовал мне медитации. Посмотрев на злую меня, на фингал Дэна, он задумчиво постучал пальцами по столешнице и вынес вердикт:

– Похоже, медитация – это все же не ваше...

А затем одним пассом залечил гематому. Я же, убедившись, что на Стилле больше нет следов, хотела смыться, но не тут-то было.

– А теперь моя очередь провожать.

– Я в состоянии сама дойти до общежития.

– Я знаю, что ты все можешь сама, Николь Роук, – напомнив о моих же словах в кафе, произнес Стилл. – Ты вообще нетипично самостоятельная.

– Для твоего круга, – уточнила я, идя по аллее, и, меняя тему разговора, спросила: – Ты ведь нарочно подставился?

– Хотел, чтобы ты почувствовала себя виноватой. Так проще было бы тебя расположить и договориться.

– До этого ты не говорил столь откровенно, – вырвался у меня горький смешок.

– Понял, что пытаться тобой манипулировать бесполезно, – прозвучало предельно серьезно.

– Слушай, ты такой... – начала было я.

– Логичный? – подсказал Стилл.

– Расчетливый, надменный, самовлюбленный аристократ, который не знает, что такое чувства?

– Чувства мешают принимать правильные решения, – возразил сиятельный.

– Дэн, которого я знала, был не таким.

– Сомневаюсь. Сейчас я – это истинный я, – возразил Стилл. – Тот, каким был всегда. Ты, наверное, ошиблась.

– Наверное... – эхом отозвалась я. – Поэтому уходи. Из академии и из моей жизни.

Сказала – и взбежала по ступеням общежития, до которого мы как раз дошли. И затем так же стремительно поднялась в комнату, где, на удивление, никого не было. Даже Пуси.

Сама не зная почему, тихонько подошла к окну и выглянула из-за шторы. Стилл все так же стоял у крыльца. Вдруг он резко вскинул голову, и я отпрянула от окна, а когда выглянула вновь – его уже не было.

Глава 10

Все к лучшему – попыталась я убедить себе. И разум принял доводы, что провинциалка из бедной семьи – все равно не пара аристократу. Даже влюбленному. А уж если он забыл про свои чувства – то и подавно. Но сердце с разумом было не согласно.

Чтобы отвлечься от Стиллы, я взялась за учебники. Задания никто не отменял. И корпела над книгами до самой ночи, не обращая внимания ни на Лори, ни на Дару, пришедших с учебы. Когда все формулы были выписаны, схемы плетений заклинаний выучены, я взялась за историю. Стрелки на циферблате к этому времени показывали час ночи. Глаза откровенно слипались.

Я медленно моргала, переворачивая страницы. На одной из них попала гравюра дамы... Неподписанная. Я сначала посмотрела на нее, отметив, что она страшенькая. Но потом изможденный недосыпом мозг все же очнулся и вспомнил, что я читаю, вообще-то, про владыку Ирхольма. И никаких дам в тексте не упоминалось.

«Это что, мужик?» – уставилась я на изображение: кружевной воротник, округлое лицо в облаке явно завитых кудряшек... «Нет чтобы подписать. Хотя бы сразу идентифицировала, кто это...» – проворчала про себя и закашлялась.

Конечно! Идентифицировать!!!

Схватила магофон и, не глядя на время, набрала Мора.

Приятель ответил не сразу.

– Ники! Ты хоть знаешь, который час?! – сварливо проворчал друг.

– Час идей! Как раз одна у меня появилась. Что делать со всеми людьми на записи. Идентифицировать каждого. Наверняка еще сохранились личные дела всех адептов... Те, кто останутся неопознанными... Кем-то из них и будет твоя тетя!

– Ты изверг... – мученически простонал Мор, но затем пообещал над этим подумать.

Как итог, разбудив друга и озадачив его, я со спокойной совестью легла спать, чтобы с разбега вляпаться в следующий день.

А начался он тем же, чем закончился предыдущий, – звонком. Только на этот раз от мамы. Она предупредила, что придет в районе

обеда. Попрощаться перед тем, как уедет из столицы домой. Мы условились встретиться у ворот академии.

Благо у нас сегодня были два практикума и тренировка на поле с наставником Силлеваном. Так что к обеду я как раз должна была закончить. Обрадованная этим, поспешила на занятия. А вот после них, когда уже торопилась к маме, случилась неприятная встреча.

Стилл.

На этот раз не Дэниэл, а леди Стилл собственной персоной. Она появилась на моем пути, как коварная кочка, о которую можно запнуться с разбега и сломать нос, психику, жизнь...

– Николь Роук, – произнесла она так, словно перед ней был злейший враг, которому она готовилась бросить вызов на дуэль.

– Очевидно, что да. – Я смирила собеседницу, хотя скорее противницу, взглядом. Именно противницу, хотя мне с ней не хотелось вступать в поединок – ни в словесный, ни... да в любой.

– Я предупредила, чтобы ты не попадалась на глаза моему сыну... – начала было она, но я ее перебила:

– Вы не поверите, но я именно так и поступила. Разорвала все отношения, даже кольцо родовое отдала, – мой голос все больше набирал силу. При этом я не говорила громче, но каждое слово было как удар, ломающий каменную стену. – Это ваш сын преследует меня.

– Хочешь сказать, он сам записался на курсы вольнослушателей? – прошипела королевской коброй леди Стилл.

– Но это ваши слова, а не мои, – тонко улыбнулась.

– Бред! Ты для него...

– Изменщица, предательница, охотница за состоянием... Мне продолжить список ваших фантазий? – перебила я леди Стилл.

Она, к удивлению, промолчала. Видимо, не нашлась с едким ответом. А я продолжила:

– Но в одном вы правы: меж нами все кончено. Я интересую Дэна лишь как способ вернуть магию.

– Чушь! К выгоревшим магам дар не возвращается, – герцогиня произнесла это так, словно не хотела верить в то, что сама говорит.

– Так донесите эту истину до вашего сына. Потому что я не хочу быть ни средством, ни способом для кого-то. Я хочу просто жить. И желательно подальше от великосветских интриг.

– Лжешь. Ты сама лезешь...

– Ни к кому моя дочь не лезет, дамочка! – раздалось сбоку, и я увидела матушку Роук собственной персоной. Она стояла сбоку от нас, оперев руки в бока.

Я невольно подобралась, потому что знала этот жест.

Когда-то, на заре семейной жизни, когда отец и мама только поженились, новоиспеченный супруг, чтобы предотвратить семейные скандалы, решил предупредить любимую. «Дорогая, когда я прихожу домой и у меня шляпа сдвинута на правый бок, то все будет хорошо: цветы будут, подарки будут, комплименты будут. А если я прихожу и шляпа сдвинута на левый... Лучше не подходи: ругаться буду», – заключил он. А мама и ответила: «Милый, когда ты приходишь и у меня руки на груди сложены, то все будет: и вкусный ужин, и мягкая подушка, и чистая рубашка... А если у меня руки в боки – то мне плевать, на каком боку у тебя шляпа!»

Так вот сейчас у госпожи Роук было состояние «плевать, на каком боку шляпа и кто тут герцогиня». Мама была способна закатать в асфальт даже высшего демона и не заметить этого.

– Это вы тут стоите и помогаете до своего перелома, – грозно сказала матушка. А потом грозно повернулась ко мне и спросила: – Доча, что ты сделала, чтобы эта сволочь, – кивок в сторону сиятельной, – тебя обидела?

Леди Стилл на эту реплику лишь схватила ртом воздух. Судя по всему, к ней ни разу еще так не обращались. Впрочем, выдержка у аристократки оказалась неплохой, как и самоконтроль. Такие бы на эшафоте весьма пригодились... Герцогиня быстро пришла в себя и высокомерно произнесла:

– Ваша дочь – легкодоступная особа, которая не гнушается ничем, чтобы окрутить моего сына.

– Ты, вобла недобитая, щас намекнула, что моя дочь профурсетка? – Мама вышла на тропу войны. – Да моя дочь – лучшая девочка на свете, только для такой стервы, как ты, этого недостаточно.

– Лучшая? Разве что в постели. Видимо, сказывается большой и разносторонний опыт...

Договорить леди не успела. Потому как матушка, стоявшая рядом с противницей, молниеносным движением фехтовальщика выхватила из авоськи, которую держала, копченую рыбину и... Впервые на моей памяти леща дали скумбрией.

Жаль только, что леди Стилл оказалась не только леди, но и магом. В следующую секунду в маму полетел огненный шар мести.

Я на рефлексах выставила между двумя матерями щит. Барьер отбил атаку, сгусток пламени ушел вбок и на лету подстриг кусты, молодую ель и шляпу какого-то магистра. Это не осталось без внимания. И спустя десять минут на ковре у ректора очутились две матери.

Миранда Гирс нервно дернула единственным зрячим глазом. Похоже, у нее только что случилось дежавю. Но теперь перед ней была не только госпожа Роук, но еще и леди Стилл.

К слову, Дэна вызвали срочно. Видимо, чтобы тоже отчитать за поведения родительницы. Как только он появился, начались банные процедуры: нам четверым ректор намылила шеи. И за безобразное поведение (родителей), и за безответственных детей (нас), допустивших такое поведение. А еще обеим матерям был выписан строжайший запрет на посещение академии. А Леди Стилл – еще и штраф за урон, причиненный кустам, деревьям и нервной системе преподавателя, потерявшего шляпу и приобретшего шикарную лысину.

Нас с мамой из кабинета выпустили первыми. Видимо, ректор решила всех сразу не выпроваживать, чтобы две драчуньи не сцепились сразу в коридоре. Я, поддерживая такую политику, поспешила отбуксировать матушку к воротам академии. Госпожа Роук упиралась, как ослица... норовистая лошадка, но я была очень целеустремленной. А еще – сильнее.

Мы миновали ворота академии, а когда оказались в городе, я смогла облегченно выдохнуть. Я бы чувствовала себя еще счастливее, если бы не странное ощущение зуда меж лопаток. Я несколько раз оглядывалась – тщетно.

И все же... Порой я ловила себя на ощущении, что надо мной нависла тень. И это давило на психику, вызывало раздражение. Если так пойдет и дальше, я и вовсе параноиком стану.

Вот и сейчас, провожая маму, я не могла расслабиться. Казалось, что кто-то на меня смотрит. Словно все мои жесты, слова и мысли были под пристальным наблюдением, и я не могла понять, кто стоит за этим всем.

Но самое ужасное было то, что я не могла понять, почему это происходит. Кто следует за мной по пятам? А главное – зачем? И что

ждет его впереди? Я не знала ответа на эти вопросы, и это доводило до отчаяния.

Или это все лишь паранойя после того, как чуть не погибла от рук ликвидатора и меня едва не прикончил демон?

Не знаю, чего я боялась больше: того, что слежка есть, а значит, я в опасности, или того, что ее нет и я схожу с ума.

За этой нервозностью не заметила, как мы с мамой добрались до вокзала. Госпожа Роук тоже не проявляла обычно присущей ей словоохотливости. Лишь когда мы очутились на перроне, она спросила:

– Тебе сильно нравится этот мальчик?

– Я его почти ненавижу, – произнесла я с чувством. Какое «нравится»? Стилл воспользовался мной и выкинул из своей жизни. А потом вдруг понял, что я могу согдиться на то, чтобы вернуть выгоревший дар, и решил как ни в чем не бывало предложить сделку.

– Значит, ты, моя девочка, влюбилась! – заключила мама и, улыбнувшись, заправила мне за ухо светлую прядь.

– Не говори ерунды, – возразила я. Логика мамы для меня порой была непостижима.

На этом госпожа Роук лишь горестно вздохнула и изрекла:

– Вот будут у тебя, Ники, свои дети, поймешь, почему я такая несчастная.

Эти слова заставили меня похолодеть. Как-то со всеми заговорами-расследованиями я забыла о такой малости, как беременность. А ее совсем исключать было нельзя. Да, вероятность была мала, но все же... Надо бы заглянуть в лекарскую лавку и купить простенький амулет для проверки. Не подарил ли мне один агроном семян для цветов жизни.

– Ники? – увидев перемены в моем лице, обеспокоенно спросила мама. – Что-то случилось?

– Нет, – я попыталась натянуть на лицо беспечную улыбку, – что ты... Лишь подумала, что, наверное, мне опять выпишут отработку в оранжерею.

– За что?

– За авангардную стрижку кустов, – я припомнила, из-за чего оказалась в кабинете ректора.

– Брось, это ерунда, – мама напомнила мне мои же слова. Но, кажется, с госпожой Роук случилось невысказанное: она почувствовала смущение. Иначе почему поспешила сменить тему? – А этот мальчик мне вполне понравился. Из него выйдет неплохой зять. Вежливый. Даже имя мое запомнил.

– Это чтобы потом проклясть, – мрачно произнесла я, но матушка, легко отмахнулась от моих слов.

– А вот мамашка его... Но ничего, в семье не без ур... аристократки, – подытожила она.

А я неожиданно поняла, что пару часов назад состоялось эпохальное событие в жизни любой девушки, нацелившейся на свадьбу, – знакомство родственников. Только вот у нас с Дэном не то что будущего вместе не было, даже прошлого. Со стороны Стилла так уж точно. Он все забыл. А если нет в памяти – значит, и вовсе этого не происходило! Во всяком случае, многие считали именно так.

В академию я вернулась уже поздно вечером, едва успела к закрытию ворот. Зато душа теперь была за матушку спокойна. Я лично проводила ее на маговоз. Даже в вагон посадила. А это значит, что госпожа Роук отбыла из столицы и никаких инцидентов с ее участием больше не предвидится. Эта мысль дарила покой. Такой, что я даже забыла о слежке. Пришла в комнату и, перекинувшись парой слов с Дарой (Лори опять варила свои зелья), села за задания. Над учебниками я опять корпела едва ли не до утра. Может, и рассвет бы встретила, если бы не проскользнувшая в комнату Пуся.

Химера тихонько открыла дверь и просочилась в комнату, неся в зубах не иначе как арендную плату. Потому что я сильно сомневалась, что тварюшка – любительница лесных орешков в скорлупе. Однако ж она откуда-то стащила их целый кулек, который и принесла мне.

Положила сверточек передо мной, на, мол, ешь. Я не стала отказываться. На пару мы с ней съели все под увлекательный параграф о мономерах в учебнике теоретической алхимии.

Едва орешки (и страницы темы) закончились, как Пуся в лучших традициях хвостатой дуэньи цапнула меня за рукав и настойчиво потащила в сторону кровати. И хотя меня еще ждал учебник этикета, соблазн дремануть был так велик, химера так умела убеждать, что я сдалась и прилегла – вроде бы на одну минутку.

А проснулась уже в новом дне. И это дно было еще глубже предыдущего. Потому как я проспала! До начала лекции осталось, если верить часам, каких-то пять минут.

Я одевалась в лучших традициях стражей – в прыжке. Вылетела из комнаты, на ходу застегиваясь, заправляясь, собирая волосы в хвост, а мозги в кучу.

Мне удалось совершить подвиг! Я успела. Пришлось, правда, подрезать у самого входа в академию профессора Смерть, но это ерунда...

Упала на свое привычное место, открыла конспект и поняла, что что-то не то. И сразу не смогла понять, что именно. Рядом со мной сидел не Толье.

– А где Мор? – глупо спросила я, пялясь на Стилла собственной, мать его, непрошибаемо-надменной персоной.

– Я вместо него, – невозмутимо ответил Дэн. – Устроит?

– Нет! – рыкнула, забывшись. – Куда ты дел Мора?

– Съел, – издевательски отозвался аристократ.

Я вскипела и потянулась к Стилли.

– Что ты делаешь? – спросил, собственно, тот, кого я пыталась то ли задушить, то ли порвать голыми руками, схватив одной пятерней за грудки, второй за горло.

– Достаяю тебя! Точнее, из тебя Мора. Раз ты его сожрал! – не осталась я в долгу.

– Ну нельзя же воспринимать так буквально, – улыбаясь, прошипел Стилл, которого ситуация, судя по его смеющемуся взгляду, весьма забавляла. – Ты так смотришь, что мне кажется, что, кроме твоих глаз, надо мной в этом мире не властен ни один клинок, ни одно смертельное заклятье.

– А как насчет проклятий, Стилл? – вмешался в наш убийственный диалог профессор Джонсон. – А вы, адептка Роук, перестаньте превращать вольнослушателя в наглядное пособие для некромантов. Ему еще на заднюю парту идти.

При этих словах взгляд Дэна полыхнул, но аристократ подчинился и отправился в указанном направлении: по правилам академии те, кто студенты, на лекциях сидели ближе к преподавателям, а те, у кого было свободное посещение лекций, – на задворках.

– А сейчас, когда все на своих местах, начнем лекцию, – с этими словами профессор совершил пасс. В воздухе тут же появилось название лекции.

Тут дверь аудитории резко распахнулась, едва не грохнув о стену, и внутрь ворвался Мор. Казалось, он был готов к бою: тяжелое дыхание, от которого грудная клетка вздымалась, как кузнечные меха, красное лицо, испарина на висках. Толье выглядел так, словно только что пробежал марафон, финишной чертой которого был порог аудитории.

Приятель быстро оглядел зал, увидел меня, одиноко сидевшую за партой, шумно выдохнул и лишь потом перевел взгляд на магистра.

– Прошу прощения за опоздание, – произнес Толье. – Готов понести наказание за проступок.

– Ваша готовность радует. Надеюсь, вы проявите столько же рвения в оранжерее в течение этой недели, – и бровью не повел магистр. – А теперь садитесь.

Кажется, наказание Мора ничуть не огорчило. Он лишь кивнул, а затем широким шагом направился к моей парте. Плюхнулся на скамейку, смахнул пот со лба и начал доставать конспект.

Но несмотря на торопливость Толье выглядел спокойным и расслабленным. Будто знал уже, сколько дней, часов и минут ему предстоит провести в теплице, еще до того, как Джонсон озвучил штраф. А еще Мор был уверен, что сможет все это без проблем отработать. Меня же, помнившую о нелюбви приятеля к компосту, это слегка удивило.

Толье принялся записывать лекцию, всем своим видом показывая, что он хоть и опоздал, но весьма прилежный студент. Меня подмывало расспросить у него, что случилось, но Джонсон не терпел на своих занятиях перешептываний, а мне оранжереи хватило за глаза, так что я решила дождаться перемены.

Лишь когда прозвенел сигнал, оповестивший о конце лекции, я, повернувшись к другу, выпалила вопросы, словно магические заряды из многостволки:

– Где ты был? Что случилось? Что с тобой сделал Стилл?

– При чем тут он? – не понял Толье. – Я задержался дома, отец достал список всех личных дел и адептов, и преподавателей, которые учились и работали в академии в тот год, когда пропала Лирина. – А

затем игриво добавил: – Но мне приятно, что ты за меня так волнуешься.

– Я не волнуюсь, я в бешенстве, – призналась я приятелю, в этот миг жалея, что все же не придушила одного аристократа.

Стилл!

Сильнее чувства ненависти к Стилли в этот миг было разве что чувство голода. Я не успела позавтракать, и руки к концу лекции уже слегка тряслись.

– Из-за чего? – удивился приятель, который все пропустил.

– Потом расскажу. Сейчас мне нужно ненадолго отлучиться.

План был прост – добежать до закуской, где я уже оптом закупала бутерброды. Если так пойдет, и вовсе стану в этом заведении почетной обжирательницей... тьфу, покупательницей.

Поэтому сначала я решила поесть, а потом начать убивать. Но все пошло дракону под хвост еще на моменте покупки. Потому что едва я зашла в зал, где витал аромат сдобы, как увидела Стилла. Уже с пакетом в руках.

Свою ношу он протянул мне со словами:

– Все, как ты любишь. Тридцать штук ровно. Извини...

– Извини?! – вызверилась. – Это у тебя фирменный стиль такой – использовать по максимуму каждого человека и каждую ситуацию? Ради выгоды, ради поднятия самооценки, ради шутки? Увидел, что место свободно, и решил поиздеваться?

– Обсудить случившее вчера в кабинете ректора? Побывать рядом? Или выбесить твоего приятеля? – перечислил Стилл, словно намекая: выбирай, что тебе больше понравится.

– Ты совсем отбитый придурок?

– Рядом с тобой – да, – обескураживающе честно признался Дэн. – Сегодня, пока шел на заднюю парту, вдруг понял, что рядом с тобой моя логика напрочь отключается. Я веду себя как идиот. Но при этом я чувствую себя идиотом счастливым. Забываю о выгорании, о том, что у меня нет магии. Мне даже кажется, что она просыпается, когда тебя касаюсь. словно ты хранишь не только то, что я забыл, но и частицу меня самого.

– Отличное признание. – Я демонстративно похлопала в ладоши. – Выверенное до последней запятой, до каждого вздоха. Долго репетировал?

– Не веришь? – короткий и предельно серьезный вопрос.

– А сам как думаешь?

– Я думаю, что тебе стоит перекусить, – с этими словами мне не вручили – всучили пакет. И Дэн, больше не говоря ни слова, ушел.

Да уж... Пуся кормит меня по ночам, бывший – днем... До чего я докатилась... Судя по ароматам из пакета – до чего-то очень калорийного.

Мысли с еды перескочили на химеру. Надо бы все же сказать Силь, что ее питомица у меня. Подруга же за нее наверняка переживает. А я, судя по всему, пережираю... Пакет, по ощущениям, весил немало, оттягивая руку.

Но я не привыкла откладывать дела в дальний ящик и потому, перехватив ручку пакета, полезла в карман. Достала магофон и набрала Силь.

– Да, – подруга выдохнула в трубку.

– Силь, твоя химера у меня.

– А-а-а, хорошо, – прозвучало запыхавшееся. – Пусть у тебя побудет, если тебе не сложно.

– Но в общежитии нельзя держать домашних питомцев, – возразила я, намекая, что передержка – это, конечно, хорошо, но не пора ли...

– Ну пожалуйста... – протянула подруга в трубку. – Немножечко-немножечко... У моего Мусика аллергия на шерсть...

– Мусика? – переспросила я.

– У Грега. Он мой покровитель и протезирует. Даже главную роль в мюзикле мне выбил. Так что мне нужно немного подождать, а потом на него красиво и правильно обидеться. И как только я на него обижусь и выселю, сразу заберу Пусю.

– А зачем обижаться на твоего... Мусика? – не поняла я плана подруги.

– Потому что я уже нацелилась на продюсера Стонха. Нужно освободить место. Я же девушка порядочная, у меня все любовники по порядку... заводить сразу двух неприлично. Ну и еще легко попасться и потерять обоих, – легко прощбетала Силь.

– А Пуся как причина разрыва не подойдет? – Я попыталась все же вернуть химеру хозяйке. Не тут-то было.

– Ты что! Тогда Мусик обидится на меня! Потому что я предпочла ему химеру. А пострадавшей стороной должна быть я!

Я, зная целеустремлённость подруги, прекрасно представляла, что ждет тварюшку, реши я всеми правдами и неправдами сплавить химеру. Пожалела не Мусика, а Пусю.

– Хорошо, она поживет у меня.

– Спасибо-спасибо-спасибо, – протараторила подруга. – Ну все, мне пора. – И отключилась.

Я вздохнула, засунула магфон в карман и поспешила на следующее занятие.

Глава 11

В расписании оно значилось как теоретическая магия, а на деле это была настоящая практика! Практика по выживанию неокрепших адептских умов в джунглях знаний. Каждый раз под конец лекции было ощущение: еще немного – и мозг переполнится новыми знаниями, они потекут из ушей.

Пропась между школьной программой и академической оказалась самой большой из всех. Поначалу я с завистью смотрела на Мора, который как будто на первых порах не узнавал ничего нового и превосходно ориентировался в материале. Но сейчас я стала замечать, что приятель все усерднее конспектирует в тетради темы, все чаще хмурится, разбирая формулы зубодробительных заклинаний.

Так что отвлекаться на самой лекции было недосуг. Даже на жизненно важные вопросы вроде питания. Потому я запихнула в себя за раз один бутерброд, пока бежала по коридору до аудитории, а потом уже все, свободное время кончилось. Началось выживание студентов. А из ума или в стенах академии, дабы не быть отчисленными, – это уже второй вопрос.

Я вбежала, вновь едва не опоздав. Мор на этот раз был на месте и подозрительно косился на бумажный пакет, который пах весьма соблазнительно. Да что там соблазнительно. Божественно! Все же несмотря на то, что Стилл – та еще аристократическая задница, подход к девушкам он знал. На кой нам букеты, если есть котлеты!

Они-то, точнее, их запах и отвлекал меня всю лекцию. И, кажется, не меня одну, но и преподавателя – магистра Сурхуса, который каждый раз, проходя мимо моей парты, как-то плотоядно облизывался.

Меня даже взгляд одного белобрысого сиятельного с галерки так не напрягал, как профессор, покушавшийся на самое святое у девушки – ее обед!

Да-да, так мне после того, как раздался сигнал на перемену, магистр, попросивший меня задержаться, прямо и сказал:

– Адептка Роук, в следующий раз постарайтесь не носить на мои лекции баулы с провиантом. Их запах отвлекает. А я, знаете ли, сижу на строгой диете по совету целителей. И сегодня я из-за вас был

близок к тому, чтобы сорваться. Так что в следующий раз просто возьму все ваши продуктовые запасы и выкину их за дверь.

Мне стало настолько сильно жаль магистра, что в порыве сочувствия я выудила из пакета один из завернутых в промасленную пергаментную бумагу бутербродов со словами:

– Моя мама всегда говорила: финишная ленточка любой диеты – это гирлянда из сосисок. У меня их нет, но зато кое-что другое. Хотите? – И с видом демона-искусителя протянула преподавателю свою добычу.

Судя по округлившимся глазам, Сурхус еще никогда не получал от адептов взятки котлетами. И ладно бы на экзамене или зачете. А то на лекции! Точнее, после.

Впрочем, магистр быстро взял себя в руки, напустил суровый вид и... Не отказался! С диетой было покончено. А я чувствовала себя серьезной и ответственной женщиной, которая думает о завтрашнем дне! Вот сегодня я дам преподавателю бутерброд, а завтра он, соскочивший с извращенного способа голодовки, который по ошибке именуют диетой, подобреет и не будет так остервенело диктовать формулы.

Я не стала смущать профессора и, как только он взял бумажный сверток, поспешила покинуть аудиторию. А вот уже на философии магии, которую, к слову, читал нам призрак, я предалась тревоугодию.

Духа ничуть не смущало ни тихое шуршание бумаги, когда я разворачивала упаковку снеди, ни звуки щелбанов на задней парте, которые Пират отвешивал Принцесске, проигравшему ему в «драконий бой». Кажется, почившего магистра не колебало ничего. Кроме ветра. Даже начини академия рушиться, призрак продолжил бы свой монотонный рассказ, под который отлично засыпалось, даже если до этого был бодр и полон сил.

Но как я ни старалась, съесть все не удалось. А Мор, косившийся на меня всю лекцию, под конец не выдержал и проворчал:

– Ники, имей совесть! Поделись.

При этом мне в спину упирался взгляд спонсора бутербродов, и я уже прикидывала: то ли выбесить Дэна тем, что его подарок я делю с посторонними мужчинами, то ли... И тут, доставая очередную порцию, я увидела, что та завернута не в пергамент, а в свежий,

буквально сегодняшний, газетный листок. Бумаги в кофейне, что ли, не хватило?..

Но важным было даже не это, а то, что было напечатано на странице. Статья о том, как великосветская леди Стилл получила плюху скумбрией. Все было описано красочно, проиллюстрировано снимками и... подписано Витой Хвост. Я так и зависла над статьей, не заметив, как лекция закончилась. Зато стало, кажется, понятно, почему меня преследовало вчера ощущение пристального взгляда в спину.

Прозвучал звонок, и Толье, до этого вымогавший мою еду, оживился:

– Ники, пошли, мне нужно тебе показать, из-за чего я сегодня задержался...

– А как же обед?! – вознегодовала я. Да, пусть сегодня после большого перерыва у нас не было больше занятий, но перекус – это же святое!

– Ты и так всю лекцию обедала! – возмутился Мор. – Тебе этого мало? И куда в тебя, такую тощую, влезает?

– Куда-куда, в желудок, – вспылила на такой поклеп. – И вообще, я ем как птичка!

– Угу. Индюк, – начал до меня докапываться Толье в лучших традициях некроманта, который перехватили лопату, чтобы поудобнее было рыть могилу, и еще не подозревает, насколько злой и опасный зомби появится из земли через несколько минут.

– Убью, – вкрадчиво пообещала я.

– Ага, – покладисто согласился Толье. – Только давай ты все же сначала посмотришь... Но сначала место потише и поукромнее найдем.

Последнюю фразу он сказал, когда мы уже оказались в шумном коридоре, мне показалось, что рядом промелькнула знакомая белобрысая макушка... Хотя мало ли светлых (и по масти, и по знаниям) голов в академии?

Между тем толпа адептов текла по коридору. Одни шумно болтали, другие спешили, обгоняя остальных, кто-то уткнулся в учебник, читая на ходу, несколько девушек плыли, покачивая бедрами, явно пытаясь не столько идти к выходу, сколько создавать затор – из тех, кто на них пялился. В общем, типичное море суеты студенческой жизни, в котором нужно было найти уединенный островок.

Он обнаружился не сразу. Пришлось миновать холл, переход между корпусами, два этажа, несколько коридоров и галерею. Я сбилась со счета, когда мы все же отыскиали то, что нужно. Аудитория была небольшой, явно рассчитанной на практикумы по бестиологии: по периметру стен стояли стеллажи с чучелами тварей, а у окна на креплении висели плакаты, иллюстрировавшие внутреннее строение и внешний вид, цикл жизни и все, что необходимо знать, чтобы выжить, если ты решишь пособирать гербарий в диких лесах, кишущих нечистью.

– Вот! Отличное место! – обрадовался Мор и хлопнул в ладоши. – Тут можно остановиться. – Щелкнул по пятаку какую-то свиноподобную морду чучела и, как истинный вандал, повесил на ее клык, торчавший над нижней губой, свою куртку.

Дверь в аудиторию не стали запирают магически, чтобы не привлекать лишнего внимания преподавателей, а использовали самую надежную охранную систему всех времен и народов – швабру. Подперли ею дверь.

– Вот смотри, что я добыл. – И с видом гордого героя, победившего сонм демонов, Мор продемонстрировал мне амулет – хранитель информации.

– Что там? – поинтересовалась я.

– Вот тут проекции со всех, кто выходил из ворот в тот день, – ответил Толье, взвесив на руках амулет. – А вот тут, – он вынул другую руку из кармана, в ней был точно такой же хран, – снимки всех, кто учился и работал в то время в академии, плюс изображения всех офицеров, которые приехали на вызов об исчезновении Лирин.

После этого пояснения Мор положил артефакты на разные концы одной парты и активировал их. В воздухе зависли два изображения. На одном – миловидная пухленькая адептка в куртке с эмблемой академии. На втором – детина в форме следователя.

Мор мазнул пальцем по изображению мужчины, словно запуская барабан. Картинки замелькали. И тут Толье ткнул в один из снимков. Гравират запечатлел эту же девушку. Та же улыбка, озорные глаза. Только волосы чуть длиннее...

А дальше приятель наставил палец второй руки на нее же, но выходящую из ворот, и свел две иллюзии, зависшие в воздухе, в одну.

Она, оказавшись в воздухе ровно над центром парты, окуталась зеленым ореолом и, мигнув, исчезла.

– Думаю, принцип понятен, ищем одинаковые и взаимно уничтожаем, – дал он инструкции и приступил к уничтожению. Только не изображений, а моей еды.

Я справедливо возмутилась:

– Ты чего? – с набитым ртом парировал приятель. – Тебе крошки для друга, что ли, жалко?

– Этой крошкой мужика накормить можно. Или убить, если сразу в глотку запихнуть! – не растерялась я. – Кто тебе мешал сначала пообедать?

– Дело не жрет! – патетично продекламировал Толье, но потом понял, что сказал не то, и исправился: – Не ждет! Вот видишь, я совсем истощил свой мозг, заговариваюсь...

– Угу. Заговариваешься. И затариваешься, а между прочим, мне их...

Мое признание, кто же стал спонсором обеда Толье, прервал звук, с которым решительный человек пытается открыть запертую дверь, наплевав на такую условность, как замок.

– Кто там ломится? – возмущенно заорал Толье. – Я тут с девушкой, у нас это... интим. Не мешайте!

Но если Мор думал, что после этого некто отступится от двери...

Удар, который обрушился на дверь, заставил содрогнуться чучело, которое стояло рядом с косяком. Такой обычно бывает, когда с ноги пытаются вынести створку. Будь эта чуть хлипче – поддалась бы. Но дверь оказалась прочной и лишь пошла трещинами по всему полотну, а швабра стойко держала оборону.

– Эй! – заорал Толье. И уже шепотом мне: – Ники, чего стоишь! Помогай мне организовывать алиби!

Я не успела возмутиться такому заявлению, как Мор начал действовать. И не как следователь, а как истинный преступник – заметать следы.

И тут в дверь ударили снова. На этот раз, похоже, плечом – звук вышел глуше, но эффект... По побелке пробежала трещина, и... Полотно осталось целым. Косяк и притолока тоже. А вот стена – нет. А все потому, что из нее выбили дверную коробку целиком! И да, швабра почилла с миром. А в возникшем проеме возник Стилл собственной

взбешенной персоной. И воззрился на «интим». За последний отвечал обнаженный от оберточной бумаги бутерброд. Его Толье попытался засунуть в карман, а артефактом, который держал в другой руке, закусить.

Приятель понял, что совершил ошибку. И с видом: «Простите, был не прав, перепутал», – невозмутимо засунул хран в карман и поднес еду ко рту. Все это в абсолютной тишине и клубах побелки напополам с пылью.

Дэн посмотрел на Толье, потом на меня, потом опять на Толье, словно ища признаки обещанного разврата. При этом глаза аристократа, до этого полные гнева и решимости, начали все больше округляться от удивления.

– Это что, мой бутерброд? – наконец спросил Дэн, разглядывая, впрочем, не еду, а проекцию, которую так и не успел убрать Толье и сейчас отчаянно пытался закрыть своей спиной, делая вид, что занят едой.

– С чего твой? – возразил храбрясь Мор. И тут я поняла, что приятель за идиотской балагуристостью пытается скрыть важное – второй хран.

– Может, потому, что я его купил для Ники? – проникновенно сообщил аристократ.

Толье закашлялся и бросил на меня, стоявшую от него в пяти шагах, взгляд, словно на предательницу: как ты могла! Сам же пытался за спиной свободной рукой нащупать артефакт. Не успел. А Стилл между тем подошел к проекции и взглянул на изображение какого-то парня в куртке стража.

– Интересно у вас тут интим происходит, – тесня плечом Толье, невозмутимо прокомментировал Дэн.

Все бы ничего, но приятель оттесняться не захотел. Мало того, даже попытался выпереть Стилла из аудитории. Как бы не так! Физической силе Дэн поддавался настолько плохо, что никак. И тогда Толье решил применить магию.

Быстрый замах, во время которого Мор выкинул бутерброд. И тот не успел упасть на пол, как вокруг тела приятеля начал закручиваться мощный вихрь магической энергии. Он завернулся петлей, и та устремилась в Стилла.

Скорость была такой, что я не успела сплести щит. Да и где ему было развернуться в столь тесном пространстве? Успела лишь подумать, что Дэн, который окажется на пути этого потока, сильно пострадает. Я испугалась за Стиллу.

– Нет! – вырвался крик. А вместе с ним внутри поднялась волна отчаяния и... магии. Она рванула, выплескиваясь в пространство. И устремилась к Дэну, на которого шел поток, созданный Толье и сжигавший все на своем пути.

Стилл вскинул руку, скорее, в привычном жесте стража, привыкшего смотреть в лицо опасности и использовать магию. Но это у аристократа сейчас и не было, или...

Барьер вспыхнул в тот миг, когда казалось: атака Мора обрушится на Дэна и переломает его, как тряпичную куклу.

Удар вышел такой силы, что задрожали окна и со стеллажей попадали чучела. А я ошалело уставилась на Дэна. Он же выгорел? Или нет? И вообще, что тут...

– Что тут происходит? – словно озвучив мои мысли, раздался голос из дверного проема. В нем стоял декан факультета стражей собственной персоной – Викард Бронис.

– Кажется, возвращение магии... – не веря собственным словам, произнесла я и взглядом показала на ладони Силлы. Они светились.

А второй мыслью было: вот ведь гад этот Стилл! Всегда добивается своего! Решил вернуть себе дар – и вернул... но эта злость была с оттенком облегчения.

А магия между тем исчезала с пальцев Дэна, оставляя взамен себя растерянность.

– Кажется, ты все же ошиблась, Ники, – произнес аристократ. Но при этом он не выглядел расстроенным.

– Возвращается или нет – это решат целители и потом. А вашу участь сейчас – ректор. К нему в кабинет! Все трое! Живо! – скомандовал декан.

Мы понуро поплелись, куда нас послали. И лишь на середине пути я поняла, что за всем случившимся не заметила, как Мор ловко спрятал все храны в карманы, а оставшийся в пакете последний бутерброд – в себя! И этот человек что-то говорил о моем аппетите!

Этот самый аппетит был единственным хорошим, что осталось нам на этот вечер. Все остальное было исключительно паскудного

свойства. Ректор, уже явно дергая глазом – не так давно мы с Дэнном уже успели нанести ей визит, – мягко говоря, негодовала.

– Скажите, почему, когда что-то случается, вы тут как тут? Вы что, пока не разгромите мне академию – не успокоитесь?

Не знаю, как насчет разгромить, но пока мы все усовестились. Но покаянный вид, увы, не помог избежать наказания. Кара настигла нас в виде инвентаря для уборки, строительного раствора и грозного увещевания:

– Пока не отремонтируете аудиторию, из нее не выйдете! Все трое!

Так до глубокой ночи я оказалась заперта в компании чудищ. Из них было девяносто три чучела, набитых опилками, и два живых гада. Последние то и дело цапались между собой.

Под конец я не выдержала и, когда пришла с ведром чистой воды для мытья полов, напомнила этим «рыцарям» об их намеченном на выходные поединке:

– Слушайте, у вас же еще дуэль есть. Вот и начистите на ней друг другу забрала. А пока терпите.

К моему удивлению, в этом вопросе Стилл и Толье показали удивительное единение: они слаженно меня проигнорировали! Зато Дэн не забыл о проекции и заинтересованно спросил:

– А что это за иллюзия от снимка гравирата была? Когда я вошел.

– Может, вломился?

– Как хочу, так и вхожу, – парировал Стилл.

– Ну раз как хочешь, то шпаклюешь дверной короб чур ты, как всяк сюда входящий. – И Мор торжественно передал ведро со строительной смесью аристократу.

Стилл не стал отпираться. Но и увести разговор в другую сторону не дал.

– Я, кажется, узнал стража. Точнее, Деймона Уирка. Хотя он сейчас гораздо старше, но он служит вместе с отцом... Итак, зачем он вам?

– Не твое дело, – отозвался Толье.

– А может, мое? – с вызовом ответил Дэн, и я поняла: рано начали мы тут уборку, ой, рано... Сейчас эти двое по новой все разнесут...

– С чего бы? – начал закипать Мор.

– Я еще не решил с чего, но... тогда поинтересуюсь у Уирка, как он может быть с вами связан. Да и все остальные. – И Дэн выразительно подкинул на руке хран. Тот самый, с записью выходящих из ворот. Я узнала его по алому кристаллу неправильной формы, что был в основании амулета. У второго, со списком снимков из личных дел, он был зеленым.

– Ворюга! Отдай! – взревел Мор и готов был накинуться на противника, когда я встала между этими двумя. Со щеткой.

– Хватит! – рывкнула так, что сама удивилась, насколько громко получилось.

Одно из чучелок какого-то таракана-переростка, стоявшее на самом краю полки, и вовсе так поразилось, что закачалось и сверзилось на пол. Благо не разбилось, а то еще и его потом чини. Дальше я уже говорила на порядок тише.

– Ты, – ткнула пальцем в Мора, – перестань задираться. Ты, – мой перст указал на Стилла, – перестань провоцировать. А то сейчас обоих шарахну.

Приятель на этот выпад демонстративно замолчал. А вот Дэн, наоборот, напомнил:

– Я привык добиваться своего и получать ответы на заданные вопросы...

– А если тебя это вообще не касается? – огрызнулся Мор. – И вообще, это дело государственной важности.

– Которое доверили сомнительному парню из провинции? – тут же напомнил о личине Толье Стилл. – Тут чего-то не сходится. Либо ты врешь в первом случае, либо во втором. Но, учитывая то, как мастерски сделан этот артефакт... То, что ты готов был защищать информацию, наплевав на отчисление. Оно ведь все еще грозит за применение боевой магии по отношению к неодаренному в стенах академии? Добавим к этому то, как ты, приятель, отлично держишься... особенно в рукопашном бою...

По этому комментарию стало понятно, что, пока уходила за водой для мытья пола, эти двое все же сошлись характерами, но в рукопашную. А я еще удивилась, почему пол грязный там, где я его только что помыла...

Стилл же, проигнорировав мое возмущенное шипение, продолжил:

– Так что ставлю на второе. Убери иллюзию. Покажи свое настоящее лицо!

– Да пошел ты...

– Пойду. Сначала к ректору, потом...

– Мор, хватит! – выкрикнула я. – Он и так клятву о неразглашении давал. Скажи уже ему. Сам же знаешь, какой Стилл упорот... упорный. Его проще убить, чем заставить оступиться.

– Твой первый вариант мне нравится больше, – скривился Толье. – У меня и лопата есть, чтоб могилу вырыть...

– Я так понимаю, ты Толье? – вдруг спросил, словно сделал выпад рапирой, Стилл.

Приятель нервно дернулся, как от удара, а затем уязвленно спросил:

– Как догадался?

– Ники назвала тебя Мором...

– Мало ли Моров в академии?

– К тому же меня усиленно пытались убедить, что она – любовница Толье, но я сына канцлера рядом с ней ни разу не видел, зато подле всегда ошивался ты...

– Ники, может, мы его все-таки закопаем? – с надеждой протянул Мор.

– А может, ты еще раз ему все расскажешь? Стилл ведь уже давал тебе клятву о неразглашении.

– А потом благополучно все забыл. У него никакой памяти! Мне что, его каждый раз по новой в гостайны посвящать?

– Либо посвящаешь, либо ваши тайны уже завтра не тайны. Я позабочусь о том, чтобы они стали достоянием общественности.

– Не успеешь, – зловеще протянул Толье, явно готовя какую-то пакость.

– Зато она успеет. – И Дэн кивнул на окно. В нем мы увидели знакомое лицо, к которому был прижат гравират...

Замешательство длилось не больше секунды. А затем произошло сразу несколько событий. Мор запустил в репортера заклинанием (хотя явно не по душе рыжей готовилось это плетение). Вита вскинула руку, которой цеплялась за карниз, и полетела вниз, так и не выпустив камеру. Дэн ринулся к журналистке, хотя было понятно: не успеет, а

я... Я была потрясена, возмущена, обескуражена, но вслух кричала немного другое.

В свое оправдание могу только сказать, что весь спектр эмоций озвучила лишь после того, как заклинание приятеля, врезавшись в стекло, напрочь выбило его, так и не встретившись с основной целью. А сама рыженькая, разминувшись с атакующими чарами, каким-то чудом уцепилась за барельеф под окном, что располагался ниже.

Я, ломанувшаяся вслед за Стиллом, и смогла лицезреть Виту, которая цеплялась за горгулью.

– Руку давай! – приказал Стилл, протягивая свою пятерню.

Расстояние было таким, что Вита Хвост имела все шансы на спасение: только протяни ладонь в ответ и схватись. Но была одна маленькая проблема: обе руки журналистки были заняты. В одной она держала собственную жизнь, в другой – сенсацию. И, похоже, не могла выбрать, что ей важнее. Если она отпустит гравират, то потеряет второе. А первого вот-вот лишится, ведь пальцы, что вцепились в горгулью, начали соскальзывать.

– Хватайся! – заорала я, не выдержав, и, обратившись уже к Морю, проорала: – Какого ты творишь, демоны тебя дери! Ты ее чуть не убил!

– Это был рефлекс! – в ответ не менее экспрессивно огрызнулся приятель.

Зубы его слегка постукивали. То ли от испуга, то ли оттого, что ворвавшийся в аудиторию из выбитого окна ночной осенний ветер враз выстудил все.

А я уже тем временем накинута на Стилла:

– А ты чего не предупредил о слезке?!

– Я думал, она вторая напарница!

– Сплюнь! Я такую напарницу в гробу видала!

– Она там скоро и окажется, если не поторопимся... – прошипел сквозь стиснутые зубы Толье и, оттеснив Дэна, перевесился через подоконник со словами: – Держите меня за ноги!

И едва мы схватили приятеля за лодыжки, он перевесился на улицу.

Уже оттуда донесся голос Мора:

– Выкинь ты гравират! Давай руку! Убьешься же! Третий этаж!

– И это мне говорит тот, кто только что не прикончил? – раздалось в ответ! – Ну уж нет, господин Толье, я сдохну, но мир узнает правду!

– Если ты умрешь, то никто ничего точно не узнает! – попытался воззвать к разуму журналистки приятель. – Так что, если ты так дорожишь этой проклятой камерой, давай ее мне, а потом свою руку.

– Ага! Я так и знала, что тебе от меня нужно одно – избавиться от улик! – торжественно возопила Хвост.

– Мне, вообще-то, от девушек нужно немного другое, – начиная терять терпение, огрызнулся Мор.

– Я не какие-то там девушки! Я классный профессионал, – возразила Хвост.

– Скоро ты станешь классным трупом, – заметил приятель и, понимая, что просто так девица не сдастся, покаянно произнес: – И да, извини, что чуть тебя не убил... Это вышло случайно...

– Случайно не убил, хотя старательно целился? – ехидно отозвалась Хвост. – Не суй мне ромашки за уши! Боевое плетение высшего порядка случайно не создается. Над ним думать надо!

– Я не в тебя хотел попасть! – в сердцах признался Мор.

– А в кого? – деловым тоном, каким обычно берут интервью, а не ведут предсмертные перепалки, поинтересовалась Хвост.

Я восхитилась ее преданностью профессии. Это надо же, даже на волосок от смерти – и проводит опрос!

– На кого надо! – не выдержал Мор, который явно вот-вот был готов передумать спасти и начать тихонько спихивать рыжую с барельефа горгульи.

– Это все из-за девушки?! И что это за голограммы на артефакте? Хотя не надо, не отвечай, и так вижу, что из-за Николь Роук...

– Ну все, она меня достала! – рыкнул Мор и...

– Пока, неудачники! – раздалось веселое.

Мы со Стиллом сначала резко дёрнули Толье на себя, чтобы он не выпал, а потом выглянули в окно. Точнее, в то, что от него осталось, чтобы увидеть, как рыжая планирует и мягко приземляется на газон. Ха! Да эта пройдоха явно тянула время, чтобы активировать какой-то амулет, не иначе. Теперь Хвост осталась при камере, сенсации и жизни. А вот нашу могла весьма подпортить. Да и расследование... никто посторонний не должен о нем знать.

– За ней! – скомандовал Толье.

Но Стилл и с места не тронулся.

– Только если ты все объяснишь.

– Потом! Не сейчас! Уходит! – взбеленился Мор.

– Поклянись, – потребовал Дэн.

Я даже не знала, придушить его или восхититься. Нашел время торговаться. И какое! Самое для этого дела выгодное.

– Клянусь, расскажу, что ты знал! – нехотя бросил Толье. – Но только если поймаешь эту заразу.

– Договорились, приятель, – хмыкнул Дэн, и Мора перекошило от такого к нему обращения.

Но Стилли было плевать на гримасы сына канцлера. Он пулей уже вылетел из аудитории.

Мы с Мором за ним.

Короткий забег по лестницам, за которыми был коридор и боковой выход.

Когда мы очутились на улице, рыжая как раз нырнула за угол оранжереи. Мы помчались за ней, и тут нас обнаружили ночные стражи академии. Погоня перестала быть томной, плавно превратившись в удираание.

Наша троица дружно мчалась в ту сторону, где скрылась журналистка. Картина вышла занятная.

Осенняя ночь уже успела окутать мир мерзлотной пеленой, погрузив его в холодное безмолвие. На территории академии, кроме нашей троицы и блазней, уже никого не было.

Небо было темно-синее, почти черное, только вдалеке над зданиями мерцал золотистый свет от фонарей.

Холодный ветер гнал опавшие листья, их шуршание напоминало о том, что осень уже на исходе, а зима уже не за горами. Воздух был пронизан морозной свежестью, и даже самое глубокое дыхание выходило белым паром.

Лишь крик Мора: «А-а-а», – нарушал эту ночную тишину.

Мы с Дэном неслись во все лопатки исключительно молча. Потому как опытные. Я бы сказала, даже слишком.

Глава 12

Мы как раз достигли оранжереи, когда Вита Хвост занырнула в заросли орешника. Блазни нагоняли, сев на хвост уже нам. Ну не ночь, а сплошные хвосты! А я-то, поступая в академию, думала, что они у адептов могут быть исключительно из-за не сданных вовремя зачетов. Как же я была наивна!

– Активно! – рявкнул мне на ухо Мор.

– Что? – не поняла я.

– Активно, говорю, ногами перебирай! А то мы не догоним, а нас – очень даже! – пояснил приятель, надсадно пыхтя.

Дэн мчался первым, в лучших традициях гончей настигая рыжую. Она, к слову, действовала очень решительно и быстро набирала скорость, уклоняясь от ударов веток и листвы, которые встречались на ее пути, и не разменивалась на то, чтобы притормозить и оглянуться. Журналистка была ловкой, выносливой и молниеносно принимала решения, когда требовалось обогнуть или перепрыгнуть препятствие.

Тоже, видимо, была очень опытная в плане того, как надо правильно уходить от проблем.

Я же, наоборот, то и дело бросала взгляд через плечо на призрачных стражей, которые становились все ближе. И когда один из них едва не схватил меня, только чудом увернулась, а затем от испуга, не иначе, прибавила скорости и почти полетела над землей.

Хотя, может, в последнем был виноват Дэн. Он чуть притормозил, чтобы я сравнялась с ним, и схватил за руку в тот самый момент, когда блазень чуть не сцапал меня целиком.

Когда мы вместе помчались по траве, Стилл вдруг выдохнул:

– И... почему... мне... кажется... что... это... уже... было? – Он ритмично чередовал при беге вдохи и выдохи, не позволяя дыханию сбиться.

– Тебе не кажется, – протараторила я, чувствуя, как бешено бьется сердце, подступая почти к горлу, а кровь кипит в жилах.

– Мы... ее... уже... догоняли? – уточнил Дэн, словно мы не мчались сломя голову, а вели светскую, мать ее, беседу.

– Нет! Мы от них удирали! – я выплюнула эти слова, а показалось, что вместе с ними и легкие.

– И как? Удачно? – допытывался Стилл.

– Да! – не в силах больше выговорить ни слова, выдохнула я.

– Она сейчас через дыру удерет! – вмешался в наш диалог Мор. Даже пальцем ткнул, указывая направление.

И точно. Хвост нацелилась на тайный ход. И не просто нацелилась! Она им нагло воспользовалась. Нашим тайным ходом. Хотя такими темпами он скоро станет популярнее, чем центральные ворота академии. Пользуются все кому не лень!

Я бы и дальше возмущалась, но проблемы едва не кусали нас за пятки, поэтому пришлось действовать, а не думать.

Как только мы оказались на улице, за стеной академии, Мор тут же закрыл ход заклинанием, а в прозрачную преграду впечатался один из блазней.

– За ней! – крикнул Толье.

Забег продолжился. На этот раз по прямой, чем приятель и воспользовался, в азарте швырнув в репортера боевым парализующим заклинанием.

– Нет!

– Идиот!

Мы со Стиллом заорали почти в унисон. Поздно. Плетение уже сорвалось с пальцев Толье.

Хвост, словно спиной почувствовав опасность, в последний момент уклонилась, разминувшись с магической сферой на пару дюймов.

– Не мог в нее швырнуть чем-нибудь бытовым? – разозлился Стилл, набирая скорость.

– Чем? – огрызнулся Толье, осознавая, но не признавая свой промах.

– Да хоть чем! А теперь молись, чтобы городская стража не заметила. Обычно за тихими кварталами они следят не столь бдительно.

– Знаешь, кажется, с недавнего времени эти улицы престали быть тихими. – Я припомнила, как наемни, когда из временной пентаграммы появился записывающий кристалл, сработали все

охранные заклинания. Не удивлюсь, если теперь тут повешали оповещалок...

– Тогда нам тем более стоит поднажать, чтобы догнать эту рыжую заразу! – резюмировал Мор.

Но мы не успели пробуждать и квартала, когда услышали вой сирен и нам наперерез помчалась машина.

Толье как раз вырвался вперед, так что автомобиль буквально отсёк нас от приятеля.

– Догоняй! Мы их уведем! – выкрикнул Стилл и, дернув меня за запястье, ринулся вправо, в узкий проулок. Я за ним.

Из остановившейся машины выскочили офицеры. А у меня, кроме мата, слов приличных не было! Не ночь, а сплошные догонялки!

Дэн же на судьбу не сетовал, он ее спасал, а заодно и одну бедовую адептку. Даже когда перед нами выросла стена, он буквально перекинул меня через нее. Я приземлилась на брусчатку. Рядом со мной почти тут же спрыгнул Дэн. Но только когда я поднялась, поняла: отбегались. Передо мной стояло несколько стражей с фаерболами наизготовку.

Мы услышали командное:

– Вы окружены. Сдавайтесь! Если решите колдовать, мы используем против вас боевые заклинания!

– Ну чего они начинают... – с усмешкой произнес Дэн, поднимая руки в жесте «сдаюсь». – Так же хорошо бегали...

Пытаться смяться было бесполезно: нас окружили патрульные, магов десять, не меньше. С такими шутки плохи: шаг влево, шаг вправо расценят еще за побег, а прыжок на месте за попытку улететь и засветят пульсаром промеж глаз.

Нам с Дэном предъявили обвинение в незаконном использовании боевой магии. И тут возникла маленькая проблема. Стилл был выгоревшим магом и не мог использовать свой дар в принципе, а у меня после замера резерв показал дулю. Стрелка магомера просто отказалась подниматься. Хоть как-то...

– Сломался? – спросил аристократ, глядя на то, как офицер стучит по циферблату, пытаясь понять, сломался ли тот, или перед ним стоит абсолютно бездарная девица.

– Он еще никогда не подводил, – недовольно отозвался стражник, глядя на магомер, который приложил к моей руке.

– У всех мужчин когда-то такое случается впервые, – произнес Дэн, глядя честными глазами на артефакт, но имея в виду совершенно не его.

Стаж это понял, покраснел, открыл рот, желая что-то сказать, но, видимо, не придумав достойного ответа, закрыл. Отнял от моей руки магомер и рявкнул:

– Грузите этих двоих и в отделение. Там разберемся, почему они оба пусты, а заклинаниями боевыми швыряются.

Я стояла и не вмешивалась в этот диалог. И не потому, что женщина должна молчать, когда мужчины говорят. Просто я была настолько ошеломлена, что потеряла дар речи. А все оттого, что чувствовала: мой резерв был не пуст. Скорее наоборот... Тогда почему артефакт показал ноль? Этот вопрос так и остался без ответа.

– Мы не использовали боевую магию, – голос Стилла ворвался в мои мысли.

– Поговори мне еще тут! В наручники их обоих. Живо!

Но молоденький стражник, что стоял подле офицера, почему-то не ринулся сразу исполнять приказ начальника, а, смущенно почесав затылок, тихо сообщил:

– Извините, капитан, но у нас только одна пара наручников осталась... остальные все того... ушли на банду налетчиков в лунном квартале...

– Тогда скуйте их вместе, чтоб далеко не убежали, – раздраженно бросил офицер.

А затем на наших со Стиллом запястьях защелкнулись замки. И как только это произошло, меня и Дэна тут же погрузили в фургон стражей и отправили в отделение правопорядка.

На допросе я так широко и заразительно зевала, что даже офицер подхватил эту самую заразную из всех болезней и начал то и дело подносить ладонь к губам, заслоняя так не вовремя начавший приоткрываться рот.

– Где обучались боевым чарам?! – меж тем, пытаюсь сохранить строгость, вопрошал страж.

– В академии высшей магии, – ответили мы со Стиллом хором.

– И магии то у вас обоих нет, и обучались-то вместе. Еще, поди, и на одном курсе? – въедливо спросил капитан.

– Нет. Я на первом.

– А я вообще вылетел, – поддакнул Стилл.

– Вылетел оттуда и приземлился прямо в участок? – Почему-то аристократ не нравился офицеру гораздо больше, и на него-то страж и взъелся. – Признавайся, кого атакующим боевым заклинанием хотели убить?

– Убить? Разве что время! Мы вообще с моей девушкой просто гуляли по ночному городу. Никого не трогали. А тут вы!

– Гуляли так, что удирали от патруля? – начал давить на Дэна офицер.

– Мы испугались.

– Боевые маги? И испугались!

– У боевого мага, который хочет жить долго, должен быть хорошо развит инстинкт самосохранения. Вот мы его и того... развивали.

– Сначала, значит, вы с подружкой развивали инстинкт размножения под луной, потом самосохранения... Какие, однако, нынче развитые адепты пошли... – съязвил офицер и от досады бросил карандаш на стол, поняв, что признания от нас сегодня он так и не добьется.

Эх... Знал бы он, насколько я близка к тому, чтобы взять на себя вину не только за использование атакующих чар, но и за все сегодняшние преступления в столице, лишь бы мне дали поспать...

Но просвещать я стража закона об этом не собиралась. Как и о том, кого мы догоняли и почему убегали.

– Значит, так... С вами двумя понятно, что ни демона не понятно... – изрек под конец допроса офицер. – Один выгорел, вторая бездарная... А тем не менее заклинание шарахнуло так, что все оповещалки взвыли. Посидите-ка в камере, пока все детали случившегося не выяснятся.

Мне захотелось поорать чайкой. Да что ж за день, вернее, ночь сегодня такая! Не успеваешь из одних проблем выбраться, как в другие вляпываешься... Хотя...

– Капитан, разрешите мне позвонить? – задала я вопрос, сама пытаюсь сообразить, кто бы мог меня выручить в такой ситуации. Дара на практикуме. Лори – у нее самой с законом не очень. Как-никак родители преступники. Силь выступает, и ей сейчас не до нас... Мору тоже: он занят важным делом – догоняет Хвост...

Офицер пристально посмотрел на нас со Стиллом. А Дэн... тоже глянул на меня с любопытством. Да уж... ему-то наверняка есть кому послать весточку, чтобы помогли выбраться. Только почему он не спешил воспользоваться шансом?

– Звоните в моем присутствии. Не более трех минут. Если не возьмут трубку, на повторный звонок можете не рассчитывать, – сурово проинструктировал городской стражник.

Я кивнула, мол, поняла, и... взяв в руки магофон, набрала номер Толье. Старшего. В конце концов, он мой работо... скорее не датель, а взятель. Он же вроде бы не предлагал мне найти его сестру... Но в то же время с охотой воспользовался бы результатами поисков. Так что пусть канцлер считает это издержками найма дилетантов.

В трубке долго раздавались гудки, я уже отчаялась, когда услышала голос Толье.

– Ники? Ты где? Что случилось? – засыпал он меня вопросами после того, как я представилась.

– Понимаете, мы занимались делом... Тем, о котором вы просили, но не просили, – при этих словах офицер, что грел уши рядом, как-то странно посмотрел на меня. Дэн, впрочем, тоже. – Так вот, мы в результате нечаянного случая попали в участок.

– В какой именно? – уточнил канцлер.

– А куда мы попали? – отняв переговорный артефакт от уха, спросила капитана. Судя по его взгляду, попали мы в неприятности, а он – в сумасшедший дом.

Но тем не менее страж закона процедил:

– Седьмой.

– В седьмой! – радостно сообщила я.

– Хорошо. Понял. Скоро мои люди будут.

Почти тут же капитан сообщил:

– Время истекло. – И забрал у меня, не успевшей даже попрощаться с собеседником, магофон.

А после нас почти сразу отвели в камеру. Решетка захлопнулась, оставив нас с Дэном в небольшом, даже, скорее, крохотном помещении.

Камера оказалась маленькой и темной. Гладкие стены. Они были словно высечены из одного куска черного мрамора. Единственным источником света оказался маленький шарик, что парил под потолком.

Он скорее отбрасывал тени, чем что-то освещал. Его лучи беспомощно скользили по замкнутому пространству, нарушая абсолютную тьму только на мгновение.

Внутри камеры было так тихо, что можно было услышать собственные дыхание и сердцебиение. Толстая добротная дверь отрезала все звуки коридора, а небольшое окошко в ней было наглухо закрыто. Когда я переступила порог сегодняшнего «ночлега», на секунду показалось, что время остановилось и не будет продвигаться ни на мгновение.

Я присела на откидную полку, что одним своим краем упиралась в стену, а с боков крепилась к каменной кладке цепями, и вдруг почувствовала, как мое тело начинает дрожать то ли от усталости, то ли от запоздалого страха, а то и вовсе от непонимания: что вообще происходит? Я прикрыла глаза, ощущая каждый мускул своего тела, каждый вдох, каждый удар своего сердца.

Я ощущала это все. Все, кроме одиночества. Его прогнала прочь уверенная рука Дэна, которой он обнял меня, согревая. Мы так и сидели какое-то время на нарах в камере, в полутьме. Не говоря ни слова.

А потом раздаюсь неожиданное:

– Да, я, признаться, порой хотел провести с тобой ночь. Но не думал, что это может быть так...

От подобного откровения я встрепенулась и резко отодвинулась от Стилла. Хотя хотелось просто двинуть этому самоуверенному аристократу.

– Мечты должны сбываться! – не скрывая глумливых интонаций, ответила я, хотя, не скрою, предпочла бы более острый ответ. Например, как лезвие топора. Которым по темечку тюк... И все, раздражающий фактор исчез. Но потом только нужно будет решить: куда спрятать труп? Так что увы... к тому же это в детстве можно было стукнуть обидчика лопаткой в песочнице просто так... А сейчас это уже статья.

Я недовольно дернула рукой... Кандалы звякнули. Ирония судьбы: мечтала когда-то связать себя с Дэном узами брака, а получилось тюремными. Но узами...

– Раз ты тоже так считаешь... – неожиданно произнес Стилл и... наклонился ко мне с явными поцелуйными намерениями.

Но я, уже наученная горьким опытом его проверок и провокаций, уклонилась, подставив вместо губ раскрытую ладонь. И на удивленный взгляд Стилла, который прикоснулся к руке губами и отпрянул, ответила:

– Знаешь, ты так часто ставил эксперименты, пытаюсь вернуться свою силу, что-то проверить... что нет. Не стоит.

Вновь повисла тишина. Не гнетущая, а с привкусом осени. Когда остаются лишь воспоминания и сожаления об ушедшем лете.

– Я дурак... – вдруг выдохнул Стилл.

– Это вопрос или утверждение? – уточнила я.

– Скорее констатация факта. Я так верил, что ты мне изменила, опоила, приворожила, что... не увидел главного.

– Да? И чего же?

– Что постоянно думаю о тебе. Пытался убедить себя, что быть с тобой – нелогично. Это противоречит самой моей сути, ведь всю жизнь я привык полагаться на расчет. А с тобой... все иначе. И сейчас, когда я захотел тебя поцеловать ради самого поцелуя... Я с размаху врезался в результаты своих ошибок.

– За все в этом мире приходится платить. И за свои ошибки тоже. – Я посмотрела в до боли родные глаза, в которых сейчас мне почудились отблески отчаяния и надежды.

– А за какие ошибки расплачиваешься ты, работая на кровавого канцлера? Да еще тебя контролирует его сын? – вопрос как вызов на дуэль.

Я могла от него уклониться, но... не стала. Смысл убегать? Лучше все прояснить здесь и сейчас. Раз и навсегда.

– Это не расплата. Помощь. И ты тоже помогал Мору. Вместе мы предотвратили угрозу войны.

– Расскажи, – не требование, но просьба. Столь непривычная для того, кто привык приказывать.

Я вздохнула и начала говорить. Все с самого начала. С того дня, когда я очутилась в гостиничном номере Стилла и случайно забрала его дар. А потом о библиотеке, где мы в поисках заклинания, чтобы обменяться дарами, стали невольными свидетелями встречи ликвидатора и заказчика. О том, как Дэн меня спас, буквально в последний миг сняв с жертвенного алтаря. О том, как шантажировали самого канцлера, и о пропавшей Лирин...

Когда я закончила, то чувствовала себя выжатой как лимон. Я сидела на откидной лавке, опустив плечи, и смотрела на пол и только на пол. Так было легче и проще.

Мне вдруг все показалось настолько мелким, безразличным... Наверное, я просто сдалась под натиском обстоятельств. Хотелось еще что-то сказать, добавить, но сил не было. Слова застряли в горле и не находили выхода.

Захотелось отмахнуться от всего: себя, этой ночи, Дэна, жизни... и уйти прочь, туда, где всегда темно и спокойно... Какой смысл в этом разговоре? В моей правде? Не хотелось больше тратить энергию на бесполезные слова и эмоции... Они никому не нужны...

– Ты мне нужна... – прозвучало вдруг.

И Дэн обнял меня. А показалось – закрыл от всего мира. Как бывало тогда, в прошлой жизни, когда он все помнил. И, кажется, любил...

– Я не смогу помочь вернуть тебе силу. У меня самой сегодня магомер показал ноль...

– К демонам дар. Даже если у меня его никогда больше не будет – плевать! Я понял сегодня, что смогу с этим смириться. Но смириться с тем, что в моей жизни больше не будет тебя, – это выше моих сил, Ники. Может, попробуем начать все сначала. Клянусь, больше никаких экспериментов и лжи...

– Я уже не верю...

– Я бы тоже себе не поверил. Но прошу...

Дэн чуть качнулся вперед. Я не успела отстраниться, и... наши губы встретились. Привкус апельсиновой цедры и бренди, сумасшествия и надежды – вот какой он был у этого поцелуя. Нежность и безумие.словно в первый раз. Дэн притянул меня к себе, обнимая. А затем его рука скользнула чуть выше, по ложбинке спины, к основанию шеи, чтобы зарыться в моих растрепанных волосах.

Кто мы, где находимся, что нас ждет... Сейчас все это было неважно. В этом миге мы оба забылись. Утонули.

Прикосновения губ Дэна к моей коже. Они были полны обещаний и искушения. И я тонула в его ласке. Хотелось лишь одного – касаться и чувствовать, как тело Стилла отвечает на эти прикосновения. Как бешено бьется его сердце под моей ладонью, как становится хриплым дыхание, а глаза сверкают сумасшедшей радостью.

Да я и сама была безумна. И в этом порыве безумия укусила Дэна за нижнюю губу. Он рвано выдохнул и рывком усадил к себе на колени.

Я ощутила то, как напряглось сильное мужское тело, как проступил рельеф мышц, руку, что поднималась по моему бедру все выше...

– Дэн, – произнесла надсадно.

– Ники, ты мое безумие, – выдохнул Стилл, с трудом оторвавшись от меня.

Эта секундная передышка вернула меня в здесь и сейчас. Я вдруг вспомнила, где мы и как здесь оказались. И что еще немного – и этот поцелуй закончился бы совсем не невинно. Да что там закончился. Он и сейчас был уже далек от целомудрия! Почувствовала, как краснею.

Дэн посмотрел на пунцовую меня, будто все прекрасно поняв без слов, заправил выбившуюся прядь за ухо и хрипло произнес:

– Ники... Я был беспросветным дураком...

– И только? – я вскинула бровь, стараясь перевести серьезный разговор в шутку. Говорить о важном просто не было сил.

– Идиотом, тупицей, напыщенным болваном, который полагался только на логику. И едва не потерял самое важное. Тебя...

Звук чеканных шагов, раздавшийся в коридоре, оборвал слова Дэна, заставив нас обоих напряженно прислушаться.

Сначала это был тихий стук, с которым подметки и каблуки форменных сапог ударяют о каменную кладку. Но затем он начал нарастать, множиться, становясь более отчетливым и напористым.

Сюда явно шел не один офицер. Скорее двое. Нет. Трое. Да, трое.

Шаги звучали, дробились. Стражники приближались. Мне показалось, что я даже смогла различить шелест одежды. Но если эти шорохи были из области догадок, то звон металла, с каким перебирают ключи на связке, точно не померещился.

Шаги оборвались напротив нашей двери. Лязгнул засов. Створка распахнулась и явила двум офицерам и канцлеру благопристойную пару узников.

Мы с Дэном сидели на разных концах откидной скамьи. Весьма усиленно сидели, старательно глядя каждый в свою сторону. Никаких растрепанных волос, смятой одежды. Только предательски распухшие

губы могли выдать то, чем мы недавно занимались. Но я усиленно их кусала, дабы скрыть следы преступ... поцелуев.

– Вот, господин Ньор, этих двоих голубчиков мы и поймали сегодняшней ночью! Боевыми заклинаниями баловались! – с гордостью отозвался пузатый капитан, поправляя пряжку ремня.

– Баловались, говорите... – протянул тот, кого назвали Ньором... А затем он ткнул пальцем в сторону Стилла со словами: – Этот из баловства может разве что из рогатки стрельнуть. У него дар выгорел. Вы что, не замеряли уровень сил при аресте?

Я внимательно посмотрела на того, кто столь вольготно чувствовал себя в камере. Седые волосы, собранные в короткий низкий хвост. Деловой пиджак, что сидел на фигуре как влитой, явно индивидуального пошива. Очки, что держались на самом кончике носа, имели дорогую оправу. Могу поспорить, золотую, не позолоченную. Начищенные туфли из мягкой кожи. Да вы, господин Ньор, ох как не просты...

Офицер тут же стушевался. И забормотал:

– Проверяли, но...

– А вот эта, – перст Ньора указал на меня, – если бы «баловалась», то разнесла бы полквартала, не меньше!

– Да? – нервно сглотнул командир, не веря такому заявлению.

Я же, решив подыграть незваному гостю, активно закивала, заверив:

– Могла-могла... Я себя знаю! В последний раз мы... то есть я посольство разворотила, – словно агромаг, что хвастался достижениями народного хозяйства, закончила я.

– Так что не делайте мне беременную голову, офицер. Освободите этих двоих и ищите настоящих преступников.

– Господин адвокат, вы, конечно, человек уважаемый... – попробовал возразить капитан. – И судя по тому, что прибыли спешно, это детки непростые, но...

– Я представляю здесь интересы не этих двоих, – Ньор коротко кивнул в нашу сторону, – а канцлера Толье. Я ясно выразился? – И юрист приподнял одну бровь, посмотрев поверх очков на офицера.

Этого оказалось достаточно, чтобы с нас тут же сняли наручники, буквально вытолкали из камеры и высвистн... препроводили из отделения, чтобы духа нашего и скандала (уже у них) не было.

Хотя скандальчик все же, судя по нависшему над несчастным толстяком-капитаном начальству, намечался. Ведь оное выдернули из постели посреди ночи в связи с необходимостью освободить из-под стражи парочку арестантов, в которых, как оказалось, заинтересован сам великий канцлер... А дурак-офицер перечить самому Ньюру вздумал!

Но это была уже не моя забота. А моя, как выяснилось, сидела на заднем сиденье автомобиля. Единая в двух лицах. Хвост и Мор собственными перепачканными сажей персонами. Что примечательно – в наручниках.

– Я смотрю, у вас сегодня прямо-таки ночь прогулки по отделениям правопорядка. Одних, – Ньюр, садясь за руль, кивком указал себе за спину, где расположился Мор, – из центрального выудил. Вторых – из седьмого...

– Значит, вас можно поздравить с отличным уловом, – ничуть не смутившись, прокомментировал Дэн и как бы невзначай подкинул в руке хран, который у него отняли при обыске, а теперь вернули.

– Отдай! – рявкнул Мор, совершив бросок к переднему сиденью, которое занял Стилл.

Аристократ ловко сцапал артефакт. Так что рука Толье схватила пустоту. Но если Мор ничего не приобрел в результате рывка, то Хвост – очень даже. Здоровенную шишку на лбу. Потому как ее, прикованную к запястью Мора, швырнуло вперед, когда приятель попытался достать свой хран.

– Придурок! – потирая ушиб, выкрикнула Вита. – Убьешь ведь.

– Тебя попробуй убить! – возразил Мор так, словно уже не раз пытался.

– Если ты меня отправишь на тот свет, я тебе так врежу! – пообещала Хвост и трянула кулаком.

– Работодателей не убивают! – парировал приятель.

– В моем случае еще и не выбирают, – фыркнула журналистка.

– Это вы о чем? – не поняла я смысла последних фраз.

Мор с удовольствием меня просветил и по их поводу, и по тому, что произошло после того, как мы разделились. Все время его рассказа рыжая скрипела зубами от досады.

Глава 13

Оказалось, что приятель, резво припустив за журналисткой, догнал сразу и ее, и вывих стопы, когда в прыжке повалил Хвост на мостовую. Она шарахнула его заклинанием, но Толье смог увернуться. Заломил ей руку, и... в такой неприглядной позе их и застал патруль.

Вита орала, что ее едва не изнасиловали, Толье, ловко подбросивший Вите в карман свои часы, заявил, что она его ограбила.

Слово против слова... А вдали и Хвост, и Мор вдохновенно, талантливо и с огоньком. Как итог – патрульные плюнули и забрали обоих в отделение.

Мор тут же заявил о своих правах и набрал отца. Хвост тоже. Но Ньур оказался проворнее адвоката Виты и умыкнул эту сладкую парочку из отделения раньше. Хотя рыжая и пыталась сопротивляться. Но Толье умел убеждать...

– А наручники? – Я кивнула на запястье приятеля.

– А это уже я прихватил из участка. – У Морова «прихватил» был слегка вороватый оттенок, но я не стала вдаваться в подробности. – Нужно же мне было удержать девушку рядом с собой, пока она не перестанет быть потенциальной угрозой нашему расследованию.

– Чтоб ты знал, девушку наручниками ни один настоящий мужчина подле себя не удерживает. Нам нужна свобода.

– Ты не девушка, а журналистка, я не один, а с напарницей, а про свободу, особенно слова, мы еще поговорим... – И, уже обращаясь ко мне, продолжил: – Так что, пока мы ехали до вашего участка, Вита решила изменить свои взгляды на разглашение тайн...

– Скажи уж лучше, что ты вынудил меня шантажом, угрозами и мошенничеством дать тебе клятву о неразглашении! – рявкнула Хвост.

– Я действовал самыми эффективными методами. И да, ты согласилась, только когда я пообещал тебе эксклюзивную информацию по окончании дела.

– И участие в расследовании! – поправив кепи на рыжей макушке, добавила Вита.

– Я не понял, кто кого развел в итоге? – обернувшись к нам, спросил Дэн. – Ты ее на клятву или она тебя на эксклюзив?

– Я! – гордо выкрикнули оба почти одновременно.

Мы со Стиллом на это переглянулись и... прыснули. Кого-то эти двое нам напоминали. А уж какие взгляды кидали Толье и Хвост друг на друга... такими или зашибить, или влюбить можно. И никак иначе.

Когда снайперские выстрелы этой парочки друг в друга закончились, Мор вынес вердикт:

– Так что нас теперь трое. – Он кивнул на рыженькую, подразумевая, что и она отныне посвящена в историю исчезновения Лирин.

– Вообще-то, четверо, – поправила я.

– Ты ему рассказала! – возопил Мор и прожег меня негодующим взглядом: как ты могла!

– Ну ты же сам сказал ему «да», – напомнила я.

– Я – и согласился?! Ты что-то путаешь, Ники. Я «да» даже у алтаря не готов сказать! – истово возразил Мор, словно я злостно на него клеветала.

– Даже если он жертвенный, а ты привязан к нему цепями? – с любопытством поинтересовался Дэн, он же язва несусветная в одном лице. А затем Стилл напомнил: – И вообще-то, ты мне поклялся... Так что Ники лишь исполнила твои обязанности...

– В гробу я видал такое рвение, – скривился Толье.

– Дай нож, щас организую, – с готовностью предложил Стилл.

– Не дожدهшься, – парировал приятель.

Ньюр в наш разговор не вмешивался, лишь плавно поворачивая руль машины. Но судя по полуулыбке, что гуляла по его губам, он был в курсе всего.

Лишь она одна выдавала то, что юрист следит не только за дорогой, которая по ночному времени была почти пустой.

Проспект, улица, еще одна улица. Дорога мимо центрального парка, поворот, квартал, где высотные здания ныне спавших бизнес-центров сменили особняки...

Мощный рев двигателя затих, когда автомобиль остановился перед крыльцом одного из них. Приехали...

На несколько секунд в салоне машины повисла тишина. Каждый думал о своем. Лично я о том, что мне это все одемонело. И расследование, и преследования... Я хочу простого человеческого

поспать. Желательно на ручках у одного наглого аристократа. Пусть держит меня и мучается оттого, что у него все затекло. Вот!

– Ну что, – наконец нарушил тишину Ньюр, – я свою миссию выполнил и свободен. А вам желаю удачи. С канцлером в гневе она будет не лишней...

Такого витиеватого «выметывайтесь!» мне еще слышать не доводилось. Но несмотря на обманчивость формулировок, сомневаться не приходилось: нас попросили с вещами на выход. Потому как адвокат первым вышел из авто и даже открыл заднюю дверь.

Стоя на крыльце, Толье-старший молча наблюдал за этой картиной. На его лице промелькнуло удовлетворение, когда наша бедовая четверка вышла из авто. И как только мы оказались стоящими на брусчатке, позади послышались приглушенный щелчок, шуршание шин и урчание мотора. Ньюр предпочел удалиться. И мы все ему позавидовали.

А спустя час позавидовали еще больше. Потому что канцлер умел не просто допрашивать – душу вынимать, а затем встряхивать, вытрясать, выбивать, полоскать и вешать ее на веревочке для просушки.

Зато он узнал обо всем в рекордно сжатые сроки. И когда я говорила «обо всем» – это действительно обо всем.

– Так, значит, вы решили сопоставить тех, кто выходил из ворот в тот день, со снимками личных дел адептов? – заключил Толье-старший, словно не спрашивал нас, а сам переваривал эту мысль. – Хм... интересная теория.

– Только с дырой, – подал голос Дэн.

На него сразу же все обернулись.

– Скорее всего, ваша сестра надела личину кого-то из адептов. Так меньше подозрений...

– И больше вероятность столкнуться с оригиналом, – тут же возразил уязвленный Мор, словно был матерью, у которой обидели ее кроху.

– Вы хотели сличать лица сами? – уточнил канцлер.

Приятель кивнул, кажется начав осознавать, что этим бы мы занимались как раз до конца учебного года.

– Что ж... Обе теории имеют место быть, – азартно начал канцлер. – Поэтому думаю, что стоит вас усилить...

Усиление по-канцлеровски выглядело в лицах. Трех десятках лиц агентов. Которые уже были в департаменте, когда мы туда приехали. Причем никого, кроме меня, не смущало то, что на дворе уже полночь!

Расследование, ждавшее двадцать с лишним лет, не могло сейчас еще немного потерпеть. Хотя бы до утра. Так думала я. Но не Вита Хвост, окрыленная жаждой сенсации. Не Мор, который словно почувствовал: вот еще немного, один шаг – и он найдет тетю. И уж тем более не канцлера, который мог обрести исчезнувшую сестру.

Да даже Дэн проявил интерес. Словно это могло ему самому помочь вспомнить что-то...

Только я откровенно зевала. Но продолжала из чистого упрямства тарашиться на проекцию из гравирата, сличая студентов. И с завистью поглядывая на бодрых агентов безопасности.

Мы все работали в просторном помещении. Это был один из залов, где располагалось множество столов. Сотрудники департамента разбились на группы, каждая из которых занималась идентификацией лиц, прошедших через ворота в определённые часы.

Мне досталось время между семью и восемью часами утра, которое случилось почти четверть века назад. Те, кто был на записи храна, наверняка уже успели если не состариться, то измениться. Пожить. Кто-то завел семью, детей. Или сделал карьеру. Или уехал путешествовать. Это было уже далекое прошлое. И мы в нем копались. Все тридцать семь человек, включая нашу четверку и даже самого канцлера.

Выискивали одну девушку. Еще и под личиной...

В моем временном отрезке было немного вышедших из ворот академии. Но я все равно с трудом продвигалась. В какой-то момент, осоловело моргая и пытаясь сфокусировать взгляд на очередном изображении, я почувствовала, как на мое плечо легла мужская рука.

Но ничего внутри не колыхнулось от этого прикосновения. Не защемило где-то там в груди. Сердце не стало биться чаще.

– Мор, – не оборачиваясь, не спрашивая, а утверждая, произнесла я.

– Узнала, – довольно произнес приятель, делая шаг вперед и становясь вровень со мной и продолжая приобнимать. Я не стала посвящать Толье в то, как именно я его узнала. А он, не догадываясь,

спросил: – Что произошло у тебя со Стиллом? Ты же на него смотреть не могла. А после тюрьмы... Ты... он...

– Руку убрал, – раздалось совсем рядом.

А в следующий миг справа возник собственно объект нашего с приятелем разговора. Не знаю почему, но мне захотелось улыбнуться. От одного голоса этого невыносимого, самоуверенного... но такого родного... Дэна... я чувствовала, что перестаю существовать, начинаю... Жить. Дышать. Летать.

– А ты кто такой, чтобы мне указывать? – разозлился Мор.

– Хотя бы тот, кто может тебе эти руки переломать, – спокойно произнес Дэн. – Когда они лапают чужую девушку.

Стилл выделил голосом «чужую» так, что даже табуреткам все стало понятно. Всего одно слово подействовало лучше любого заклинания. Мор тут же убрал с моего плеча ладонь.

– Ники... – растерянно произнес Толье.

Я посмотрела на Мора.

«Ты ведь не любишь меня?» – спросила одним только взглядом.

«Нет, – ответил он. – Но мы могли бы...»

«Нет, ничего бы не получилось», – я отрицательно качнула головой.

Да, Мор был хорошим другом. Но мы оба понимали, что между нами нет ничего, кроме дружбы. Останься я с Толье – это была бы сделка. Сделка с совестью. Для него я сильный маг, который может передать нашим детям свой дар. Да, в нашем союзе было бы уважение, взаимопонимание... но они не заменят любви.

Уже сейчас я осознавала, что однажды утром проснусь и, увидев на подушке лицо Мора, возненавижу его.

А Дэн... Я ненавидела его порой уже сейчас. Но еще больше любила. Возможно, у нас ничего не получится. Ни начать заново. Ни вспомнить. И мы разойдемся. Но я не предаю себя. Потому что выбирать нужно не разумом, а сердцем.

Мор все понял и, толкнув плечом Стилла со словами: «Ты мне еще дуэль должен!» – ушел.

А Дэн, глядя ему вслед, произнес:

– Вот не помню ничего, кроме того, что этот тип меня жутко бесит. Всегда. А если он рядом с тобой, то бесит в два раза сильнее.

– У вас с Толье это чувство крепкое и взаимное. Но я подозреваю, что ты не вспомнил, а возненавидел его заново.

– Если так, то это было сделать очень легко. Я даже не заметил... Все произошло в ту секунду, когда я впервые увидел его под личиной. Секунда – и он уже меня бесил. Так что я знаю все о ненависти с первого взгляда, – произнес Стилл, замолчал на секунду, пристально посмотрел на меня и вдруг продолжил: – И о любви со второго. Хотя упала ты тогда у фонтана эффектно. Но когда плюнула мне в лицо родовым обручальным кольцом... Я не смог тебя забыть.

– Швырнула в лицо кольцом, – поправила я.

– Из рта, – Стилл напомнил, как я зубами стащила с пальца злополучный перстень.

– Ну извини, швырнула как смогла. – Я развела руками.

– И тем запала мне в печенки.

– Может, в сердце. Печенки – это немного про другое, – скептически ответила я.

– Да вообще во все органы, – усмехнулся Стилл. – И это невероятно злило. Почему я тебя, предательницу, забыл, но все равно ты из головы не идешь?

– Ну прости... – развела руками.

– Это ты меня прости... Что не поверил сразу... – И Дэн протянул мне чай, над которым завивался пар. Глиняная кружка в сильных руках. Аромат меда, липы и лимона. Они дарили умиротворение и гармонию посреди этого поискового хаоса. – Я подумал, что тебе стоит сделать перерыв, – и с этими словами Дэн выудил из кармана бумажный сверток, в котором оказался сэндвич. – Перекуси и поспи. Вон там есть свободный диванчик. А я пока просмотрю то, что тебе осталось. Тем более я со своей частью уже закончил.

– Спасибо. – Я улыбнулась. Вот знает ведь этот аристократ правильный подход к девушкам!

– Не за что. А перед сном разреши пожелать тебе приятного аппетита, мое чудо... – Дэн замолчал и, когда я подумала, что это все, добавил: —...вище!

– Убью, – пригрозила, как настоящая черная ведьма.

– Буду с нетерпением этого ждать, – заверил Стилл.

А затем он отвернулся к столу, всем своим видом дав понять, что жутко занят сортировкой изображений: сосредоточенный взгляд,

скупые, выверенные, четкие движения... Он точно знал, что делает, и не рефлексировал. Мазком пальца по иллюзии Дэн отправил ее в центр, перед собой. И начал листать карусель второго храна – с личными делами.

Остановил круговерть, поймал одно из изображений, большим и указательным пальцами увеличил его, кивнул сам себе, в чем-то убедившись, и соединил их. А когда они слились в одно, сделал пометку в блокноте со списком имен.

Стилл не торопился, но и не позволял себе отвлечься на ерунду или сбиться с концентрации. Я несколько минут любовалась на то, как Дэн выполнял мою работу. Зрелище, надо сказать, было отрадным, но спать хотелось все равно сильнее. И я пошла в сторону дивана, на ходу прихлебывая из кружки и откусывая бутерброд.

Разделалась я с едой быстро, а сон со мной – еще быстрее. Не успела прилечь, как очутилась в царстве грез. И не вернулась бы из него еще долго, если бы какой-то самоубийца не стал меня тормошить за плечо. Делал он это настойчиво, словно был самой неотвратимостью.

Ну, я девушка, привыкшая смотреть трудностям в лицо. А еще я была находчивой. Так что если бы даже смерть пришла ко мне (в очередной раз!) с косой, то ушла бы точно с каре! Так что у того, кто решил меня разбудить, не было никаких шансов... выжить!

Я не глядя создала пульсар и швырнула его, чтобы отстали. И на миг действительно все стихло. А потом раздались грохот и мат. И грохот мата тоже. Приличным во всей тираде оказалось лишь мое имя. И то оно звучало с бранным оттенком.

Суть пламенной речи сводилась к: «Какого?..» Доклад в далекой от литературной форме делал сам канцлер. Зато я совершила открытие века. Зевнула. И открыла второе веко. Только не сразу сфокусировалась на декламаторе.

А потом увидела, как Дэн поднимается с пола, потирая одновременно макушку, поясницу, копчик и... да, кажется, все потирая. Или проверяя – не отвалилась ли ненароком какая часть тела, а он и не заметил.

Наконец я смогла взглянуть на этот мир, а он, полный укоризны в лицах всех агентов, на меня.

– Хорошо, что обошлось без пожара и проломленных стен. Пострадавшая психика не в счет, – наконец заключил Толье-старший, оглядывая погром, когда из цензурных слов ему на ум пришло не только мое имя. А затем спросил подчиненных: – Все данные целы?

Нестройный рой голосов заверил, что да, непоправимого урона Николь Роук не нанесла. А ведь это я даже не старалась и не прицеливалась.

– Да, над пробуждением нам надо поработать, – заключил, подходя ко мне, Стилл.

– Извини. – Я была полна смущения.

– Ничего страшного. Но в следующий раз я, пожалуй, надену бронебойный магический доспех. – И, видя, как я по самую макушку заливаюсь краской, добавил, желая меня утешить: – Зато все взбодрились, а то при завершении работы были уже как сонные мухи.

– Так вы закончили? – растерянно протянула я.

Хотела добавить: «И без меня?» – но не успела. Дэн опередил:

– Я не стал тебя будить раньше. Осталось только две иллюзии. И одна из них – дубль.

– Это как? – не поняла я: мозг хоть и очнулся, но просыпаться и включаться в работу не желал.

– Из ворот дважды вышла некая Сэмми Годс. Первый раз она покинула академию в девять утра в обычной одежде, а второй – пополудни.

– И что в этом странного? – Я помотала головой, словно мокрая собака, выбравшаяся из реки на землю, пытаюсь хоть так вытряхнуть остатки дремы. – Понимаешь, девушка решила переодеться и вернулась, а потом пошла на праздник.

– Она не возвращалась. Она вышла дважды... И да, мы проверили. В то время потайного хода через ограду еще не было. Его создал я пять лет назад. На первом курсе, – сообщил Стилл. – Так что... я ставлю на то, что тетка Мора была под личиной адепки. Хотя остается вторая леди. Ее тоже не смогли идентифицировать. Но, похоже, это была мать кого-то из студентов. Она вышла из ворот в два часа дня. Для того чтобы скрыться из академии – поздновато.

– Это же хорошо... всего две, – произнесла я.

И в этот момент к нам подошли Хвост и оба Толье. Все они услышали мои слова.

– Только на этом хорошие новости заканчиваются, – протянул приятель. – Как теперь искать Лирин – не представляю...

– Трансформирующаяся временная пентаграмма, – предложил канцлер. – Это затратно по времени и энергии, но, зная конкретные день и час, можно проследовать за моей сестрой, спрятавшейся под личиной, определенный путь. Хотя бы узнать, где она укрылась и сняла иллюзию...

Я вспомнила, как Мор чертил пентаграмму в комнате женского общежития и сколько у него на это ушло энергии. А если сделать такой же перенос с возможностью перемещения в пространстве, чтобы шагнуть за Лирин соглядатаем из будущего... Это же сколько нужно сил. И наверняка радиус действия такой переносной модели не очень и большой. А еще нестабильная матрица плетения, ведь даже статичный нырок в прошлое требует точных расчетов, в которые легко закрасться погрешности. А тут...

Все это я и спросила. Правда, короче:

– А это вообще реально?

– В теории, – ответил канцлер, но по его тону, полному решимости, стало понятно, что он предпочитает все проверять на практике.

– И сколько времени займет подобная «слежка»? – задала, в свою очередь, вопрос Хвост.

– Месяца три-четыре в лучшем случае, – прикинул в уме Мор и с сомнением добавил: – Это если вообще удастся создать такую пентаграмму.

– Нет! Мои читатели так долго ждать эксклюзива не будут! – категорично заявила репортер, хотя по ней было видно: это не сроки горят, а сра... под сидением у одной шустрой рыжей особы.

– А есть другие предложения? – вкрадчиво поинтересовался канцлер.

– Конечно! – с жаром отозвалась Хвост.

– И какие же? – спросил Толье-старший.

– Гравиратные снимки праздника! – гордо отозвалась рыженькая. – В тот день в городе был праздник. Наверняка есть много изображений...

– Наше ведомство не хранит подобные снимки, – развел руками канцлер.

– Ваше – нет, – с чувством превосходства хмыкнула Хвост. – А мое еще как!

Мол, вот, ощутите превосходство четвертой власти над первой!

– Интересно, и где? – канцлер задал очередной вопрос.

– Конечно, в архиве.

– Тогда я сегодня же, – Толье-старший вскинул руку и глянул на циферблат, – через час, в восемь, отправлю запрос в ваше ведомство.

– Запрос – это долго. Но я могла бы достать пару пропусков. Скажем, сегодня на вечер, – с намеком протянула Хвост.

А Толье отчего-то переглянулись, а затем активно согласились. Только мне было не до этих странных перемаргиваний и пропусков. Я поняла, что уже семь утра! А это значит, что если я не потороплюсь, то опоздаю на занятие. Резко развернулась и, протараторив: «До вечера», готова была умчаться во всю прыть, когда услышала Стиллово:

– Эй, ты куда?

– Если я не приду в академию вовремя, меня могут убить. А то и хуже – отчислить, – выпалила я.

– Знаешь, тебе нужно слегка пересмотреть приоритеты, – заметил Дэн и предложил: – Давай поймаю машину. К тому же и мне нужно на занятия. Я все же вольнослушатель.

– Ты и так все знаешь, – фыркнул Мор. – А вот мне – да, нужно тянуться за знаниями.

– А не только за колбасой, как сегодня ночью, – хихикнула Хвост, видимо что-то вспомнив.

Мор, что удивительно, смутился. Но ненадолго. Секунда. Не больше. А затем попросил отца взять его машину, чтобы доехать до академии. Канцлер не стал возражать.

Водитель довез нас до академии за четверть часа. Мы даже не опоздали и троицей вошли в ворота академии за десять минут до начала занятий.

Двор был полон адептов. И многие из них бросали на нас заинтересованные взгляды. Девушки особенно надолго останавливали взоры на наших со Стиллою руках, которые мы держали вместе.

А за спиной слышались шепотки:

– Они что, снова...

– Как?..

– Не может быть.

А я просто шла и улыбалась. Оказывается, может. Не вспомнить, так полюбить заново.

Такая окрыленная, я поспешила на практикум. А Дэн, наверное, на лекцию. Или спать. Судя по тому, как отчаянно он зевал, второе было гораздо более вероятно. Мор правильно заметил: Дэн и так все уже знал. Спрашивается, зачем только в академию поехал? Мог бы домой...

Об этом я и сказала в обед, когда мы встретились со Стиллом. Уже, к слову, куда более бодрым, чем утром. Видимо, библиотечный дух сказался на нем благотворно – именно в книжном царстве Дэн обретался до обеда, по его словам.

– Может, я просто хотел подольше быть рядом... – отозвался он, когда мы выходили из ворот академии, направляясь уже по традиции к кафе через дорогу, где продавался такой вкусный кофе и бутерброды.

– Ты и так, дорогой, с ней всю ночь, похоже, провел, – раздалось сбоку.

Я словно с размаху врезалась в невидимую стену. Да так и замерла. К встрече с леди Стилл я оказалась не готова от слова совсем.

– И хочу провести еще не одну. Только пусть они будут не столь бурные. Я, видимо, уже стар для такой активности, – произнес Стилл, видимо припомнив уборку, погоню, арестантскую камеру и работу с записями хранов.

– Избавь меня от этих ужасных подробностей, сын! – вскипела леди. – А лучше – и от нее.

– Только вместе со мной, мама, – отрезал Дэн.

– Она тебя чем-то опоила, одурманила, ослепила, – неверяще начала было леди Стилл.

– А может, это с ней я прозрел? Понял, что не хочу всю жизнь прожить в равнодушии с такой, как Анабель. Девушкой из высшего общества, которой от меня нужны только сила, статус, деньги...

– Ну я же вышла так за твоего отца! И мы вполне счастливы! – выпалила уже не совсем леди. Сейчас вид у матери Дэна был такой, что казалось: еще пара мгновений – и она забудет о воспитании, положении, которое обязывает. О невозмутимости она уже забыла, сорвавшись на крик.

– У отца две-три любовницы, у тебя – два любовника – сомнительное счастье.

– Обеспеченное. А ты, если останешься с ней, будешь его лишен. – И, уже обращаясь ко мне, добавила: – Поняла, мерзавка? Ты не получишь от состояния Стиллов ни гроша!

– Да я на него и не претендовала, – пожала плечами. – Это даже лучше. То, что будет у нас, будет только нашим. Без попрекания наследством и содействием.

– Дэни! Отец лишит тебя всего, – попыталась воззвать к сыну мать.

– Мой младший братец будет только счастлив, – широко, как-то с сумасшедшинкой улыбнулся Дэн. – А что до всего... Я, кажется, сегодня обрел главное, что важнее любых богатств. Смысл жизни. Оказывается, она может быть полной и счастливой у мага даже после выгорания. – Он посмотрел матери прямо в глаза. Словно одним взглядом говоря столько всего, не предназначенного даже для меня.

А я вдруг задумалась над тем, что до этого происходило мимо. Что должен чувствовать маг, лишившийся дара? Отчаяние. Страх. Одержимость жеванием вернуть силу... единственным на моей памяти, кто выгорел, был Томми Сорук. У него резерв был всего ничего, но когда Сорук заблудился в лесу и потратил всю энергию на поисковые заклинания, чтобы найти дорогу, то выгорел. Хотя он вернулся в город, прожил после этого недолго. Повесился, потому что считал, что жизнь без магии потеряла смысл. Это при малом даре... а у Дэна он был впечатляющим. Наверное, Стилл чувствовал себя слепоглухонемым калекой без рук. И неужели он мог...

– Ты не хотел жить? – потрясенно прошептала мать Дэна, неверяще глядя на него, словно продолжив мои мысли. – Но почему ты не сказал...

Дэн не ответил. А я догадывалась почему: он был слишком гордым. А еще упрямым, сильным духом, порой невозможным... Тем, кого я полюбила. А он меня – даже дважды.

Леди Стилл тоже больше ничего не произнесла, только повернулась и пошла прочь. И плечи ее были опущены. Впервые на моей памяти.

Глава 14

А я смотрела на леди Стилл и не знала, что делать. Лишь чувствовала руку любимого, что прижимала меня. И когда женщина почти скрылась – сорвалась с места. Не знаю почему. Эта женщина угрожала мне смертью, пыталась шантажировать, но... она была матерью Дэна.

Выбор, который он сейчас сделал, очень тяжелый. И расплата за него будет со Стиллом всю жизнь.

Я сорвалась с места и помчалась вслед за леди. Дэн, не ожидавший от меня такой прыти, бросился вдогонку секундой позже. Но я была словно выпущенная из арбалета стрела.

Догнала. Тронула за плечо. Леди повернулась ко мне, и я увидела ее заплаканные глаза.

– Я не знала, что чуть его не потеряла, – вдруг произнесла она. – Ты... Я тебя ненавижу. Сейчас еще больше, потому что вынуждена сказать «спасибо» за то, что ты его спасла.

– Ненавидьте, – согласилась я. – Но не отрекайтесь от сына. Вам обоим от этого будет плохо.

– И почему ты такая... правильная! Убить тебя хочется за это.

– Если решите попробовать, знайте: все, кто пытались это сделать, мертвы.

Леди горько усмехнулась.

– В этом вы с моим сыном похожи... Может, ты не такой уж плохой вариант, как казалось... Береги Дэни, Николь Роук. Ты победила.

– Я не играла и не сражалась с вами, – возразила, убирая руку с плеча леди. – Я просто его любила.

– Значит, продолжай любить так же и дальше.

И она ушла. Теперь уже окончательно. А я услышала раздавшееся из-за спины:

– На ее языке это значит «спасибо».

Дэн стоял позади и все слышал. Но не вмешивался в разговор, который должны вести лишь две женщины.

– Думаешь? – Я повернулась к Стиллу.

– Уверен. Она приняла тебя в качестве моей невесты.

– Разве?

– Если бы нет, она бы попыталась тебя убить.

– Прямо здесь?

– Когда мать в гневе, такие мелочи, как свидетели, ее не смущают.

После этих слов Дэн потянулся и поцеловал меня. Коротко и страстно. Так, что я забыла, зачем вообще нужно дышать. А еще думать, говорить, стоять на ногах...

Когда же вновь вернулась в эту реальность, то поняла одно: кажется, будущее с любимым обещает быть очень бурным. При такой-то потенциальной родственнице. И это я еще с отцом Дэна не знакома...

Развить эту мысль, а заодно и опасения не дал звонок магофона. Мор радостно заявил, что Хвост достала пропуска и мы прямо сейчас отправляемся в архив. Условились встретиться через час на его крыльце.

Как мы с Дэном добирались до условленного места – отдельная история, полная адреналина (для меня) и унижения (для Стилла). Потому как мы чудом заскочили в общественный, битком набитый вагончик, за которым я гналась почище, чем недавно за одной аристократкой. А вот когда мы очутились внутри, то выяснилось, что у Дэна нет денег. Он оставил куртку с кошельком в ведомстве канцлера. Я как само собой разумеющееся купила билеты на нас обоих. Но Стилл не привык, чтобы за него платила девушка, да еще сразу после недавних слов матери о том, что он, выбрав меня, станет нищим...

Да, он ничего не сказал, но я и так поняла его состояние и, улыбнувшись, поджала плечами. Это выбор. И он не дается в этом мире даром.

Зато домчали мы до архива быстро. Даже Виту с Мором пришлось пару минут ждать. Хвост пришла последней, но зато сразу развела бурную активность – проинструктировала. Раздала пропуска, отвесила подзатыльник Толье, а затем, скомандовав: «За мной!» – повела нас в главную журналистскую святыню – архив, где хранилось, кажется, все: все статьи, заметки, аналитика... а также сплетни и, главное, снимки!

Мор, когда мы очутились в секторе с последними, даже уважительно присвистнул. А затем задал закономерный вопрос:

– И как?

Я тоже слабо представляла, как мы сможем здесь хотя бы что-то найти. Но Вита ловким, явно отработанным движением потянула за ручку одного из ящиков секретера, что стоял на входе, и достала шар.

На миг прикрыла глаза, сосредотачиваясь, и сфера засветилась в ее ладони, оживая, а затем и вовсе она поднялась в воздух на уровне лица рыженькой. Все это она проделала под пристальным взглядом одного из хранителей.

К слову, тот взирал на Хвост хоть и внимательно, но не настороженно. Словно она была тут частой гостьей.

– Это поисковый импульс, – пояснила журналистка. – Нужно точно сформировать в голове запрос и вложить его в плетение. Тогда артефакт найдет то, что тебе нужно.

– И что ты спросила? – полюбопытствовал Мор.

– Подборку снимков с праздника цветов за нужный нам год.

– Их будет уйма, – предупредил Дэн.

– Ну, когда мы дойдем до нужного сектора, я переформулирую запрос, – пожалала плечами Хваст. Дескать, делов-то... А потом махнула нам рукой в жесте «за мной».

Мы пошли за ней, а она – за сферой, что неспешно плыла меж стеллажей.

Я ощутила себя в каком-то лабиринте истории. Когда прикасаешься к прошлому, к тому, что некогда было таким важным, а теперь не имеет значения... На этих полках хранились чьи-то лица, судьбы, да даже целые эпохи...

Как оказалось, кое-кого волновали вещи куда более приземленные.

– Какой интересный поисковый артефакт, – заметил приятель, когда мы протопали уже изрядно. – Не встречал такого раньше...

– Личная уникальная разработка самого Рунка. Как ты понял, все, что касается создания этой вещицы, хранится в секрете. – Хвост, глянув на Мора, выразительно подняла бровь. – Создана специально для поиска в этом зале. Сфера хранит в себе индексы всех коробок со снимками, что стоят на этих стеллажах, – журналистка на миг замолчала, а затем предупреждающе добавила, обращаясь отчего-то исключительно к Толье: – Попробуешь украсть поисковик – и я тебя лично придушу. Понял?

– Ты объяснишь очень доходчиво, Витесса.

– Что? – опешила журналистка.

– Кто, – поправил Мор, – Витесса Рунка, ты.

– Как... – потрясенно протянула рыженькая.

– Ну, ты меня уязвила, разгадав мою личину. А вчера, когда ты упомянула пропуска, я понял, что ты не так проста, как хочешь казаться. И решил выяснить все о тебе...

– Сын своего отца, – зло выплюнула обиженная Вита.

– А ты дочь своего, – развел руки в стороны Мор, словно хотел скатать: милая, ничего личного, просто месть.

– Ненавижу! Бесишь! Гад! – выпалила рыженькая.

– Повтори еще раз, – протянул Толье. – Это звучит как музыка для моих ушей...

– Да я сейчас выкину тебя вон! – разошлась Хвост, в смысле Рунка – дочь самого известного издателя современности. Его газетная империя могла посоперничать размахом со всем торговым синдикатом, вместе взятым.

– И лишиться эксклюзивного материала? – провокационно спросил Мор.

Вита токсично и ни капли не тактично замолчала. Демонстративно повернулась и... пошла дальше искать нужные снимки.

– Зачем ты ее разозлил? – шикнула я на приятеля.

– Извини, не смог удержаться. Ее отец столько крови моему попортил... И продолжает своими публикациями.

– Думаю, твой отвечает ему тем же.

– А то! – не оборачиваясь, запальчиво отозвалась репортер. – Столько статей зарезал под предлогом, что эти публикации могут помешать следствию.

М-да... Да тут, сдается мне, налицо долгая и непримиримая вражда двух семейств... Хотя, как показали дальнейшие события, эта вражда не помешала эффективной работе. Когда мы нашли нужный сектор, рыженькая еще несколько раз переформулировала запрос, и мы нашли пару ящиков с нужными нам снимками. И о чудо! На нескольких из них была Сэмми Пэдс. Причем сразу и в праздничном платье, и в униформе. И если на изображениях, где она была нарядная,

девушка улыбалась и шла в первых рядах парада, то на других, где она была в форме, старалась скрыться в толпе.

Но на паре кадров – где в углу, где сбоку – гравират ее запечатлел. Вот она идет по тротуару. Вот останавливается у витрины, с кем-то разговаривая. А на одном из снимков и вовсе садится в машину.

– Надо увеличить номер, – почти утыкаясь носом в снимок, протянул Мор.

– Зачем? – не поняла я. – Это же автомобиль женского монастыря святой Епиравии.

Дэн, Вита и Мор разом уставились на меня с неммым вопросом: откуда?

Впрочем, озвучил его один Мор:

– Откуда знаешь?

Ну да, этот кадр был не очень удачным. Тут ни номера не разглядеть, ни эмблемы на боку машины, с этого ракурса был виден только капот.

А я без слов вытянула из пачки еще одно изображение. Уже другого папарацци. На ней точно эта машина в этом же месте была снята крупным планом сбоку. И на задней двери отлично можно было увидеть надпись «монастырь святой Епиравии». И даже капеллана за рулем удалось разглядеть, хотя и в общих чертах.

– Но почему именно туда? – озадачился Мор.

– А чем не место, чтобы скрыться, – пожалала плечами рыженькая.

– Только зачем? – Мор в задумчивости закусил губу.

– А вот это мы и узнаем...

Вот только было легче сказать, чем сделать. Спустя два часа в закатных сумерках наша четверка медленно шла по извилистой тропинке, которая вела к главному входу в монастырь. По мере того, как мы приближались к нему, звуки громких молитв и пение женского хора становились все более различимыми. Мы оказались перед массивными резными дубовыми дверьми, от которых буквально веяло прошедшими столетиями, и я вздрогнула от внезапной тишины, когда пение оборвалось и все вокруг погрузилось в безмолвие.

Обитель хоть и находилась в пригороде, но окружавшая ее роща гасила весь шум столицы. И хоть сейчас листья с деревьев облетели, исполинские грабы, ясени, сосны стояли словно стражи, не пропуская

извне все мирское: звуки большого города, его запахи, в которых выхлопы автомобилей мешались с ароматом духов, а главное – суету.

Я чуть нервно сглотнула, когда рука Дэна несколько раз ударила о створку. Ничего. Он ударил еще раз. Погромче. И снова тишина. «Приемные часы у них, что ли, закончились?» – пришло на ум ироничное. Ну а что? Вдруг у сил небесных тоже есть закон защиты трудовых прав? Мало ли когда страждущие решат помолиться? Что, совсем без отдыха, что ли, работать там, в вышней канцелярии?

Словно услышав мои богохульственные мысли, дверь резко отворилась, едва не стукнув Стилла по носу.

Появившаяся высокая худощавая старуха в черном одеянии напоминала вопросительный знак. А самой примечательной ее чертой был нос – длинный, крючковатый. Он по очереди указал на каждого из нас, пока монахиня бдительно осматривала сначала Дэна, потом меня, затем внимания удостоились Вита и Мор.

– Кто вы и что вам нужно? – спросила старуха строгим тоном.

– Путники, которые пришли за ответами, – скромно, явно напоказ улыбнулась Вита.

Старуха посмотрела при этих словах на рыженькую так, что я сразу поняла: прокляла. Ну и что, что чернорясница была монахиней. Может, она стала ей из раскаявшейся ведьмы!

– Мужчинам здесь не место! – отрезала сурово старуха.

– Как? – делано изумился Мор. – Я, может, хотел уйти в монастырь! Женский. И что же, не пустите? Не дадите приобщиться к вере? – провокационно закончил он.

– Богохульник! – рявкнула монахиня и хотела было захлопнуть дверь, но Стилл ловко вставил в щель сапог. Судя по тому, как на миг дрогнуло его лицо, старуха шибанула створкой от души. А затем, понимая, что просто так от нас не отделаться, старуха взвизгнула: – Мужчинам нельзя!

– А агентам службы безопасности? – Толье вышел вперед и достал из кармана зачарованную бляху, подсунув ее под самый нос монахини.

Я не понимала, почему Мор сразу не достал жетон, но, видимо, у него на это был свой расчет. Какой – я поняла чуть позже, когда он довел монахиню до состояния кипения. Что еще немного – и она рванет, ошпарив нас своей злостью.

В таком состоянии старуха перестала тщательно контролировать свои слова. Потому-то, пока вела нас к игуменье, сама того не подозревая, она выдала нам главное: да, здесь искали порой кров девушки, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Правда, выразилась она куда прозаичнее, отвечая сразу и на вопрос Дэна: «А почему нельзя?» – и на уточнение Мора «Совсем нельзя?»

– Мало вам, мужикам, девок за этими стенами портить так, что приходят сюда зареванные да брюхатые на роды! Еще и в обитель саму лезете.

– Только на роды? Не на постриг? – спросила я, когда в голове начали с бешеной скоростью вращаться шестеренки. Еще немного – и они застынут, аккуратно подогнанные друг к другу в едином цельном механизме. Но пока... Обрывки сведений вертелись, крутились, подгонялись друг к другу, как детальки.

За Лирин в академии увивался Олав. А за ним тянулся след из «попорченных», если выразиться словами монахини, девиц. Все они были от него беременны и покинули академию каждая в свое время, а затем «случайно» погибли. А что, если и Лирин была... поэтому-то и приехала сюда. Тогда логично, почему она скрыла позор от семьи.

– Кто только, а кто и остается, – пожала плечами провожатая.

К этому времени мы как раз дошли до кабинета игуменьи. Монахиня сначала вошла сама, видимо предупредив, кто пожаловал к настоятельнице обители, а потом уже пригласила войти. А сама удалилась.

Игуменья оказалась дамой дородной, с хоть и строгими, но располагающими чертами лица. Она смотрела на нас через очки в толстой роговой оправе пытливо и с интересом.

– Надо же, какие нынче юные агенты тайной канцелярии пошли... В последний раз, лет десять назад, ко мне заглядывал следователь, вокруг которого клубилась сплошная тьма. А вы светлые все. А ты, – она кивнула на меня, – и вовсе сияешь, словно хранишь в себе саму жизнь. Рядом с тобой и пустота обретает смысл. – Она перевела взгляд на Дэна.

– Откуда... – потрясенно протянула Вита. А я начала догадываться, о чем будет ее следующая статья. О чудесах в монастырских стенах. Ведь маг, принимая постриг, отказывается от своей силы. Тогда откуда у игуменьи дар провидицы?

Настоятельница отечески улыбнулась рыженькой и пояснила:

– Обычно у монахинь есть обеты. Кто-то мяса не ест, кто-то всю жизнь ходит лишь в льняной одежде... За это небеса порой даруют нам силу. Это как ваш магический дар, только божий. Чем строже обет – тем больше сила. Но и держать данное небесам слово не просто. Я вот могу видеть суть людскую...

Мысленно присвистнула: ничего себе способность! Такой даже архимаги не обладают! Это ж какой у нее обет-то тогда?

Не одна я задалась таким вопросом. Но журналистка его еще и озвучила:

– А что вы за это пообещали двуединому?

– Всегда говорить лишь правду. – Игуменья развела руками и вернулась к основному вопросу: – Так о чем вы хотели узнать? Неужели о дарах и обетах?

– Скорее о чем. О прошлом, – вступил Мор. И, достав снимок гравирата, выложил его на стол со словами: – Вам знакома эта девушка?

Настоятельница взяла картонку в руки, внимательно посмотрела на нее и произнесла:

– Девушка?.. Нет...

Меня что-то в ее тоне зацепило. Да, лгать она не могла (с ее же слов). Но кто мешает обходить формулировки? И когда Толье уже опечалился, я спросила, как выстрелила:

– А женщина?

– Что? – не поняла настоятельница.

– А эта не девушка, но женщина вам знакома?

Настоятельница посмотрела на меня остро, пронзительно, так что стало ясно: она догадалась, что я все поняла.

Тут уже Мор, увидев реакцию женщины, начал напирать:

– Что вам известно о той, которую чуть больше двадцати лет назад звали Лирин?! – приятель понял, КАК нужно формулировать вопросы, чтобы получить на них нужные ответы.

Не сказать, чтобы игуменья сдалась без боя. Но Толье отлично освоил азы дипломатии: шантаж, угрозы и подкуп.

Да и Вита, как истинная акула пера, сумела сыграть на нужных нотах. Мы со Стиллом были молчаливой группой поддержки, которая в разгар допрос... разговора настоятельницы и Мора с Витой

удалилась. Мы с Дэном, не мудрствуя лукаво, решили обратиться к тому, что не раз нас выручало, – к книгам. Точнее, к архиву записей. Если Лирин приехала люда и родила, значит, об этом должна быть запись.

– И как мы ее найдем? – оглядывая пустые коридоры, спросил Стилл.

А я вместо ответа достала поисковую сферу.

Не тому Вита намекала, что не стоит красть разработки. Не тому...

– Ники. Ты чудо настолько, что иногда чудовище.

– Спасибо за комплимент. – Я улыбнулась и сжала поисковик в руках. Не уверена, что это сработает, но вдруг...

Четко представила себе книгу записи и отпустила шар. Думала, он неспешно поплывет по воздуху... Ха! Если взламываешь чужие чары, будь готова к неожиданностям. Наша, например, стрелой сорвалась с места и бешеным фаерболом помчалась во тьму коридора.

– За ней! Пока не ушла! – крикнул Дэн, на ходу набирая скорость.

Я поднажала за ним, но... Опыт, мощь, длина ног, в конце концов... все было против меня, и я начала позорно отставать. Утешала себя тем, что Стилл быстрый, догонит. А я того... этого... группа поддержки! Вот!

Эта благодатная мысль снизошла на меня, когда я давала кросс по шибко населенной монашками обители. Я как раз пыталась обогнуть двух служительниц двуединого. До этого меж ними пролетел раскаленный добела поисковик, потом Дэн. К слову, он виртуозно перепрыгнул преграду в виде большой корзины белья, которую служительницы несли вместе: каждая держала ручку с одной из сторон.

Стилл лишь причесал своей светлой макушкой высокий стрельчатый потолок и был таков. Мне исполнение подобного трюка не светило даже в теории, поэтому я нацелилась на щель, что была меж спиной одной из монахинь и стеной. Но та, словно почувствовав мои намерения, прижалась к кладке плотнее с видом: «Ты не пройдёшь!»

– Крыса! – заорала я дурниной, тыча пальцем за спины служительницам. – Плотоядная! С кабана размером!

То ли я была очень убедительная, то ли магическое слово «крыса» сработало, но монашки взвизгнули, выронили корзину, метнулись в объятия друг друга, а я с криком:

– Спасайтесь! Я ее задержу! – промчалась меж одной из женщин и стеной.

Лихо завернула за угол и там поняла: овощ Дэну в помощь, точнее, хрен с ними, со Стиллом и забегом. Я группа поддержки, и все тут! Сил моих дамских на эти догонялки нет. И пошла пешочком. Как оказалось, идти было недалеко. Буквально по лестнице на первый этаж спуститься и пройти молельный зал, где стояли статуи святых и двуединого, что одним ликом был грозен и обычно при этом держал в руке клинок, а вторым – ласков, и в его ладони была чаша с водой.

Я уже миновала статую, когда поняла, что тут не так. Оружия у двуединого-воина не было. Вместо него было пусто.

В чьих руках оно было ныне, я узнала, когда, миновав зал, дошла до входа в монастырскую библиотеку. Перед ее дверьми на коленях стоял Дэн. Над ним в нетерпении зависла сфера. Она то и дело поворачивалась вокруг своей оси, разбрасывая фонтаны искр. Стилл ковырял замок кинжалом.

– Только не говори, что спер оружие двуединого.

– Не буду, – согласился Стилл. – Хотя странно слышать такое от той, что умыкнула секретную разработку.

– Я хотя бы у живого своров... позаимствовала! А ты и вовсе у божества!

– Зато как божественно он взламывает замки, – не смутился Дэн, подкинул кинжал на руке, словно проверяя балансировку, а затем спрятал его в голенище.

Я осуждающе посмотрела на аристократа.

– Верну. Ну не с клинком же мне в руках расхаживать по монастырю, – пожал плечами Стилл и открыл дверь.

Поисковая сфера тут же влетела в хранилище и зависла рядом с одной из полок, где, как оказалось, нас и ждала книга монастырских записей. Поисковое заклинание не только услужливо указало на нее, но даже прошелестело страницами и подсветило строчку с именем Лирин. Без фамилии. Но я не сомневалась: это та самая.

И дата отличалась от того дня, когда леди Толье пропала на семь месяцев. Но не это было главным, а то, что рядом с именем была

строчка: «Родила на свет с божьего благословения дочь и нарекла ее Адель».

Я едва успела разобрать убористый почерк, как страницы вновь зашелестели. Я просила найти любые упоминания о Лирин Толье, и заклинание исправно выполняло указ.

А спустя два десятка (может, больше) листов мы прочли новую запись. О том, что Лирин отрекается от мирского имени и отныне становится монахиней Эолой.

– Выходит, она где-то здесь? – не веря, спросила я.

– Выходит, что да... – отозвался Дэн и, схватив сферу, приказал: – Найди нынешний план заселения келий.

Поисковик брызнул снопом искр, от которого я едва уберегла монастырскую книгу, и неспешно поплыл к столу. На нем под стеклом была та самая схема. И имя Эола мы нашли быстро.

– Восточное крыло, третья слева, – словно запоминая, произнес вслух Дэн. А затем мы отправились за той, кого не считали ни мертвой, ни живой уже больше двух десятков лет.

Лестница. Коридор. Поворот. Еще один коридор. Молельная зала. Галерея. И вот мы у нужной комнаты. Я нервно сглотнула и посмотрела на Стилла.

– Давай вместе! – понял мою нерешительность он.

И наши костяшки синхронно ударили о дерево.

Глава 15

За створкой раздалось шуршание ткани, шаги. Скрипнули петли, открывая не вход в келью, а, кажется, тайны прошлого, и на пороге мы увидели женщину. Она была почти точной копией Мора. Настоящего Мора, без личин и иллюзий. Только морщин побольше, взгляд глубже и мудрее, губы пухлее, подбородок не столь упрямый. Линии плавнее.

– Лирин? – мой голос показался вороньим карканьем.

Монахиня вздрогнула, но двери не закрыла.

– Вы от него?

– От кого – него? – не понял Стилл.

А я вспомнила, как удивился Олав Эскобар, когда увидел иллюзию Лирин. И картинка сошлась. Он знал все это время, где леди Толье, кем она стала, поэтому так и изумился.

– Эскобар мертв.

– А демон? – произнесла и, кажется, сама испугалась своего вопроса монахиня.

По тому, как Толье облегченно прикрыла глаза, как ее рука, намертво вцепившаяся в дверь, опустилась, а она сама едва не упала, стало понятно, в каком напряжении она находилась все эти годы.

Стилл подхватил Лирин, не дав ей свалиться, и предложил:

– Может, побеседуем в вашей келье?

– Да-да, конечно... – пробормотала Лирин.

Она не сразу пришла в себя, но, когда все же смогла нормально говорить, рассказала, что случилось. Тогда, будучи адепткой, Лирин совершила непростительную при своем статусе вещь. Она влюбилась. В Олава Эскобара, еще ничего о нем не зная. И окунулась в это чувство с головой.

Настолько, что забылась и забеременела. Тут-то Лирин случайно и узнала, что не она первая, кто носил под сердцем ребенка от Эскобара. И вместо того, чтобы обрадовать Олава новостью, что он вскоре станет отцом, Толье начала выяснять, кто же ее предшественницы и что с ними стало.

Чем больше она узнавала о девушках, тем сильнее было ее желание скрыть беременность. А Эскобар меж тем начал вести себя

странно, задавать вопросы, словно что-то подозревая. Это насторожило Лирин еще больше, и она начала за ним следить. И однажды увидела, как ночью в саду из тела Олава вышел демон. Толье испугалась. До безумия.

Решение скрыться ото всех она приняла быстро. А вот с выбором места, чтобы никто, а главное, Эскобар ее не нашел, решалась долго. Остановилась на монастыре. Его стены глушили любые поисковые чары извне. Об этом она узнала на исповеди, когда в отчаянии пришла в один из храмов. Ей оставалось уповать только на высшие силы, и они ей помогли, направили.

– Но почему вы все не рассказали отцу? – не поняла я. – О беременности. О том, что Эскобар одержим.

– Это был бы позор для нашей семьи. Меня бы сначала заставили избавиться от плода, а потом либо выдали бы замуж, либо сослали бы в монастырь, а дело замяли. Эскобар был из Фларнии, уважаемого рода. Портить отношения из-за слов девицы, что нагуляла ребенка вне брака, и обвинять Олава в том, что он одержимый, – по меньшей мере международный скандал. К тому же Эскобар скрывал демона очень искусно. Так может только тот, кто отдал свое тело добровольно злым силам. А это значит, что и проверки экзорцистов он мог пройти. Я решила сама заплатить за свои ошибки и... поплатилась.

– Он вас нашел, – уверенно произнесла я.

Лирин вскинулась:

– Откуда ты знаешь?

– Перед тем как мы убили демона, что поселился в теле Эскобара, Олав вас узнал. И не просто узнал, а спросил, откуда вы здесь, в посольстве. Словно знал ваше точное местопребывание.

– Ты права, Ники. Эскобар меня нашел. Через год, когда я уже родила дочь. Сказал, что почуял родную кровь. Когда он это говорил... – Лирин сглотнула, невидяще глядя перед собой, словно она сейчас потерялась меж теней далекого прошлого, – я видела, что эти слова произносит не человек. Демон. Это пламя в его глазах...

Толье закрыла лицо руками и заплакала.

– Я только тогда поняла, что родила не дочь, а демонессу, полукровку. Эскобар забрал ее у меня, сказав, что научит девочку жить среди людей. Тем более с малым даром моей крошке спрятаться будет

не сложно... А мне приказал не покидать стен монастыря, если я хочу, чтобы мой ребенок был жив.

Я смотрела на монахиню, которая стала заложницей своей любви. Сначала к мужчине, потом к ребенку. И сдается мне, вторая любовь была в разы сильнее первой.

– Теперь, когда все кончено и Эскобар не сможет навр... – начал было Дэн, но его прервал стук в дверь.

Я поспешила открыть и увидела на пороге красную как рак настоятельницу, опешившего Мора и возмущенную Виту. Если приятель был удивлен тем, как мы тут оказались, то журналистка – тем, что кто-то опередил ее в погоне за сенсацией!

– Ну вы даете! – фыркнула рыженькая, грозно сдвинув кепку на бок и уперев руки в бока, точно готовилась к разборке.

А приятель выдавил:

– Ты... он... она... как...

Настоятельница же хранила гордое молчание.

– Я так понимаю, что шантаж... кхм, переговоры прошли успешно? – поинтересовалась я у Толье.

– Более чем, – вернул дар речи друг и посетовал, кивнув на Дэна, маячившего за моим плечом: – И почему этот белобрысый везде успевает вперед меня?

– Этот белобрысый вообще-то тут. И не только я.

С этими словами Стилл отошел в сторону. Я тоже отодвинулась, давая возможность приятелю разглядеть за нашими спинами Лирина.

Мор на миг замер, а потом сделал шаг навстречу тете, которую видел впервые. Его глаза при этом светились счастьем. И ее тоже.

– А мне одних эмоций мало, – раздалось с порога. – Я требую подробностей.

Репортер была в своем репертуаре. А я вздохнула, понимая, сколько всего придется пересказывать.

Машина, вызванная Мором, к воротам монастыря подъехала глубокой ночью. В респектабельный автомобиль влезла наша четверка и Лирина. Да, она не сняла монашеского одеяния, но теперь могла себе позволить выйти из стен обители и встретиться с братом, который для всех был великим железным канцлером, а для нее – младшеньким непоседой, с которым она так долго не виделась.

Лишь когда я опустилась на заднее сиденье машины, смогла выдохнуть, наконец-то осознав не умом, а тем, что намного глубже: сердцем, душой, нутром, – что все! Расследование закончено. Мы нашли тетю Мора! Можно выдохнуть и заняться наконец-то учебой и только ей.

Стоило только подумать о занятиях, как тут же мысленно застонала, вспомнив о том, как много мне задано. А это значило одно: еще одна бессонная ночь впереди! Потому-то и попросила приятеля отвезти меня в академию. У Толье сейчас счастливое воссоединение семейства, и хотя друг уверял, что в его доме мне всегда рады... но не хотелось им мешать. Опять же, доклад по истории магии сам себя не напишет.

Мор лишь вздохнул и сообщил водителю, чтобы перед тем, как поехать к особняку, меня доставили к восточному забору академии. Шофер наверняка удивился, почему не к воротам, но виду не подал. Профессионал!

Стилл тоже изъявил желание выйти у забора.

– Ты же вольнослушатель, – напомнил Мор, поддев Стилла. – В мужское общежитие тебе хода нет. А в женское – тем более.

– И это говорит тот, кого я туда затаскивала через окно сушильной комнаты? – невинно уточнила я, напомнив, как приятель пробрался в бывшую комнату Лирин.

– Не помню такого, а значит, этого и не было, – сделав морду булыжником, невозмутимо прокомментировал Толье.

Я лишь фыркнула. Удостоилась подозрительного взгляда Дэна, но по примеру приятеля проигнорировала все выразительные взоры в свою сторону. А Мор меж тем напомнил о шпильке:

– Может, тебя, Стилл, все же подбросить до дома?

– Нет, я, пожалуй, прогуляюсь, чудесная осенняя ночь, в такую особенно упоительно дышится...

Спустя четверть часа я, стоя у забора, где нас высадили, поинтересовалась:

– Уп-п-п-оительно, г-г-говоришь? – Я дрогла от холода.

Изо рта вырывались облачка пара. Немудрено: вокруг все лужи были покрыты льдом, а жухлая трава – инеем. Но самое паршивое не это, а то, что тайный лаз, похоже, перестал быть тайной для преподавателей и его запечатали. Вот демоны!

– Угу, – согласился Дэн. – В такие вечера хочется упиться чем-нибудь покрепче, чтобы согреться. Например, поцелуем...

Мы стояли как раз у закрытого ныне прохода. Озябшие. Уставшие и... Счастливые!

Не знаю, кто потянулся навстречу первым. Наши губы соединились. Это было грешно, чувственно, влажно, дико. Как будто мы целую вечность ждали сегодняшней холодной ночи. Наше безумие, одно на двоих.

Сила Дэна, его энергия и напор – они окутали меня, спеленали и унесли вон из этой реальности. В этот миг мы были выше облаков, выше самого неба. Чувства, что бурлили внутри, растекались с кровью по венам, лишали воли.

Стилл целовался так, что все мысли разом исчезли из моей головы. Его губы пленяли, язык исследовал мой рот, словно в первый раз. Ласки, что мы дарили друг другу, были беспощадными и нежными.

В этом единственном поцелуе было больше порока, чем в самых откровенных фантазиях. Рядом со мной вновь был тот самый Стилл, с которым я встретила в комнате гостиничного номера, с кем удирала от блазней, кто спас меня от ликвидатора, кому я отдавала весь свой дар, чтобы одолеть демона, и себя отдавала тоже.

Дэн умел сражаться, добиваться своего, идти напролом. А еще целоваться! Он демонски целовался.

Его язык дразнил, поглаживая, то почти невесомо, то проникая глубоко. Настолько, что я каждый раз невольно вскрикивала от наслаждения, прижимаясь к напряженному телу все сильнее и отчетливо ощущая его мужское желание.

Рука Дэна скользнула выше, лаская мой затылок, зарывшись в волосы, а правая нырнула под успешную выправиться рубашку и касалась кожи на животе, а затем отпрянула.

А я задрожала всем телом, ожидая продолжения. Я хотела ощутить Дэна. Его касания. То, как он поглаживал и сжимал мою грудь, то, как он был во мне... Я так сильно этого желала, что невольно застонала.

Этот тихий звук, сорвавшийся с моих губ, скользнул между нами, и Стилл открыл чуть прикрытые до этого глаза и посмотрел на меня взглядом, в котором было все: нежность, страсть, желание, любовь и...

я. Мое отражение. Распухшие от поцелуев губы, растрепанные волосы и шальная улыбка.

Наше рваное дыхание сплелось в одно, и Дэн выдохнул:

– Ты мое личное безумие, Ники. И я хочу, чтобы оно продолжалось целую вечность.

– Так продолжай! – Мои ногти впились в обнаженное плечо Стилла. Как при этом моя рука оказалась там, да и почему рубашка на Дэна была расстегнута – я сама не знала.

– Провоцируешь? Я не железный...

– Да? А твердый как... – я коварно усмехнулась.

– Не здесь. И не сейчас. Как ты смотришь на то, чтобы в эти выходные пойти со мной на свидание?

– Надеюсь, оно будет проходить не там же, где твоя дуэль с Мором? – напомнила я о том, что эти двое назначили официальную дату для драки.

– Нет. С Толье я сам все решу, без свидетелей. А тебя я хочу пригласить в ресторан.

– М-м-м? – Я удивленно вскинула бровь.

Дэн пояснил:

– Не знаю, как я ухаживал за тобой в наше первое знакомство, но сейчас я хочу, чтобы наш второй раз был полон романтики.

– В первый ты обещал меня придушить. – Я припомнила, как, обнаружив пропажу дара, Стилл подкараулили меня в коридоре и прижал к стене, обещая убить, если не верну его стихию.

– О некоторых моментах нашего прошлого мне все же лучше не знать, – дернул уголок губ Дэн. – А сейчас позволь мне тебя проводить до общежития.

– Как? – задала я закономерный вопрос.

– Ты думаешь, у меня был только один тайный лаз? – хитро спросил Дэн.

Второй «запасной вход» оказался в северной части забора. Стилл аккуратно вытащил из паза штырь, затем я пролезла в дыру. Ну а Дэн следом и так же аккуратно вернул кованую железяку на место. После чего он галантно предложил руку, и мы вышли на аллею.

На удивление, нам не попалось ни одного блазня! И это настораживало. Впрочем, может же нам когда-нибудь да повезти? Для разнообразия хотя бы.

Мы дошли до фонтана. Он находился под магическим куполом, поэтому несмотря на то, что вокруг вода уже была тверда, как лед, в чаше она всюду плескалась.

– Спасибо за то, что проводил. – Я чувствовала себя странно. Точно школьница на первом свидании, которая не знает, что сказать, и... да вообще ничего не знает, кроме как робеть, тушеваться, смущаться.

Дэн решил все за меня. Как серьезный взрослый мужчина, он произнес:

– До завтра, мое чудо. – И совершенно несерьезно поцеловал меня в кончик носа.

А затем развернулся и пошел прочь, оставив у фонтана нас двоих: меня и мою растерянность. Я опустила руку в воду. Та была теплой, успокаивающей. И не сразу среди тихого плеска воды услышала шипение.

Медленно повернула голову и увидела, как на инистой траве ко мне стремительно приближается черная лента.

Змея! Откуда? В такую холодрыгу даже василиски спят. А они полутеплокровные!

Огненный сгусток оказался в руке сам собой. Я швырнула его в тварь. Но та вместо того, чтобы испепелиться, лишь выросла в размерах и не прекратила своего ко мне движения.

– Дэн! – заорала, создавая новое атакующее заклинание, мощнее. Откуда-то внутри появилось чувство: это все, конец. Сколько меня ни пытались убить, громко, с размахом, но вот так будет выглядеть моя смерть.

Оно слетело с моих пальцев в тот миг, когда развернувшийся Дэн стремительно понесся ко мне и заорал:

– Нет!

Фаербол врезался в змеевидное тело – и ничего! Оно стало лишь больше. А тварь-муть медленнее подползла ко мне. Поднялась, раздувая свой капюшон.

Дэн резко замер и тихо и плавно протянул, словно играя на флейте:

– Ни-ки-зам-ри. – Я послушалась, застыв.

Меж тем голова змеи поднялась еще выше, так что меж моим лицом и ее ощеренными клыками было фута три, не больше. Если бы я

вытянула руку, то могла бы дотронуться до ее трепетавшего раздвоенного языка.

– Не шевелись, – меж тем приказал Дэн.

Я скосила на него взгляд. От Стилла до твари было шагов двадцать, не меньше. Что он собрался сделать? У него же нет магии.

А Дэн меж тем единым слитным движением потянулся к сапогу. Это заметила и змея и не стала медлить. Она сделала резкий выпад, целясь мне в шею.

Я выставила руку, закрываясь и понимая: бесполезно. Яд все равно проникнет мне в кровь. И тут из кустов раздался рык и наперерез твари ринулась... Пуся!!!

Химера вцепилась ядовитой гадине в основание шеи. Всего секунда, но этого оказалось достаточно.

Короткий замах Дэна. Свист кинжала в воздухе, и... Тварь пригвоздило клинком к бортику. Я тут же отскочила и увидела, как чешуйчатое тело начинает гореть изнутри, как оно трескается, словно земля от распиравшей изнутри лавы. Все это – под пронзительный вой и шипение, которые издавала тварь.

Пуся отскочила от своей жертвы и воинственно заурчала. Но ее голос быстро потонул в вое агонизировавшей змеи. Он становился все сильнее. В какой-то момент мы даже заткнули уши, потому как мне показалось, что вот-вот лопнут барабанные перепонки.

А потом все стихло.

Первое, что я смогла услышать, – это вопрос Стилла:

– Ты цела?

Кивнула, пытаюсь понять, так ли это на самом деле. А потом... первыми среагировали, как ни странно, преподаватели, а не блазни. Уже через несколько минут фонтан был окружен магическим барьером по периметру, а нас со Стиллом и Пусей, которую аристократ держал на руках, препроводили к ректору в кабинет.

Миранда Гирс встретила нас в повязке, скрывавшей ее изувеченный глаз, ночном колпаке и милой розовой пижаме в пол. Зато со шпагой в руке.

– Опять вы... – вместо приветствия начала она. – Что на этот раз?

– Мяу! – гордо заявила моя спасительница.

– Таргуйская мейба на территории академии. Пыталась убить Николь Роук, – бодро отрапортовал Дэн.

Что это за тварь такая, я узнала чуть позже. Оказалось, она уроженка степных болот, плотоядная, но не прочь отведать и магии. С нее она растет практически мгновенно. Но главное не это, а то, что мэйба не восприимчива к атакующим чарам. Вообще.

Это могло бы быть использовано в военных целях, для уничтожения магии у противников, если бы не одно но: люди практически не могли управлять этими тварями. А вот демоны – да. Да и вообще эти твари из Пекла могли подчинить себе любую нечисть. Тех же волкодлаков.

Но какого?.. С демонами ведь покончено! Мы с Дэном и Мором лично убили Эскобара!

Голова отказывалась думать, и похоже, что не у меня одной. Поскольку ректор, помассировав виски, задала риторический вопрос:

– И что мне с вами делать?

– Понять, простить и отпустить? – предложил Стилл.

– Чтобы вы к утру еще чего натворили? – скептически спросила ректор. И уже тише, словно проговаривая мысли вслух, прошептала: – Опять, демоны подери, нежить на территории академии... я не верю в совпадения...

– Мяу! – согласно (и громогласно!) завила Пуся.

Гирс вскинулась и сурово поинтересовалась у Стилла:

– Кстати, как ты оказался на территории академии ночью? – этим вопросом она выстрелила в аристократа, а затем, не дожидаясь ответа, перевела взгляд на меня и уточнила: – А ты почему не в своей постели? И эта... – грозный взгляд на Пусю, – что вообще здесь делает?

«Живу и охочусь!» – всем своим видом заявила химера. Дескать, это вы, госпожа ректор, тут баклуши бьете, а я спасаю ваших подведомственных адептов от смерти. Цените и благодарите колбасой! Я жду!

– Мы срочно понадобились канцлеру Толье, он нас вызвал по делу, а потом... вернул в академию.

– С кошкой? – Гирс демонстративно сложила руки на груди, напомнив мне в этот момент легендарного дракона: мол, врите дальше, я вас внимательно скушаю...

– С ценной боевой химерой, у которой есть навыки телохранителя, – возразил Стилл. – Она отлично умеет драть

противников. До трусов... кхм... до резаных ран одним махом! Даже мейбу атаковала. Если бы Пуся не отвлекла на себя ее внимание, Ники бы погибла.

– Даже так... – иронично заметила ректор, а потом поинтересовалась: – И как же ваша троица просочил... прошла сквозь ворота академии?

– Никак. – Дэн своей честностью сегодня мог дать фору настоятельнице монастыря. А ведь он никаких обетов не давал. Наверное... – Мы прошли через тайный лаз.

Я уже было схватилась за сердце: выложит ведь все как на духу, но тут Стилл добавил: – Через тот ход у восточного забора...

– Запечат... – выдохнула ректор, но потом осеклась, видимо поняв, что прокололась. Затем напустила на себя суровый вид и приказала Седерику Бруквору – тренеру, который и конвоировал нас сюда: – До утра этих двоих оставляю под вашу охрану. И чтобы никто не умер!

Тренер заверил, что все будет в лучшем виде, и вывел нас из кабинета. «Лучший вид» в исполнении тренера был видом из окна его спальни, куда нас посадили под арест... кхм, пригласили в гости.

– Вы тут посидите, пока я чай приготовлю и что-нибудь перекусить, – сообщил спустя полчаса Брукс и удалился. Только перед этим навесил на окна, пол, потолок и Пусю охранные чары.

Химера была польщена, что ее сочли то ли особо ценной особой, то ли очень опасной... Но она сидела и гордилась на кровати. А еще урчала от удовольствия, когда Стилл ее гладил.

Я же развалилась на постели. Мозг отказывался думать, и только одна мысль не давала покоя...

– Откуда ты узнал про то, что Пуся отлично может расцарапать до подштанников? – я вспомнила оговорку Стилла в кабинете ректора.

– Не узнал. – Дэн повернулся ко мне. – Я вспомнил.

– Что-о-о-о?! – изумленно выкрикнула я и резко села.

– Всё, – просто ответил Стилл. – Благодаря ей... Как увидел твою химеру, которая грызла змеиный труп, так меня и перемкнуло...

А я... Я засмеялась в голос, а из глаз брызнули слезы. Вот как так?! Что за вселенская несправедливость? Дэн не вспомнил меня, когда мы целовались, когда сбегали от офицеров, сидели в тюрьме, когда я кольцо родовое ему отдала... А стоило появиться Пусе...

– Ники, кажется, у тебя истерика, – произнес Дэн, обнимая меня.

– Это не истерика, – я шмыгнула носом, – это ревность...

– Ревность? – не понял Стилл.

– Угу. Никогда не думала, что буду ревновать к Пусе, но... Она совершила чудо!

– Она вообще у тебя чудесная, – заметил Стилл.

– Мяс... – согласно подтвердила химера.

Тут дверь спальни отворилась, и вошел Бруквор с подносом еды. Там были и копченая вырезка, и сыр, и поджаристые тосты с джемом...

Надо ли говорить, что почти все досталось пушистой звезде этого вечера? Пуся была на седьмом небе от счастья. А как она ластилась к тренеру... кажется, это была любовь с первого кусочка. А Седерик еще не знал, во что он вляпался: если Пуся хотела осчастливить кого-то собой в качестве питомицы, сопротивляться было бесполезно.

Глава 16

После еды меня разморило, и я уснула. А когда проснулась, выяснилось, что тренер был приверженцем строгих правил, потому отправил Дэна ночевать на софу внизу. А Сам тренер расположился рядом со Стиллом, в гостиной на кресле.

Этих двоих я и увидела на рассвете, когда спустилась. Решила не будить и отблагодарить хозяина дома, приготовив завтрак. Да, была столовая, но домашняя еда – это же совсем другое.

Спустя полчаса Стилл и Бруквор проснулись как по команде от запаха пышного омлета. Седерик еще и обнаружил у себя на коленях свернувшуюся Пусю.

А после завтрака мы со Стиллом оправались в учебный корпус, где и выяснилось, что в академию была вызвана команда экзорцистов, чтобы проверить всех, кто здесь обучался, учил, работал или просто мимо пролетал, на предмет подселенцев.

Не знаю, что стало тому причиной: то ли это была инициатива ректора, которая, как и я, озадачилась странностями, то ли канцлер решил проявить инициативу...

Так или иначе, проверки продолжались всю оставшуюся неделю, и она выдалась (случайно совпало, или мой убийца затаился) тихой и спокойной.

Я налегла на учебу, буквально не поднимая головы от книг, а Дэн помогал мне, объясняя те темы, которые в обычной школе не проходили, а в академии считалось, что студент это все должен уже знать.

Я так усердно занималась, что едва не забыла о том, что в выходной на вечер у меня назначено свидание. Благо Стилл напомнил. Раз дцать. И даже прислал шикарное вечернее платье и все, что к нему полагается для выхода в свет.

Я достала из коробки насыщенно-алое вечернее чудо. Длинное, элегантное, оно открывало плечи и имело два высоких разреза на подоле. Когда я надела его, то почувствовала себя королевой.

И такой королевой я вышла из нанятой Дэном машины, продефилировала около ста шагов вдоль набережной, на которой

располагался ресторан, и такой появилась в зале, думая, что меня там ожидает Дэн. Но реальность оказалась куда больше, шире и... многолюднее!

Лори, Дара, Мор с отцом и тетей, даже Силь! Вита, что примечательно, пришла без гравирата. Но кто ей помешает написать статью по впечатлениям от этого вечера? А еще там были леди Стилл и... лорд Стилл, которого я увидела впервые. И много кто еще...

Их всех собрал Дэн сегодня для того, чтобы сделать мне предложение. Второй раз. И пусть чета Стилл взирала на меня прохладно, в духе «поглядим, что ты за девочка, стать частью нашей семьи – еще нужно заслужить», но в их взглядах не было ненависти, когда они смотрели, как их сын надевает мне на палец родовое кольцо. Снова.

Больше всех из Стиллов этому, кажется, был рад младший братец, который уже видел, как станет главой рода после отца, потеснив старшего. Но нам с Дэном на это было наплевать. Главное, что его родители одобрили наш союз. Я искренне надеялась, что благословение госпожи и господина Роук Дэну будет получить куда проще.

Именно такие мысли были у меня, когда официантка принесла нам основное блюдо к столу. Оно было закрыто полусферой колпака, поэтому оставалось лишь гадать, что под ним.

Когда девушка поставила поднос на стол, Дэн вдруг посмотрел на официантку и удивленно спросил:

– Адель? Ты?

Я в первую секунду удивилась, а затем вспомнила, где я ее видела – на аллее, в один из первых дней, когда поступила в академию и шла вместе со Стиллом. Тогда эта адептка еще обожгла меня злым взглядом, будто прокляла.

– Подрабатываю. – Она мило улыбнулась и отошла от столика, а затем и вовсе поспешила прочь.

Я посмотрела ей вслед, и на миг Адель обернулась. Наши взгляды встретились, и я увидела, как голубая радужка девушки на миг становится огненной, а зрачок – вертикальным.

– Не открывай! – закричала я.

Дэн уже начал поднимать крышку, резко ее опустил, прижал и так плотно надавил на нее сверху, что стало понятно: там внутри что-то

очень опасное и готовое вот-вот вырваться.

– Адель! Она демон! – рявкнула я Мору.

Приятель и его отец тут же сорвались в погоню. Канцлер – еще и на ходу отдавая указания по магофону.

– Выводите всех, быстро и тихо, – приказала я Лори и Даре.

– Всех не успеем, – оценила некромантка. – Да и ресторан на первом этаже жилой высотки. Рванет здесь – обрушится все здание...

– Тогда кого сможете... – выдохнула я.

Подруги согласно кивнули.

Началась деловая суматоха. А я осталась рядом с Дэном.

– Что там?

– Заклинание смерти, – как-то слишком спокойно ответил Дэн.

Я сглотнула. Эти чары нельзя было блокировать или развеять. Они активировались солнечными лучами.

– Сколько до взрыва? – спросила, прикидывая, как много света успело попасть под крышку для запуска реакции.

– Минута, не больше. Я его удержу. А ты уходи, Ники.

Я замотала головой:

– Нет.

– Ники, ты же знаешь, оно рванет, это магия демонов. Ее не останов... – Стилл не договорил, крышка под его руками дернулась, и он едва ее удержал.

– Тогда я буду пытаться отсрочить время вместе с тобой, – и с этими словами я положила свои руки поверх его.

Магия, та самая, что бунтовала во мне так давно, что то рвалась наружу при наших с Дэном поцелуях, то засыпала... Она начала струиться через мои ладони. И Дэн принимал ее как родную или... не как.

Это и был дар Стилла. Точнее, не весь дар, а та его часть, что осталась во мне, перешла во время нашей с ним сдвоенной атаки на Эскобара. Я стала ее вместилищем. Я хранила в себе свет Дэна, его магию, не подозревая об этом.

Все же Дэн был прав: я могла вернуть ему его выгоревший дар... Жаль, что мы узнали об этом за минуту до смерти... Или...

Идея, сумасшедшая и сумасбродная. И такая же отчаянная, как наше положение.

– Надо донести до реки, запечатать заклинанием крышку.

– Ни одни чары не удержат... – возразил было Стилл-старший. Оказалось, он не покинул зал вместе со всеми. Как и брат Дэна. А я думала, он тот еще засранец.

– А нам и не надо, чтобы удержали. Нужно, чтобы это просто погрузилось на дно реки, – ответила я.

– Подводный взрыв! – хором выдохнули Силлы.

Тут же крышку попытались зафиксировать чарами, и мы с Дэном, не отрывая рук от подноса и крышки, осторожно и максимально быстро двинулись к выходу.

Металл под нашими руками накалялся, я чувствовала запах собственной паленой кожи, но не отнимала ладоней. Не представляю, что было с пальцами Дэна... Но мы шли, шаг за шагом. Выход. Улица. Набережная... Вот она – река, но...

Стало понятно: если мы оторвем руки от этой крышки, то она рванет. Сдерживающее заклинание и так трещало по швам.

– Прыгаем? – одними губами спросил Дэн.

Я кивнула:

– На счет три...

– Три! – тут же рявкнул Дэн, поскольку сила внутри рванула.

Ледяная вода обожгла нас. Мы отпустили руки, крышка и поднос, удерживаемые заклинанием сцепления и утяжеления, камнем начали падать на дно, и тут действие чар кончилось.

Магический взрыв.

Под водой он выглядел еще более впечатляюще. Волна ударила в нас с Дэном. И нас, оглушенных, отбросило в разные стороны. Это было последнее, что я помню.

В себя я пришла в палате. Белые стены, белый потолок. Одеяло под подбородок. Жива. А Дэн? Это было первое, о чем я спросила лекаря. Оказалось, Дэн жив, лежит этажом ниже, в палате интенсивной магической поддержки. Ему досталось сильнее: переломы ребер, руки, сотрясение, отбиты все внутренние органы.

Но живой.

– Вы, ребята, везунчики невероятные, – заключил лекарь, осматривая меня. – Особенно вы, мамочка...

– К-к-как мамочка? – заикаясь, спросила я.

– Так уже скоро месяц как.

– Мамочки... – протянула я, осознавая, что, кажется, все проблемы с демонами до этого были сущей ерундой по сравнению с беременностью...

– С ребенком все в полном порядке, – не совсем правильно поняв мой испуг, ответил целитель. – А вот ваш уровень дара после взрыва... – Тут целитель замаялся и все же после нескольких секунд молчания произнес: – Магомер показывает ноль...

Я сглотнула: кажется, так сообщают о выгорании.

Я лихорадочно щелкнула пальцами, и... с них сорвался огонек.

А с носа целителя – очки. Он не поверил, попросил еще раз призвать дар. Я так испугалась, что сотворила целый фаербол. Да еще такой большой, что едва смогла его втянуть в ладонь обратно.

– Очень-очень необычный случай, – засуетился лекарь.

Спустя час ко мне в палату принесли магомер, провели повторный замер, и... оказалось, что стрелка просто сделала полный оборот – и ей все равно не хватило шкалы. Это был не ноль, это было просто сто плюс.

При первом измерении, видимо, все произошло так быстро, что целители полного оборота просто не заметили.

– Да... никогда не встречал такого высокого потенциала, – почесывая затылок, признался лекарь.

А я захохотала, догадавшись, почему при задержании стражники у меня не обнаружили магии.

– Кажется, у вас это нервное, – заметил маг и наложил на меня успокаивающие чары.

Я уснула. А проснулась оттого, что кто-то нежно прикоснулся губами к моему плечу. Рефлексы были быстрее меня. Я с размаху лягнула пяткой нападавшего и услышала сдавленное шипение:

– Ники... За что?

Я лихорадочно повернулась и встретилась взглядом с Дэном. Оказалось, он удрал из своей палаты и пробрался в мою. За день лекари его подлатали, так что кости почти срослись. Да и внутренние повреждения исчезли. Как и магия, которая, пока полностью не закончатся все процессы регенерации, была заблокирована. Поэтому Дэну и не смог усидеть... точнее, улежать на своем месте и отправился к невесте... А я его... пяткой, да по самому чувствительному.

– Защищаюсь. Привычка, знаешь ли... А то меня столько раз пытались убить...

– Больше не будут. А если попробуют – я всегда буду рядом, чтобы тебя защитить, любимая.

Я улыбнулась на эти слова. И вдруг осознала...

– Любимая?

– А еще единственная, неповторимая. Моя, – самоуверенно заявил этот несносный аристократ.

– Твоя? Только если ты лишь мой и ничей больше, – выставила я ультиматум.

– Только твой. Отныне и навеки. Клянусь, – прошептал Дэн и поцеловал меня.

Его губы накрыли мои. И я тут же откликнулась, простонала, и Стилл тут же отпрянул.

– Тебе больно?

– Будет, если ты не продолжишь, – пригрозила я и добавила: – Со мной все в порядке. Скорее, из нас двоих осторожнее надо быть тебе. Ты весь отбитый... И вообще, не время и не место, – я припомнила слова Дэна. – Вдруг кровь, давление... еще что...

– Я и правда отбитый. Только на голову. Полностью. А в остальном – целители меня подлатали. Так что мне все можно, только осторожно. А тебе?

– Мне тоже... и даже уже без противозачаточных чар...

– Что? – не понял Стилл.

– То, что ты станешь папой...

Осмысливал Дэн эту новость минут пять, а затем решительно заявил, что нужно быть ответственными, заботиться о здоровье меня и малыша, и... в итоге я рявкнула, что мое психологическое здоровье тоже важно. А для его укрепления мне нужно принимать Дэна. Внутрь. Прямо так и сказал. Не краснея даже. Почти.

Потому что Стилл был рядом. Горячий, твердый, словно камень, возбужденный и возбуждающий. Настоящий соблазн. Как я могла устоять перед самым невыносимым мужчиной на свете? С тем единственным, с кем я желала бы быть рядом. Сегодня и всегда.

Дэн сдался. И осторожно навис надо мной, держа вес своего тела на руках. Моя больничная сорочка задралась, его тоже... и я

почувствовала, как его твердое желание уперлось мне в живот. Мои пальцы скользнули по его спине, плечам, ягодицам.

Я закинула ногу ему на бедро, выгнувшись, пытаюсь быть как можно ближе.

– Моя Ники... – хрипло выдохнул Дэн.

Как?! У него еще остались силы говорить? Мне не хватало воздуха даже для вдоха. Все мое тело звенело от желания. Сгорало в нем. И я впилась в спину Дэна ногтями, едва не зарычав.

Дэн навис надо мной, целуя неспешно, чувственно. Это была сладкая пытка.

– Дэ-э-э-н... – мой стон, мольба, требование.

– Скажи еще раз, – в его голосе прозвучали упоение, удивление, удовлетворение.

– Дэ-э-н, – простонала я, прикусывая зубами его плечо. И он вздрогнул, прикрыв глаза от наслаждения.

– Ники, ты мое безумие, мое искушение, от которого я не могу и не хочу сдерживаться, – чередуя рваные вдохи и слова, произнес он.

Его напряженное дыхание ласкало мою кожу, рождая дрожь предвкушения. Оно сводило с ума, заставляя сердце бешено биться.

– Ты не представляешь, как я хочу тебя... – прохрипел Дэн.

Мое тело отозвалось на эти слова, задрожало, внутри словно что-то вспыхнуло и взорвалось. Мои губы потянулись за поцелуем. Наши пальцы переплелись, как и наши тела.

Проникновение. Медленное, наполняющее меня. Оно было восхитительным. Нежность уступила место страсти. Пальцы разомкнулись. И мы сорвались, словно в пропасть, друг в друга. Дэн входил в меня все глубже и чувствовал, как я отвечаю ему, как сбивается дыхание, когда я выкрикиваю его имя.

Яростно, резко, сильно. Я застонала, от взрыва наслаждения выгнувшись навстречу. Мои мышцы сжались от пронзившего меня блаженства, когда Дэн заполнил меня собой полностью.

Наши сердца колотились будто сумасшедшие. Но бились они в унисон. Мы на миг замерли, ощущая это абсолютное единение наших тел, душ и жизней. Мы сгорели и возродились в этой ночи. Самой восхитительной и желанной. Нашей и только нашей.

Дэн ушел под утро. И я, не успевшая толком выспаться (вот даже в лечебнице этого не удалось сделать!), зевая, узнала, что меня сегодня

выписывают. Но под наблюдение лекаря из академии. Физически я в порядке и могу приступать к теоретическим занятиям. Практика с магией и физические мне пока противопоказаны.

Я понимала, что Дэн задержится, и хотела прийти к нему в палату, попрощаться перед отъездом, но оказалось, что Стилл уже того... покинул лечебницу.

«И даже ко мне не зашел», – мелькнула горькая мысль, когда я переодевалась в вещи, которые на этот раз принесла Дара.

Каково же было мое удивление, когда я узнала, что Стилл ждет меня внизу, в машине. Причем она была его собственная. Этот автомобиль он получил год назад за победу в международном магическом турнире. Да, машина была простая, зато его собственная. И это меня почему-то несказанно порадовало.

– Решил, что хватит ей стоять в отцовском гараже, – усмехнувшись, ответил Дэн. – Нужно же подвезти мою будущую жену до академии...

И довез. А еще окружил заботой. Стилл сдержал обещание и был всегда рядом. Даже еще до того, как восстановился в академии, ведь дар вернулся к нему. К первому в истории выгоревшему!

Впрочем, Стилл был не единственным, кто вляпался в исторические хроники с размаху. Отметилась там и Адель – как первый жизнеспособный ребенок демона и человека.

Канцлер в ходе допросов и расследования узнал, что Эскобар экспериментировал с потомством – отсюда и столько беременных девушек, которые умирали, как только выяснялось, что плод в чреве не может скрывать свою демонскую суть. Лишь Лирин повезло – ее дитя выглядело полностью как человек. И обусловлено это было тем, что дар матери был достаточно высоким. Вот только у Адель проснувшаяся магия была очень низка. Да, она была наполовину демонессой, но магия стихий и темная вошли в конфликт и...

Но Эскобар был одержим идеей вывести гибрид, внутри которого демонская суть, а снаружи – сильная оболочка с магическим даром. Потому-то и приказал своей дочери выбрать в академии самого сильного мага для продления рода. Ее взор пал на Стилла. А тут я. И Адель решила меня устранить. А Николь Роук возьми и окажись неубиваемой.

– Но зачем ей было убивать Дэна в ресторане? – не поняла я, когда канцлер рассказал мне и Дэну то, что ему удалось узнать в ходе допросов.

– Это уже была месть за отца нам всем.

– А что сейчас с Адель?

– Экзорцисты пытались отделить демонскую суть от ее тела, – отозвался Толье. – Не совсем удачно. В ходе эксперимента они уничтожили не только тьму в ее душе, но и личность. Сейчас Адель осознает себя двухмесячным младенцем, хотя выглядит как взрослая девушка.

– И что с ней будет?

– Ее и Лирин отвезли в монастырь на острове слез. – Канцлер побарабанил пальцами по столешнице, выдавая тем душевные переживания. – Там моя сестра позаботится о своей дочери, чтобы Адель стала человеком.

Я вздохнула с облегчением. Знаю, нехорошо, но... хотя бы больше никто не будет пытаться меня убить.

После этого разговора я успокоилась и не нервничала ровно до тех пор, пока не настал бал первого снега. Потому что на нем Стилл в третий (!) раз попросил стать его невестой. И на этот раз кольцо было не родовым. К тому времени он уже успел заручиться благословением моих отца и матери, но все равно нервничал, не произойдет ли еще какой пакости со стороны судьбы.

Но третий раз оказался счастливым. И спустя два месяца, в канун Новогодья, мы сыграли свадьбу. А спустя полгода, в первый летний месяц, на свет появился наш первенец – Нортин-Рональд Стилл. К тому времени леди Стилл окончательно свыклась с мыслью, что в их аристократическом древе появилась плебейская веточка Николь. Но, на удивление, бабушкой мать Дэна стала отличной. Внука она полюбила сразу и безоговорочно. Да и от сына не отреклась, как грозились. Да, Дэн не встал во главе рода, но свою долю состояния получил. И пусть она была небольшой, Дэн сумел ее приумножить.

Тяжелее леди Стилл с нашим союзом свыкалась разве что моя мама. Но и она смирилась, заявив: в семье Роуков не без аристократа...

Эпилог

Я листала семейный альбом, сидя у камина. Прошло десять лет с тех пор, как я поступила в академию. К этому времени наша с Дэнном семья подросла. И в ней ожидалось еще одно пополнение – после двух сорванцов наконец-то дочурка.

За эти годы было много чего: и волнения, и радости. Я окончила первый курс и почти сразу же родила, взяла академический на год, потом восстановилась и доучилась, защитив диплом. А потом стала одним из лучших магов – специалистов по защитным чарам. Дэн после выпуска отслужил на границе три года, вернулся в столицу в звании командующего, одержав разгромную победу над демонами. Именно после нее был заключен мирный договор на наших условиях. И в Приграничье наступил покой. Причем такой, что меня как стража даже на службу не призвали. А потом родился второй сын, и... все.

Но меня и не прельщали сражения, их мне хватило на первом курсе. А вот теоретическая магия – да! Я защитила диссертацию по щитам. Потому как желала одного – сберечь мужа. А он – чтобы я не знала больше, что такое сражения с демонами. Ради этого он и побеждал в сражениях, поэтому и не оставил службу, вернувшись в столицу. А спустя несколько лет Дэн получил чин генерала.

Мор же женился на третьем курсе на Вите. Их отношения были феерическими, а свадьба стала сенсацией: еще бы, наследники двух противоборствующих династий – и вместе. Зато теперь у службы безопасности были лучшие пресс-релизы, а новости публиковались гораздо оперативнее и только те, которые не вредили следствию!

Силь добилась своего – стала знаменитой. Только не певицей, а актрисой. Но знаменитой же! И сейчас играла на подмостках ведущих столичных театров и снималась в магоматографе.

С семьи Лори спустя семь лет были сняты все обвинения в заговоре против власти за недостатком улик, а Дара открыла детективное агентство «Найдем и после смерти!».

– Мяс, – раздалось требовательное.

У ног терся Мусик – сынуля несравненной Пуси, которая все же выбрала себе в хозяева Брукса, как тот этому ни сопротивлялся.

В камине потрескивали поленья, а изнутри пиналась наша с Дэном кроха, намекая, что недолго ей в животе сидеть осталось.

– Милая, ты не замерзла? – На плечи мне легла шаль.

Я вскинула голову и увидела Дэна. Да, он изменился. Черты лица стали суровее, золото волос щедро разбавила седина. Но в его глазах я по-прежнему видела любовь и свое отражение. А он отражался в моих. Всегда.